
ОГОНЁК
№ 37 СЕНТЯБРЬ 1952
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Лучший каменщик Москвы М. А. Жуков (слева) со своим помощником А. И. Колесовым на строительстве жилого десятиэтажного дома по Новослободской улице.

Фото В. Евграфова

На первой странице обложки: Москва. Высотное здание на Смоленской площади.

Фото Н. Грановского (ТАСС)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 37 (1318)

7 СЕНТЯБРЯ 1952 30-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ПЯТАЯ ПЯТИЛЕТКА

Советские люди видят разгорающуюся над нашей страной зарю коммунизма, и каждый передовой труженик старается ускорить движение вперед. Опубликование Центральным Комитетом ВКП(б) материалов к XIX съезду партии вызвало в народе прилив новых сил. Энергия, которой обладает народ, строящий коммунизм, неиссякаема. Новые победы и достижения умножают наши творческие и трудовые ресурсы, увеличивают размах созидания. Потому так восторженно встречают советские рабочие, колхозники, интеллигенты Проект Директив по пятому пятилетнему плану.

Каждый прожитый день приближает коммунистическое завтра. Повышение темпов и качества нашего труда ускоряет развитие социалистической экономики.

В своей исторической речи 9 февраля 1946 года товарищ И. В. Сталин, касаясь планов партии на длительный период, заявил, что «партия намерена организовать новый мощный подъем народного хозяйства, который дал бы нам возможность поднять уровень нашей промышленности, например, втрое по сравнению с довоенным уровнем». Это — решение основной экономической задачи СССР, подготовка материально-технической базы коммунизма. Пятая пятилетка — важный этап нового мощного подъема. Предстоящий XIX съезд коммунистической партии вооружит советский народ могучим оружием для построения основ коммунизма.

Проект Директив по пятому пятилетнему плану определяет дальнейший значительный

По всей необъятной нашей стране развернулась подготовка к XIX съезду партии. На собраниях и беседах выступают коммунисты и беспартийные, горячо одобряя Проект Директив XIX съезда, с гордостью говоря о могуществе социалистического государства, о новом пятилетнем плане. Началось всенародное соревнование в честь XIX съезда партии. Труженики промышленности и сельского хозяйства встали на стахановскую вахту, берут новые социалистические обязательства.

НА СНИМКАХ

Вверху: СТАЛИНСКАЯ ОБЛАСТЬ. Агитатор П. С. Шумкин зачитывает рабочим 2-го участка шахты № 13 Никополь-Марпупольского треста «Куйбышевуголь» предсъездовские материалы.

Фото С. Гендельмана (ТАСС)

Внизу: МОСКОВСКИЙ АВТОЗАВОД ИМЕНИ И. В. СТАЛИНА. Коллектив цеха сборки и испытания автомобилей стал на стахановскую вахту в честь XIX съезда партии. На переднем плане: один из лучших слесарей-сборщиков коммунист Н. Ф. Мельситов за сборкой грузового автомобиля.

Фото А. Гостева

КИЕВ. Бригадир котельщиков завода имени И. В. Сталина коммунист В. К. Пономаренко (справа) и бригадир электросварщиков комсомолец Иван Перепеченко в честь XIX съезда партии выполняют две нормы в день.

Фото Н. Козловского

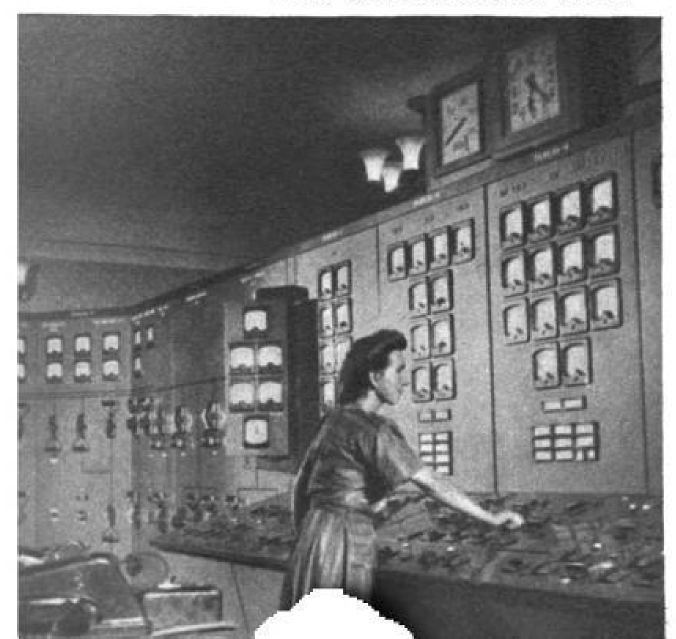

ГОРОД ГОРЬКИЙ. Комсомольцы «Красного Сормова» имени А. А. Жданова сборщик Н. Гогин и прихватчица Г. Томилина по-стахановски работают на сборке электрохода «Иосиф Сталин».

Фото П. Вознесенского (ТАСС)

ВОЛГО-ДОНСКОЙ СУДОХОДНЫЙ КАНАЛ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА. Сдав в эксплуатацию последний гидроагрегат, коллектив Цимлянской ГЭС обязался досрочно выполнить годовой план выработки электроэнергии. На снимке: дежурная Клавдия Желяева у пульта управления гидроэлектростанции.

Фото С. Кропивницкого (ТАСС)

рост материального благосостояния и культурного уровня нашего народа. Уровень промышленного производства за пятилетие повысится примерно на семьдесят процентов по сравнению с уровнем 1950 года. Наиболее высокими темпами будет развиваться тяжелая промышленность. Таков принцип планового социалистического хозяйства. Темп ежегодного прироста средств производства (группа «А») составит 13 процентов и производства средств потребления (группа «Б») — 11 процентов. Опережающий рост тяжелой индустрии — обязательное условие непрерывного движения вперед всех отраслей экономики социализма.

Среднегодовой прирост всей валовой продукции устанавливается примерно в 12 процентов. Но наши стахановцы научились опережать заданные темпы. Напомним: задание первой послевоенной пятилетки — превзойти довоенный уровень по объему валовой продукции всей промышленности на 48 процентов — было значительно перевыполнено, а пятилетний план выполнен за 4 года и 3 месяца. Фактически в 1950 году было произведено промышленной продукции на 73 процента больше, чем в 1940 году. Валовая продукция всей промышленности СССР в 1951 году выросла по сравнению с последним годом четвертой пятилетки на 16 процентов.

Мы вчитываемся в цифры, и каждая из них увлекает нас в будущее. Производство чугуна **будет увеличено на 76 процентов, стали — на 62, угля — на 43, нефти — на 85, электроэнергии — на 80 процентов, продукции машиностроения и металлообработки — примерно в два раза. Такой рост, такие темпы по силам только нашему народу!**

Директивы по пятому пятилетнему плану определяют увеличение мощности электростанций примерно вдвое, а гидроэлектростанций — втрое. В это пятилетие войдет в строй крупнейшая в мире Куйбышевская гидроэлектростанция мощностью в два миллиона сто тысяч киловатт. Около двух миллионов киловатт составит мощность других, входящих в строй станций, в том числе Камской, Горьковской, Мингечаурской, Усть-Каменогорской.

Развертывается строительство Сталинградской и Каховской гидростанций. Будет начато строительство новых крупных гидростанций — Чебоксарской на Волге, Воткинской — на Каме, Бухтарминской на Иртыше и ряда других. В порядке дня — использование гидроэнергетических ресурсов Ангары. Еще ярче засияют над нашей землей огни коммунизма.

Государственные капиталовложения в промышленность примерно удваиваются по сравнению с четвертой пятилеткой. Открываются перспективы еще более грандиозного строительства во всех отраслях индустрии. Предстоит завершить механизацию основных строительных работ и обеспечить переход от механизации отдельных процессов к комплексной механизации строительства. Парк экскаваторов за пятилетие увеличится примерно в два с половиной раза, скреперов и бульдозеров в три — четыре раза, передвижных кранов в четыре — пять раз.

Проект пятого пятилетнего плана предполагает широкое внедрение передовой техники и автоматизации во все отрасли народного хозяйства. Технический прогресс всей промышленности — закон нашего развития. Советские машиностроители получают огромное задание: полностью обеспечить совершенным оборудованием электрические станции, предприятия черной и цветной металлургии, вновь строящиеся заводы по переработке нефти и производству искусственного жидкого топлива.

Предстоят большие, призванные облегчить труд человека работы по механизации и автоматизации производственных процессов. Директивы обращают внимание на необходимость автоматизировать и механизировать доменные и мартеновские печи и прокатные станы в металлургии, комплексно механизировать добычу угля. Предстоит полностью завершить автоматизацию районных гидроэлектростанций, а также приступить к внедрению телемеханизации в энергетических системах.

Главной задачей сельского хозяйства и впредь остается повышение урожайности всех сельскохозяйственных культур, дальнейшее увеличение поголовья скота, рост его продуктивности. Увеличение валового урожая зерна намечается на 40—50 процентов. Еще больше должен возрасти урожай технических культур. Достигнуть этого можно путем дальнейшего улучшения техники сельскохозяйственного производства. Машинный парк колхозов, совхозов и МТС будет вновь значительно пополнен за счет более совершенных механизмов. Одна из важнейших задач — внедрение электротракторов и работающих на базе использования электроэнергии сельскохозяйственных машин.

Проект Директив XIX съезда партии пронизан заботой о человеке, о людях — строителях коммунизма. Производство продукции легкой и пищевой промышленности увеличится не менее, чем на 70 процентов. Намечено строительство большого количества хлопчатобумажных комбинатов, заводов искусственного волокна, шелковых, швейных, трикотажных, кожевенно-обувных предприятий, сахарных, маслобойных и других заводов. Еще шире, чем прежде, развернется строительство жилищ. Будет заселено около 105 миллионов квадратных метров новой жилой площади.

Большие работы намечаются в области транспорта. Ввод в действие электрифицированных железных дорог увеличится в четыре раза по сравнению с предыдущей пятилеткой. Будет завершено переустройство Волго-Балтийского водного пути, создана единая глубоководная транспортная система в европейской части СССР.

На основе непрерывного роста социалистического производства и повышения производительности общественного труда планируется рост национального дохода СССР за пятилетие не менее чем на 60 процентов. Неуклонное снижение цен на предметы массового потребления явится главнейшим средством систематического повышения реальной заработной платы рабочих и служащих и повышения доходов крестьян. Реальная заработная плата за пятилетие повысится не менее чем на 35 процентов. Денежные и натуральные доходы колхозников возрастут на 40 процентов.

К концу пятилетки намечается завершить переход от семилетнего образования на всеобщее среднее образование в столицах республик, городах республиканского подчинения, в областных, краевых и крупнейших промышленных центрах. Будут подготовляться условия для перехода в следующее пятилетие ко всеобщему десятилетнему образованию во всех городах и селах.

«Настоящий (пятый) пятилетний план вновь демонстрирует перед всем миром великую жизненную силу социализма, коренные преимущества социалистической системы хозяйства перед капиталистической системой,— говорится в Проекте Директив XIX съезда.— Этот пятилетний план является планом мирного хозяйственного и культурного строительства. Он будет содействовать дальнейшему упрочению и расширению экономического сотрудничества Советского Союза и стран народной демократии и развитию экономических сношений со всеми странами, желающими развивать торговлю на началах равноправия и взаимной выгоды».

Стахановцы Московского автомобильного завода имени товарища Сталина призвали всех своих соотечественников «широко организовать социалистическое соревнование в честь XIX съезда ВКП(б) и тем самым внести новый вклад в дело дальнейшего укрепления могущества и процветания нашей советской Родины». Их голос услышан, их призыв нашел поддержку у всего советского народа.

Опубликованный ЦК ВКП(б) Проект текста измененного Устава партии так определяет главные задачи Коммунистической партии Советского Союза: «...построить коммунистическое общество путем постепенного перехода от социализма к коммунизму, непрерывно повышать материальный и культурный уровень общества, воспитывать членов общества в духе интернационализма и установления братских связей с трудящимися всех стран, всемерно укреплять активную оборону Советской Родины от агрессивных действий ее врагов».

Трудящиеся нашей страны знают, что новый, пятый пятилетний план вытекает из великих задач, стоящих перед Коммунистической партией, и готовы отдать все свои силы его осуществлению.

ЧИСТОЕ ПОЛЕ

Н. ХРАБРОВА

Фото С. Розенфельда

Эльмине сидит, спустив босые ноги в канаву, желтую от одуванчиков. Щурясь от солнца, девочка выжидательно глядит на верхушку холма, изрезанного свежими бороздами.

Наконец из-за холма появляется трактор. Он гудит все сильнее.

— Ты что, Элла? — выглянув из кабинки, спрашивает у дочери Петер Отсман.

Эльмине подбегает, идет рядом.

— Папа, возьми на трактор!

Добрые отцовские глаза с удивлением и почти с тревогой останавливаются на девочке. И в кого она такая своевольная и упорная? Целую неделю бегает за трактором и только и знает: «Папа, возьми на трактор!»

— Не женское это дело, дочка!

— Папа! — В ее голосе и просьба, и настойчивость, и укор.

— Ну, может, и женское, да не детское! — поправляется отец.

— Папа! Я комсомолка, мне пятнадцать лет. Папа, сейчас же возьми на трактор!

Петер Отсман изумленно посмотрел на всегда тихую и сдержанную дочь, потом вдруг расхохотался этому сердитому «сейчас же» и сказал:

— Ну, полезай! А теперь уж прошу не ныть и не жаловаться!

Глядя на напряженное лицо и нахмуренные брови дочери, отец подумал: «А, пожалуй, будет из нее неплохой тракторист: спит и машины видит». Он давно замечал, как пристально дочь приглядывается к его работе. Вечерами с ребятами на улице заиграется, поужинать не дозовешься, а стоит отцу в МТС пойти, она тут как тут, часами может глядеть, как он разбирает, смазывает и собирает трактор. «Пожалуй, выйдет из нее тракторист», — снова подумал Петер Отсман и облегченно вздохнул, точно принял трудное решение.

И в самом деле, из Эльмине получился тракторист. Год спустя, весной 1941 года, в Лужской МТС Ленинградской области на доске показателей рядом стояло: «Петер Отсман, Эльмине Отсман».

И показатели были одинаковые.

...В те дни, когда Эльмине, еще не определив своей судьбы, мечтала то о тракторе, то о самолете, недалеко от Луги, если мерить километрами, но очень далеко, если мерить различными детскими мечтами и различными человеческими судьбами, по полям уезда Вильяндимаа буржуазной Эстонии ходила другая девочка — Майму Видебаум. В дождь и в зной, ранним утром и поздним вечером она пасла тощую коровенку да несколько овец и мечтала об одном: добраться до дому и поспать несколько часов. Больше мечтать было не о чем. На одинокий трактор, изредка проходивший по дорогам Вильяндимаа, девочка глядела с опаской. Он принадлежал богачу Саару, а от Саара ничего хорошего ждать не приходилось.

Наверное, встреча Эльмине Отсман и Майму Видебаум произошла бы раньше и раньше изменилась бы судьба Майму, если бы не война, не фашистская оккупация. В оккупированной Эстонии Майму работала вместе с матерью на клочке арендованной земли, в страхе припадала к этой земле, заслышав перестрелку на дорогах, рев немецких самолетов в небе, увидев немецких солдат на полевой тропе.

А Эльмине в это время проделала шестисоткилометровый путь на тракторе, эвакуируя оказавшуюся в прифронтовой полосе МТС. Машины переселились в Хвойненскую МТС Ленинградской области. Там Эльмине работала старшей трактористкой. Работала по-фронтовому, лишь несколько часов отводя для сна. И еще больше стала работать, когда вступила в партию. Она дождалась наконец совершеннолетия и, как только ей исполнилось восемнадцать лет, понесла заявление в партийную организацию. Семья Отсман состояла тогда из одних механизаторов. Отец уже стал комбайнером и за отличную работу получил значок «Лучший комбайнер МТС», мать Алиде Ивановна ездила у него помощником, брат Вельтон тоже сел на трактор.

Эльмине было мало одного трактора. В одну из военных зим она закончила курсы механиков в Бокситогорске, и скоро в Ленинградской машинно-тракторной мастерской появился новый слесарь — девушка с быстрыми, уверенными движениями. Налаживать и лечить машины она готова была и днем и ночью. Это же так интересно!

Однажды, уже после войны, ее вызвали в райком партии и сказали:

— У вас большой опыт механизации сельского хозяйства, надо помочь эстонским крестьянам.

Эстония! Это оттуда, не справившись с каменистой и болотистой землей, уехали дед с бабкой искать счастья в других краях. Счастье не выпало на их долю. Его нашел только отец Эльмине. Сразу понял он, где оно; пошел в колхоз и был одним из первых трактористов.

У нее, Эльмине, у ее сестер и брата жизнь пошла иначе...

Мелькают за окном поезда болота, мокрые от дождя рощицы и больше всего поразившие девушку маленькие, как заплатки на весенней земле, усеянные камнями крестьянские участки.

Эстония, земля дедов... Вот она какая! Родная и вместе с тем какая-то непонятная.

Эльмине задумалась. Ее предки покинули эти леса, болота и луга, а ей выпало переделывать по-новому тут жизнь. Девушка почувствовала прилив энергии, как всегда у нее бывало перед началом трудного дела. Эх, тракторы, экскаваторы бы сюда! Пройтись с ними по этой земле, смести межи, расширить поля, осушить болота и вывести на новый путь крестьянскую жизнь, как много лет назад это произошло в России.

— Мое место здесь! — вслух произнесла Эльмине.

Не так просто перестроить жизнь одного человека. А жизнь народа? Какое это сложное и глубокое дело — повернуть на другой путь сотни тысяч людей! Века жили люди на хуторах отдельно друг от друга, со своих клочков земли руками убирали тонны камней, с каждой вспашкой снова и снова вылезавших из земли, лопатой боролись с ржавой болотной водой, в половодье подступавшей к самым порогам. И все в одиночку, пряча от соседей свою трудную жизнь, огораживая хутора высокими заборами, обсаживая густым ельником.

Земельную реформу, отнявшую землю у кулаков и отдавшую ее беднякам, встретили на мелких хуторах с радостью. Вечерами за километры стали люди ходить друг к другу, чтобы поговорить о новой жизни, о грядущих днях. На болотистых лугах появились новые тропки. Точно ниточки, они связывали усадьбы.

Когда в бывших баронских хуторах были созданы МТС, когда помещичьи владения превратились в совхозы и на совхозных полях тракторы вытащили валуны, вспахали, взборонoвали и засеяли поле, когда экскаваторы прошлись по заболоченным землям и комбайны сняли невиданный в Эстонии урожай, крестьяне поняли: наступил конец старой жизни. Поняли и убрали камни с межей, отвели скотину в колхозные дворы. Узенькие тропки превратились в дороги, и часто на них можно было увидеть следы от стальных колес тракторов.

Эльмине поступила трактористкой в Вильяндискую МТС. Тут-то скрестились пути Эльмине Отсман и Майму Видебаум, крестьянки из волости Пайсту.

В памяти Эльмине навсегда остался первый выезд на колхозную землю. Вывела она трактор в поле. А у пашни собрались деды. Глядят недоверчиво. Молчали, молчали, а потом один из них спрашивает:

— Ты и пахать будешь?

Эльмине утвердительно кивнула головой. Тогда другой дед снова спросил:

— Что, в МТС мужики перевелись? Или специально нашему колхозу такая неудача вышла — девчонку прислали?

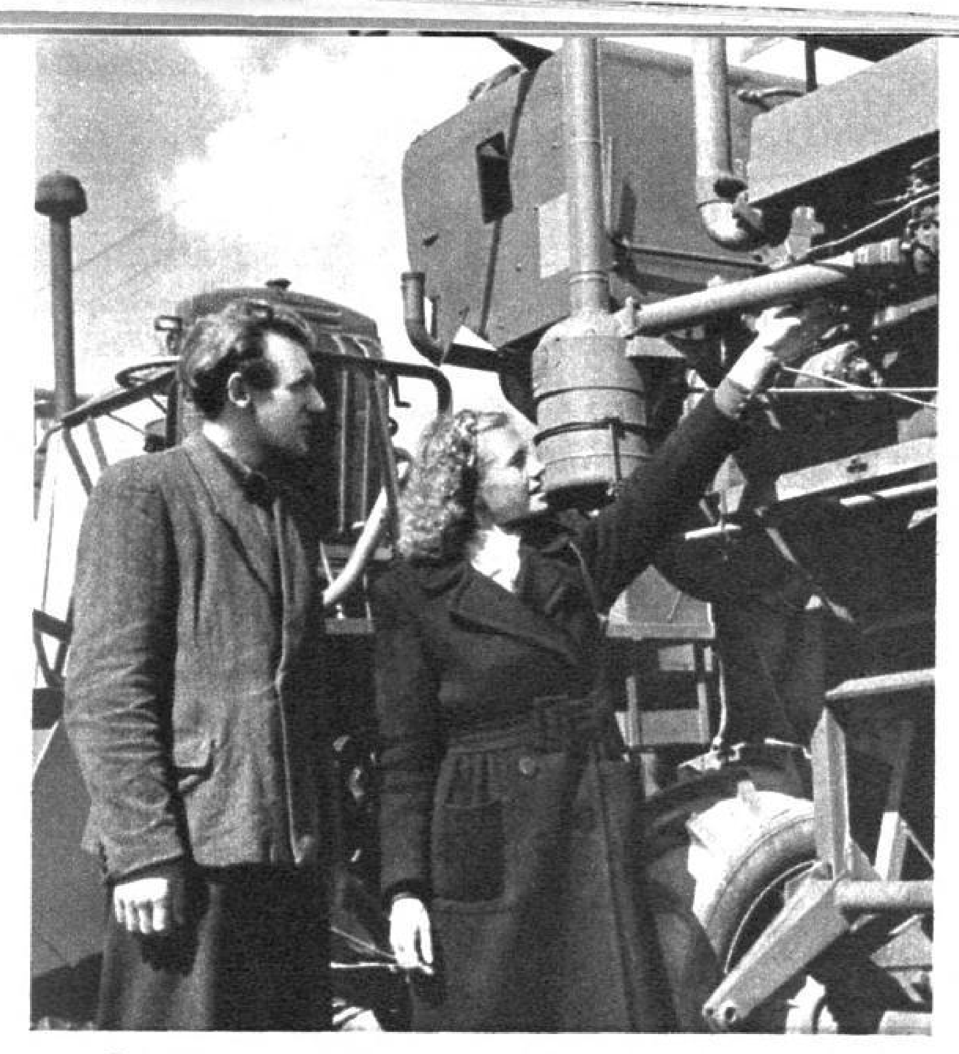
Эльмине промолчала. Старики в ожидании ответа переглянулись, задымили трубками и тоже замолчали.

«Поговорить бы надо с дедами, — подумала было Эльмине, но сразу изменила решение: — А впрочем, поговорим с ними другим языком».

Завела трактор, спросила, откуда начинать, и тронулась. Деды остались на меже, долго глядели на ровные темные борозды, потом, не сговариваясь, нагнулись,

Работа закончена, и бригада уходит на отдых. Слева направо: Хельми Янес, Майму Видебаум, Эльмине Отсман, Аста Каннес, Майму Мяэотс, Сальме Отс.

Пришли новые комбайны.
— Вот на этой машине я буду осенью работать,— говорит Эльмине своему мужу.

померили глубину вспашки и, оглядываясь на трактор, побрели по домам. А вслед им раздался звонкий смех. До того звонкий, что его услыхала Эльмине. Смеялась беловолосая девушка с комсомольским значком. Она бежала бороздой за трактором, внимательно следила, как он поворачивается, вглядывалась в каждое движение трактористки, а потом глянула прямо в лицо Эльмине. В глазах беловолосой комсомолки были и восхищение и немая просьба. Эльмине вспомнила свое детство. Вот так же она когда-то бегала за трактором и такими же глазами смотрела на отца.

Этот день решил судьбу Майму Видебаум. Через несколько дней, когда Эльмине, закончив пахоту, уезжала из колхоза, ее провожали гурьбой колхозные девушки. Один из дедов подошел и сказал ей:

— Ты хорошо вспахала наше поле. Конечно, машина хорошая. И тут еще такое дело... — дед помедлил, подыскивая слова. — Вы там, на советской стороне, настоящими выросли. Наши девчонки так не сумеют...

И осекся. Рядом с ним встала беловолосая девушка. Она теперь не смеялась, как тогда, в поле. Лицо ее выражало решимость и возмущение.

— Сумеем! Не забывайте, мы теперь ведь тоже на советской стороне. Это кулацкие дочки кухней и платьями занимались, а твои дочери, и я, и они,— Майму указала на девушек,— пахали и косили наравне с мужчинами. Теперь на тракторах поедем!

Дед не нашел, что ответить, и только глядел подслеповато на девушек.

Жизнь Майму покатилась дальше, как по ровному, чистому полю. Курсы трактористов при Вильяндиской МТС, первые выезды в поле и первые огорчения, а затем много-много радости.

В 1950 году произошло событие, повернувшее не одну девичью судьбу на новый путь: к десятилетию советской Эстонии лучшую трактористку республики Эльмине Отсман наградили орденом Ленина. И все, кто знал Эльмине, даже старики, считали, что награда ею вполне заслужена.

Сколько разговоров бывает за ужином в семье Отсман!

В тот год Эльмине вдвое больше вспахала, чем было намечено. Вместо 200 гектаров 400. Надо сказать, трудновато было поднять такую площадь. Земля разбросана на 116 участках. Тогда в Эстонии не было еще укрупненных колхозов, не закончено было землеустройство. На переезды уходило много времени. Чтобы не расходовать рабочих часов, Эльмине перегоняла трактор ночью.

Но недаром Эльмине еще в тот день, когда впервые самостоятельно повела трактор, решила: «Буду такой, как Паша Ангелина!»

Получая орден Ленина, Эльмине смущалась: «Так мало сделано!» Она не знала еще, что много эстонских девушек уже сказали себе: «Буду такой, как Эльмине Отсман!»

Майму Видебаум весной 1951 года стала самостоятельно водить трактор. К ее величайшему удовольствию, на прицепе у нее ездил парень.

— А деды-то и бабки,— на все поле хохочет Майму, вспоминая недавнее прошлое,— совсем другое заговорили! Вот дела пошли! Девушки тракторами управляют, а парни у них на прицепах ездят. И удивительное дело: справляются с машинами девчонки!

А Эльмине Отсман снова пошла вперед.

Осенью 1950 года она села за штурвал комбайна «Сталинец-4». И как когда-то в русских и украинских, грузинских и таджикских газетах, теперь в газетах и журналах советской Эстонии появились портреты и статьи под заглавием «Первая эстонская девушка-комбайнер».

И знаете, кто помощником стал работать у Эльмине? Ее отец Петер Отсман. Он ничуть не постеснялся пойти в помощники к дочери. Водить комбайн он уже не решился: глаза стали не те, а каменистые поля Эстонии требуют зоркого, неослабного внимания.

А в жизни Эльмине событие за событием. Она депутат Верховного Совета Эстонской ССР. Она делегат Всесоюзной конференции сторонников мира. В Москве осуществилась ее давнишняя мечта: Эльмине встретилась с Прасковьей Никитичной Ангелиной.

Вернувшись, Эльмине немедля собрала молодых трактористок и долго и горячо рассказывала им о Старо-Бешеве, о знаменитой стахановской бригаде Ангелиной. Закончила она свой рассказ так: «Я хочу вот что предложить, девушки: создадим и мы свою женскую бригаду!»

Затаив дыхание, слушала взволнованную речь Эльмине одна из лучших трактористок, Хилья Пийр. Стало серьезным озорное загорелое лицо Асты Каннес. Майму Мяэотс, Майму Видебаум, Сальме Отс, Хельми Янес, Майе Хуубел и Хелене Пыллу стоят, тесно прижавшись друг к другу, и слушают. Каждой так и хочется задать немедленно вопрос, но перебивать Эльмине не решались: очень хорошо она говорит.

Когда Эльмине кончила, зашумели, заговорили все разом. Не так просто отказаться от материнской заботы, уехать на всю весну и осень из родного колхоза, от семьи... Да и страшно: многие только-только сели на трактор. Справятся ли? С другой стороны, заманчиво создать что-то новое, дружно, вот так, всем вместе взяться за дело. Победили молодость, задор и убежденность Эльмине. Девушки верили ей.

Теперь все сомнения и колебания позади. Имена Хильи Пийр, Асты Каннес, Майму Мяэотс, Майму Видебаум, Сальме Отс, Хельми Янес, Майе Хуубел и Хелене Пыллу с уважением произносят все девушки Эстонии. Молодые трактористки Вильяндиской МТС создали первую в республике женскую тракторную бригаду, чтобы работать по-стахановски. Бригадиром была назначена Эльмине Отсман. Она была примером остальным. Девушки перенимали у нее умение вспахать поле без единого огреха, дивились ее выдержке и упорству и незаметно сами становились похожими на нее. Когда трактористка, сменявшая Майму Видебаум, заболела, Майму, чтобы не допустить простоя, просидела за рулем трактора три смены подряд. Когда подруги восторгались ее поступком, она сказала:

— Люблю трактор — вот и все. Чтобы не заснуть, пела всю ночь песни. — И круто повернула разговор: — А знаете, девушки, говорят, скоро камни с полей возить начнем. Люблю эту работу! Предки наши сотни лет обносили свои плуги вокруг этих глыб, а мы за несколько часов повыдергаем валуны, вывезем — и поле навсегда станет чистым!

Когда бригада работала в колхозе «Сталинлик Сыпрус», Эльмине привезла девушкам радостную весть: они завоевали второе место в соревновании 14 бригад МТС. Ни одной аварии, ни одной поломки! Впереди была только бригада Николая Порска. Посыпались предложения:

— Поздравить Николая!

— И передать, что на следующий год мы первенство возьмем!

Эльмине улыбнулась и ничего не сказала.

И что можно было сказать? Эльмине хорошо знала, что значит соревнование с такими механизаторами, как Порска или муж Эльмине Александр. Ведь это лучшие трактористы во всей республике. А все-таки... Все-таки первое место надо завоевать!

На столе у Эльмине появилось еще больше книг и журналов по механизации сельского хозяйства, и девушки узнали за эту весну много нового. Они понимают, что значит быть первой в республике женской бригадой и завоевать первенство в соревновании с мужчинами: это ведь еще одна коренная ломка в сознании людей, в их отношении к женской доле, это сотни девушек за рулем трактора, за штурвалом комбайна. Значит, надо завоевать первое место!

* * *

Ранним утром Эльмине выходит в поле. Искрящиеся росой густые всходы тянутся далеко к горизонту. Огромными темнокоричневыми прямоугольниками рядом с посевами раскинулись вспаханные пустыри, осушенные и обработанные болота. По бокам кюветов длинные гряды валунов, вытащенных тракторами. Сколько камней вывезено! Счета им нет.

Легко, радостно на душе. Радостно оттого, что земля дедов, проливавших пот на крохотных каменистых нивках, теперь раскинулась перед нею чистыми, широкими полями. И жизнь на эстонской земле стала такой чистой, такой интересной!

МУЖЕСТВЕННЫЙ И СВЕТЛЫЙ ОБРАЗ

(К 75-летию со дня рождения Ф. Э. Дзержинского)

Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ.

Однажды старик-рабочий, огорченный тем, что Дзержинскому приходится много работать, заботливо сказал ему:

— Не кипятись, сердце не вставишь.

И по-своему пожурил народного комиссара за скромность:

— Надел бы хоть свой орден! Чай, заработал!

Феликс Эдмундович, улыбнувшись, ответил:

— И так, думаю, не перепутают.

Да, «перепутать» его с кем-либо невозможно. Ф. Э. Дзержинский как человек, революционер-большевик и государственный деятель с особой исторической биографией исключителен и неповторим.

И. В. Сталин сказал о нем: «Когда теперь, у раскрытого гроба, вспоминаешь весь пройденный путь тов. Дзержинского — тюрьмы, каторгу, ссылку, Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией, восстановление разрушенного транспорта, строительство молодой социалистической промышленности, — хочется одним словом охарактеризовать эту кипучую жизнь: **ГОРЕНИЕ**».

Дзержинский неповторим потому, что революция поставила его на такое место в истории, какого не знал еще никто: **первый** страж **первой** на земле социалистической революции! Даже враги должны были признать исключительность его революционного таланта.

В 1910 году Ф. Э. Дзержинский с Капри, из Италии, куда приехал после очередного побега из царской ссылки, писал о своих встречах с М. Горьким: «Он произвел на меня огромное впечатление — своею простотою, своей жизненной силой и жизнерадостностью. Он интересуется всем, все хочет объять и все по-своему воспринимает — душевно и правдиво. Его, повидимому, мучит то, что он в изгнании, — и он ловит всякое проявление жизни, которое доходит до него оттуда, и создает целые картины сел и городов и живет этим — живет так, как будто бы сам был там и как будто сам был душою народа — его поэтом, его голосом и его надеждой. Он является поэтом пролетариата — выразителем его коллективной души».

Так можно сказать и о самом Дзержинском.

Он был бесстрашен на посту председателя грозной ВЧК, защищая советскую Отчизну от контрреволюционных заговоров извне и изнутри. Он охранял и охранил жизнь и счастье миллионов советских людей от возврата к ним грязной капиталистической неволи. Он должен был быть суровым, чтобы не перестать быть чутким. Наполовину любить или наполовину ненавидеть Феликс Дзержинский не умел. Он мог отдать делу, за которое боролся, всю душу, всего себя. Иначе он не мыслил свою жизнь.

Такова была нравственная формула жизненного поведения, которой во всем и всегда следовала исключительно целостная натура Феликса Эдмундовича.

Его письма и дневники красноречиво подтверждают высказанную им страстную мысль о неприемлемости половинчатых чувств. Человеческое «я» для него не могло существовать, не сосредоточив в себе все человеческое. Он умел глубоко думать и мечтать о мире и о своем месте в нем, как человек огромных духовных качеств — революционер-гуманист с щедрым сердцем.

Устроить себе в жизни «келью под елью», как презрительно шутил Дзержинский над некоторыми деятелями, он не мог. Не таков характер, и не таков темперамент! «Я нахожусь в самом огне борьбы, — сообщал он родным своим. — Жизнь солдата, у которого нет отдыха, ибо нужно спасать наш дом. Некогда думать о своих и о себе. Работа и борьба адская. Но сердце мое в этой борьбе осталось живым, тем же самым, каким было и раньше».

И дальше: «Я выдвинут на пост передовой линии огня, и моя воля: бороться и смотреть открытыми глазами на всю опасность грозного положения и самому быть беспощадным».

Он очень строго наказывал своих подчиненных, виновных в нарушении этических принципов революционного правосудия. Это он, Феликс Дзержинский, сказал: «Чекистом может быть лишь человек с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками».

Старшему поколению советских людей хорошо известна глубокая любовь Феликса Эдмундовича к детям. Сидя в тюрьме в 1902 году, он писал оттуда: «Я встречал в жизни детей, маленьких, слабеньких детей, с глазами и речью старых людей. О, это ужасно! Нужда, отсутствие семейной теплоты, матери, воспитание только на улице, в пивной превращали этих детей в мучеников... Не знаю, почему я детей люблю так, как никого другого... думаю, что собственных детей я не мог бы любить больше, чем не собственных...»

Он всегда и много заботился о беспризорных детях и вплоть до самой смерти делал все, что было в его силах, для организации большого дела воспитания беспризорных и сирот.

Он часто — и этим очень походил на Владимира Ильича — по-детски хорошо, продолжительно смеялся, до веселых слез. Он любил подтрунивать над человеком, к которому хорошо относился, и знавшие эту черту характера Феликса Эдмундовича никогда на него не обижались. И напротив: с человеком, к которому относился безразлично, Дзержинский очень мало разговаривал и никогда не шутил. Разговаривая, он глядел прямо в глаза своему собеседнику, и горе тому, в чьих глазах можно было заметить кривду или фальшь!..

Дзержинский как бы физически ощущал любую политическую нечистоплотность, антипартийное лукавство и притаившееся предательство. Когда на совещании членов ЦК осенью 1925 года еще не разоблаченный в ту пору Зиновьев, которого Дзержинский презирал всегда за трусость, выступил с грязной речью против политики партии и ее вождя И. В. Сталина, Феликс Эдмундович яростно крикнул с места в адрес «оппозиции»:

— Вы изменники!

В жизни, в работе он многим прощал ошибки, если люди в них сознавались. Но был непримиримо беспощаден к тем, кто хоть в малейшей степени лгал. Лжи он не выносил, не прощал никогда. Он сам был правдив в большом и малом. И все в партии это знали.

В своей предсмертной речи, которую В. М. Молотов назвал «завещанием» Дзержинского, дышавшим «заражающей уверенностью в победе пролетариата», Феликс Эдмундович непроизвольно сам охарактеризовал себя:

— Вы знаете отлично, моя сила заключается в чем? — воскликнул он, прижимая обе руки к сердцу. — Я не щажу себя никогда. И поэтому вы здесь все меня любите, потому что вы мне верите. Я никогда не кривлю своей душой; если я вижу, что у нас непорядки, я со всей силой обрушиваюсь на них.

Он умер сразу же после этой огненной, замечательной речи. Он отдал ей всю страсть, весь гнев и все благородство своего горячего большевистского сердца.

«Прощай, герой Октября! Прощай, верный сын партии!

Прощай, строитель единства и мощи нашей партии!» — сказал, прощаясь с ним, великий Сталин.

Миллионам и миллионам людей знакомо гордое внутренней правдой и красотой, вдохновенное лицо человека с высоким лбом, с ясным взором.

Сегодня больше и резче, чем когда-либо в истории человечества, мир разделен на добро и зло, на подвиг и обман, на отвагу и коварство, на правду и ложь. Наша Родина, освещенная идеями Ленина — Сталина, идет и шла в мир все эти тридцать пять лет с добром, правдой, с красотой подвига, с бесстрашием правоты.

Горение — такова жизнь Феликса Дзержинского.

М. КОЗАКОВ

ВЫСОТНЫЕ здания столицы

К. С. АЛАБЯН,
действительный член Академии архитектуры СССР

В канун XIX партийного съезда естественно желание советских людей оглянуться на все проделанное за последние годы, с гордостью подсчитать величайшие достижения нашего народа. Относится это и к архитектуре и строительству, являющимся предметом неустанных забот большевистской партии, забот, приносящих замечательные результаты. 7 сентября 1947 года были заложены первые камни высотных зданий в столице нашей Родины, а сейчас мы любуемся уже завершенными величественными сооружениями, так украсившими любимую Москву.

«В фантастическую быстроту каких бы то ни было перемен у нас никто не поверит, но зато в быстроту действительную, в быстроту, по сравнению с любым периодом исторического развития, взятым, как он был,— в такую быстроту, если движение руководится действительно революционной партией, в такую быстроту мы верим и такой быстроты мы во что бы то ни стало добьемся».

Эти слова В. И. Ленина невольно вспоминаются, когда мы наблюдаем за реконструкцией столицы великого Советского Союза. На наших глазах за короткий срок Москва неузнаваемо изменила свой облик.

Пять лет назад начался новый важный этап в истории столицы. В 1947 году было принято по инициативе товарища Сталина историческое постановление Совета Министров СССР о строительстве высотных зданий. Прошло совсем немного времени, а уже далеко от столицы видны уходящие в небо силуэты первенцев отечественного высотного домостроения.

Решение правительства о сооружении высотных зданий открыло новые замечательные перспективы перед архитектурой Москвы. «Пропорция и силуэты этих зданий,— говорилось в решении Совета Министров СССР,— должны быть оригинальны и своей архитектурно-художественной композицией должны быть связаны с исторически сложившейся архитектурой города и силуэтом будущего Дворца Советов».

В работе над проектами первых высотных зданий столицы у наших архитекторов не было предшественников, все решения — конструктивные, архитектурные, инженерные — приходилось принимать, не имея перед собой почти никаких образцов.

Зарубежные небоскребы не могли стать примером для наших высотных зданий. В Нью-Йорке, Чикаго и других американских городах многоэтажные громады строятся хаотично. К этим небоскребам и сейчас применима характеристика, данная им много лет назад Максимом Горьким: «На берегу стоят двадцатиэтажные дома, безмолвные и темные «скребницы неба». Квадратные, лишенные желания быть красивыми, тупые, тяжелые здания поднимаются вверх угрюмо и скучно. В каждом доме чувствуется надменная кичливость своей высотой, своим уродством».

Стремление в высоту связано у создателей американских небоскребов с одним: с непрерывно растущими ценами на землю. Один американский статистик подсчитал, что стоимость небольшого участка земли в центре Нью-Йорка равна затратам на постройку 50 многоэтажных зданий...

Большие задачи встали перед авторами проектов первых высотных зданий Москвы в связи с необходимостью сочетать их силуэты с архитектурой не только новой, но и старой Москвы.

Дореволюционная Москва с ее поднявшимися над одно — двухэтажными жилыми домами, башнями, колокольнями, звонницами монастырей расположена была по «ярусам», на холмах и изгибах Москвы-реки. Эти особенности планировки города учли проектировщики высотных зданий. Теперь, когда высотные здания уже стали реальностью, мы можем говорить об их особой, неповторимой архитектуре. В них заложен принцип художественного единства, четкого решения градостроительных задач. Особенность этих зданий — легкость и вместе с тем монументальность, простота и изящество архитектурных форм. Они тесно связаны с окружающими жилыми кварталами, образуя единое архитектурное целое.

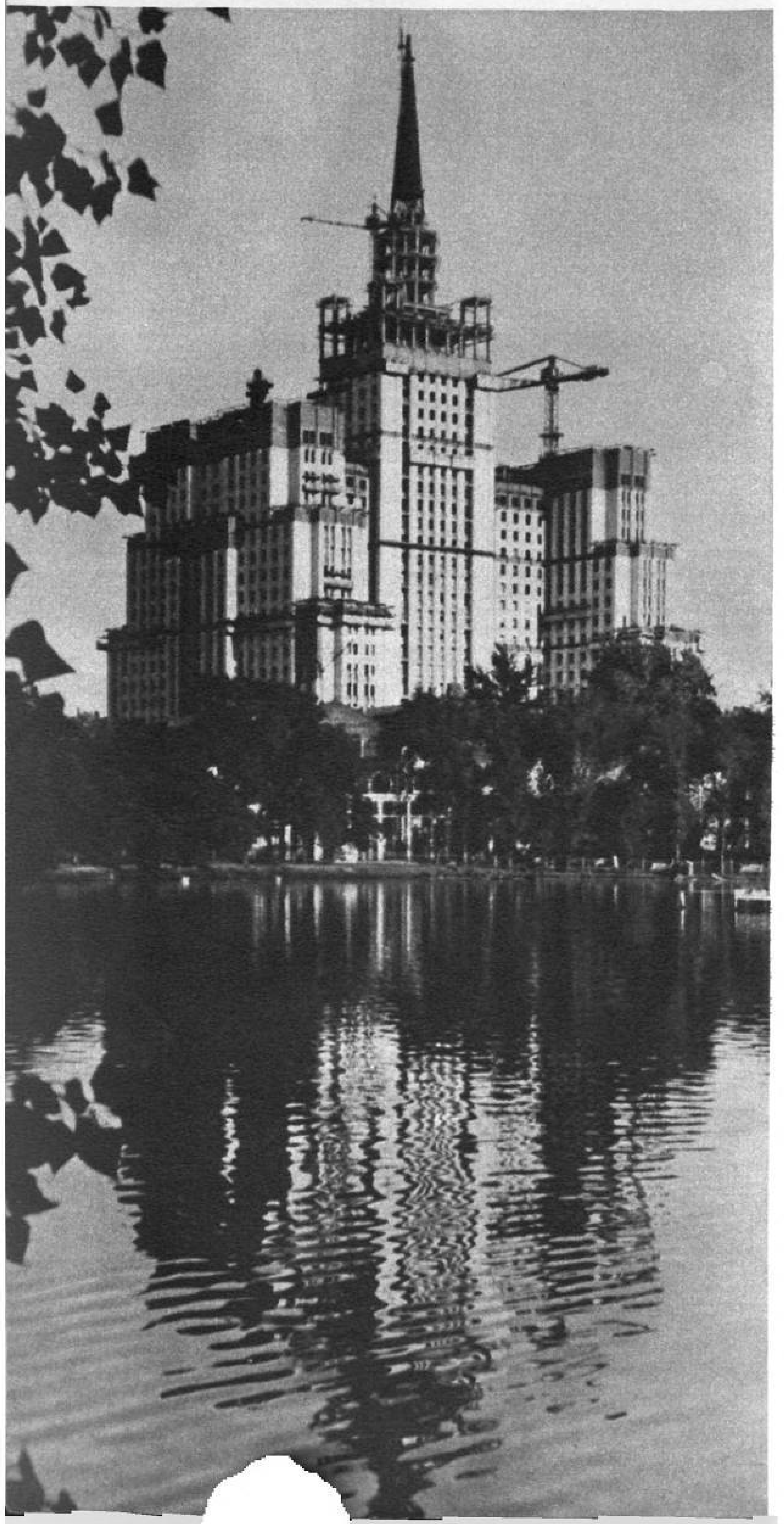
Жители многих американских небоскребов даже во время небольших ветров ощущают колебания зданий. В отличие от США, где допуск величины прогиба верха здания от ветра составляет $^1/_{500}$ его высоты, у нас эта величина была сокращена до $^1/_{1000}$, а в некоторых случаях — еще больше. Достигнуто это прежде всего за счет разработки наиболее рациональной конфигурации зданий.

Инженеры предложили новый тип коробчатых конструкций фундаментов, которые позволили избежать неравномерной осадки домов. Высокая прочность стальных каркасов была достигнута заменой клепаных конструкций сварными.

Высоко на Ленинских горах раскинулся архитектурный комплекс нового здания МГУ (авторы проекта — действительные члены Академии архитектуры СССР Л. В. Руднев и С. Е. Чернышев). Дворец науки занимает территорию в 12 раз большую, чем та, на которой расположено крупнейшее высшее учебное заведение США— Колумбийский университет. В новом здании МГУ имеется 21 лекционная аудитория (каждая вмещает от 150 до 600 человек), Музей землеведения, занимающий несколько этажей, библиотека в 1 200 тысяч томов, актовый зал на 1 500 человек, клуб, обсерватория, спортивный городок и многое другое.

Немалые задачи пришлось решить и при облицовке высотных зданий. Ученые и конструкторы впервые в практике строительства предложили такой способ облицовки, при котором большими плитами сразу покрывают значительные участки фасадов и стен. Был найден и новый вид заполнителя для стен, так называемый дырчатый кирпич. Его применение позволило сделать стены высоких зданий возможно более легкими.

27-этажное административное здание на Смоленской площади (проект действительного члена

Высотный дом на площади Восстания.
Фото Г. Санько

Академии архитектуры СССР В. Г. Гельфрейха и архитектора М. А. Минкуса) вдвое превышает по своему объему здание Совета Министров СССР в Охотном ряду.

В решении правительства о сооружении высотных домов особенно подчеркивалось, что «внутренняя планировка зданий должна создавать максимум удобств для работы и передвижения внутри здания». Архитекторы сделали многое для выполнения этого важного указания товарища Сталина.

Новые высотные здания являются замечательным примером заботы о самых небольших нуждах советских людей. В здании на Смоленской площади одиннадцать трансформаторных подстанций. Они полностью обеспечат электроэнергией основные и подсобные помещения. Кстати говоря, в этом доме, как и в других высотных зданиях, планировка сделана с расчетом на естественное освещение в дневные часы большинства комнат. Общая длина электролиний, заключенных в стальные трубы, уложенные в перекрытиях дома на Смоленской,— около 100 километров.

В доме действует установка искусственного климата. 50 центробежных вентиляторов уносят наружу отработанный воздух. Для того, чтобы они не мешали работе, вентиляторы снабжены амортизаторами и особыми автоматическими устройствами, поглощающими шумы. Устроена здесь и централизованная система пылеудаления. В каждой комнате — пылеприемный клапан. Стоит присоединить к нему специальную аппаратуру — и мгновенно вся пыль и мусор будут удалены.

К услугам работников учреждений, которые здесь разместятся, 28 скоростных лифтов. До 23-го этажа можно подняться за 32 секунды. Такие же удобства, такая же забота о людях видны в каждом из высотных зданий.

На Садовом кольце, кроме административного дома, о котором мы рассказали, находятся еще высотные здания. Одно из них расположено на площади Восстания, другое — у Красных ворот.

Четыреста тридцать шесть квартир получат москвичи в 22-этажном высотном доме на площади Восстания (проект здания членакорреспондента Академии архитектуры СССР М. В. Посохина и архитектора А. А. Мдоянца). В архитектуре этого здания удачно использованы элементы национального русского зодчества.

Высотный дом у Красных ворот (его авторы — архитекторы Б. С. Мезенцев и А. Н. Душкин) комбинированного типа. Основная, высотная часть здания, главным фасадом выходящая на Садовое кольцо, предназначена для учреждений, а два боковых крыла представляют собой жилые корпуса (в них будет 276 благоустроенных квартир). Весь второй этаж этого крыла занимают помещения детского сада на 100 мест.

Архитекторы, создавшие проект дома на Котельнической набережной,— действительный член Академии архитектуры СССР Д. Н. Чечулин и архитектор А. К. Ростковский — хорошо учли его своеобразное местоположение на стрелке Москвы-реки при впадении в нее реки Яузы. Это здание представляет собой по существу целый комплекс жилых корпусов разной этажности. Рядом с только что построенными корпусами занимают место 8—13-этажные дома, сооруженные в 1940—1945 годах. В здании, общий объем которого превышает полмиллиона квадратных кубометров, размещается около 800 квартир.

Оригинальные скульптурные композиции, посвященные созидательному труду советского народа во имя мира, создали для высотного дома молодые скульпторы лауреат Сталинской премии М. Ф. Бабурин, П. И. Бондаренко и другие.

Десятки тысяч человек приезжают ежедневно в Москву. Для них строятся две высотные гостиницы: одна — на Комсомольской площади, другая — на Дорогомиловской набережной.

Семнадцатиэтажное здание на Комсомольской площади, строящееся по проекту члена-корреспондента Академии архитектуры СССР Л. М. Полякова и архитектора А. Б. Борецкого, обогатит исторически сложившуюся архитектурную композицию площади трех вокзалов.

Еще более грандиозной будет высотная гостиница на Дорогомиловской набережной (автор проекта — действительный член Академии архитектуры СССР А. Г. Мордвинов). Тысяча номеров разместится в центральной части нового здания высотою в 29 этажей. По бокам здесь будут расположены жилые корпуса, которые составят с высотной частью единый архитектурный ансамбль.

Высотный дом в Зарядье (автор проекта — действительный член Академии архитектуры СССР Д. Н. Чечулин) имеет особенное значение ввиду своей близости к исторической Красной площади, к Кремлю.

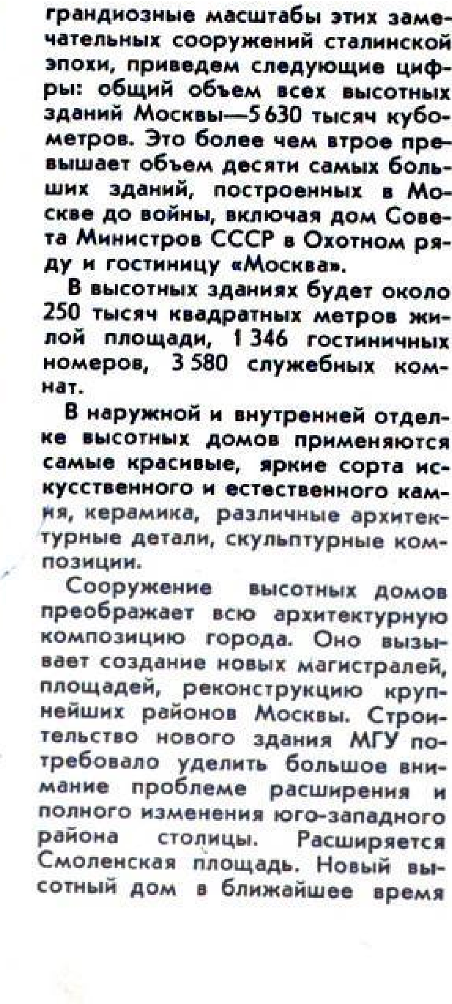
Архитектура здания (в нем разместится 2 000 рабочих комнат) в будущем будет перекликаться с силуэтом Дворца Советов, а эмблема, укрепленная на его вершине, будет гореть в небе Москвы, как кремлевская звезда...

Таковы высотные здания столицы. Чтобы еще раз представить

Высотный дом у Красных ворот.

Фото Г. Санько

грандиозные масштабы этих замечательных сооружений сталинской эпохи, приведем следующие цифры: общий объем всех высотных зданий Москвы—5 630 тысяч кубометров. Это более чем втрое превышает объем десяти самых больших зданий, построенных в Москве до войны, включая дом Совета Министров СССР в Охотном ряду и гостиницу «Москва».

В высотных зданиях будет около 250 тысяч квадратных метров жилой площади, 1 346 гостиничных номеров, 3 580 служебных комнат.

В наружной и внутренней отделке высотных домов применяются самые красивые, яркие сорта искусственного и естественного камня, керамика, различные архитектурные детали, скульптурные композиции.

Сооружение высотных домов преображает всю архитектурную композицию города. Оно вызывает создание новых магистралей, площадей, реконструкцию крупнейших районов Москвы. Строительство нового здания МГУ потребовало уделить большое внимание проблеме расширения и полного изменения юго-западного района столицы. Расширяется Смоленская площадь. Новый высотный дом в ближайшее время получит непосредственный выход к Москве-реке. Направо от этого здания будет создан новый проспект, который протянется к Дворцу Советов.

В связи со строительством высотного здания капитально реконструируется площадь Восстания. Перед зданием будет разбит большой сквер. В центре его будет монумент в память героических событий 1905 года. Улица Качалова соединяется с Красной Пресней. На противоположной стороне площади Восстания возникнут новые жилые дома.

Зеленый массив возникнет и у здания на Дорогомиловской набережной. Он будет ограничиваться с одной стороны ныне существующей Дорогомиловской улицей, а с другой — Ново-Арбатской магистралью. Там, где эта магистраль пройдет через Москву-реку, будет сооружен новый мост.

Так высотные здания изменят лицо Москвы.

Не только для советских людей, но и для всего прогрессивного человечества замечательные высотные здания нашей великой столицы — это символ мирного созидательного труда советского народа, величия и славы сталинской эпохи. Это подлинные произведения архитектуры коммунизма!

Вестибюль главного входа высотного дома на Котельнической набережной.

Фото Н. Грановского (ТАСС)

ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД

На другой день после разгрома корниловщины, 13 сентября (31 августа), Петроградский Совет высказался за политику большевистской партии. Старый, меньшевистско-эсеровский президиум Петроградского Совета во главе с меньшевиком Чхеидзе уходит в отставку, очищая место для большевиков.

18 (5) сентября переходит на сторону большевиков и Московский Совет рабочих депутатов. Эсеры и меньшевики, обосновавшиеся в президиуме Московского Совета, также уходят в отставку.

В тот же день в Красноярске открылся съезд Советов средней Сибири, на котором были приняты большевистские резолюции от имени 110 тысяч рабочих и 90 тысяч крестьян.

Со всех концов страны — из Сибири и с берегов Черного моря, с Украины и из Средней Азии — отовсюду шли требования о передаче власти Советам. Каждый час приносил вести о все новых победах большевистской партии.

«Революция идет. Обстрелянная в июльские дни и «похороненная» на Московском совещании, она вновь подымает голову, ломая старые преграды, творя новую власть. Первая линия окопов контрреволюции взята. Вслед за Корниловым отступает Каледин. В огне борьбы оживают умершие было Советы. Они вновь становятся у руля, ведя революционные массы.

ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТАМ!— таков лозунг нового движения».

Так писал товарищ Сталин 30 (17) сентября 1917 года в статье «Вся власть Советам!»

В ответ на корниловский заговор по всей стране развернулось широкое забастовочное движение. На борьбу с буржуазией поднялись миллионные армии пролетариата. Нарастая изо дня в день, вовлекая все новые массы трудящихся, волна стачек докатывалась в самые глухие уголки страны. Бастуют металлисты Петрограда, Москвы, Урала, горняки Донбасса, текстильщики, кожевники, железнодорожники. Рабочее движение принимало характер и форму открытой революционной борьбы. На фабриках, заводах, на шахтах рабочие отстраняли администрацию, брали в свои руки управление производством.

Корниловщина открыла глаза и широким массам крестьянства, показала им, что помещики и генералы, разгромив большевиков и Советы, насядут потом на крестьянство. Поэтому крестьянская беднота стала все теснее сплачиваться вокруг большевиков. После разгрома корниловщины стали поворачивать в сторону большевистской партии, присоединяясь к бедноте, и середняки. Широкие массы крестьянства стали понимать, что только партия большевиков может избавить их от войны, способна сокрушить помещиков и готова отдать крестьянам землю.

Ярчайшим признаком нового подъема революции после разгрома контрреволюционного корниловского восстания явился быстрый процесс большевизации Советов. Рабочие и работницы, солдаты и матросы переизбирали депутатов, посылали в Советы вместо эсеров и меньшевиков представителей большевистской партии. Трудящиеся доверяли большевикам, которые в повседневной и упорной борьбе доказали свою верность делу рабочего класса, свою способность вести вперед революцию.

«Это означало,— писал товарищ Сталин,— что основные предпосылки, необходимые для успешного восстания, уже назрели».

Вновь на очередь дня стал лозунг: «Вся власть Советам!»

Но это уже был лозунг восстания Советов против Временного правительства с целью передачи всей власти в стране Советам, ибо Советы в большинстве своем были уже большевистскими. «Теперь,— указывал товарищ Сталин,— этот лозунг означал прямой подход революции к диктатуре пролетариата путем восстания. Более того, теперь этот лозунг означал организацию и государственное оформление диктатуры пролетариата».

После разгрома корниловщины меньшевики и эсеры еще раз попытались ослабить нарастающий революционный подъем. С этой целью 25 (12) сентября они созвали Всероссийское демократическое совещание из представителей социалистических партий, соглашательских Советов, профсоюзов, земств, торгово-промышленных кругов и воинских частей. Совещание выделило так называемый Предпарламент (Временный совет республики). Соглашатели думали при его помощи приостановить революцию и перевести нашу страну с пути советской революции на путь буржуазно-конституционного развития, на путь буржуазного парламентаризма. Рабочие издевались над затеей соглашателей и для смеха назвали Предпарламент «предбанником». Безнадежная попытка соглашателей повернуть назад колесо революции, естественно, потерпела крах.

ЦК большевистской партии решил бойкотировать Предпарламент. Против участия большевиков в Предпарламенте решительно выступал товарищ Сталин. Называя Предпарламент «выкидышем корниловщины», он указывал, что Предпарламент вызван к жизни не для «спасения страны», а для борьбы с Советами.

«Контрреволюция еще не разбита,— предупреждал партию товарищ Сталин.— Она только отступила, спрятавшись за спиной правительства Керенского. Революция должна взять и эту, вторую, линию окопов контрреволюции, если она хочет победить. Успешная борьба Советов за власть — это именно и есть завершение этой победы».

Большевики настойчиво готовили созыв II съезда Советов, где рассчитывали получить большинство.

Несмотря на все увертки меньшевиков и эсеров, сидевших во ВЦИКе, под напором большевистских Советов II Всероссийский съезд Советов был назначен на вторую половину октября 1917 года.

Матросы и солдаты во главе крестьянских выступлений.

Рисунок П. Васильева

ДЕНЬ ПАСТУХА

В. ПУХНАЧЕВ

Фото М. САВИНА

Председатель одного из колхозов Горного Алтая Чохтубай Туйгашев приехал на пастбище к старому Саду Бельбекову и сказал:

— Завтра День пастуха. Правление приглашает тебя. Приезжай! С табуном оставишь помощника.

Солнце еще не показалось над вершинами гор, а Саду уже ехал вдоль шумливой Черги к родному улусу. Табун породистых скакунов он оставил под присмотром своего ученика и помощника Антона Кумандина. Ночь Саду Бельбеков коротал у костра, прислушиваясь к шорохам и звукам ночной степи. Все было спокойно, только мысли неслись, будоража память о прожитом. Та же долина и те же горы — только Саду совсем не тот. Белеет борода Саду, стареет тело. А душа молодеет! Простой пастух Саду Бельбеков, а какой почет теперь ему! Разве раньше мог он, байский раб, думать о такой жизни, как сейчас? Далека молодость, и далеко проклятое время баев, но худое иногда вспоминается.

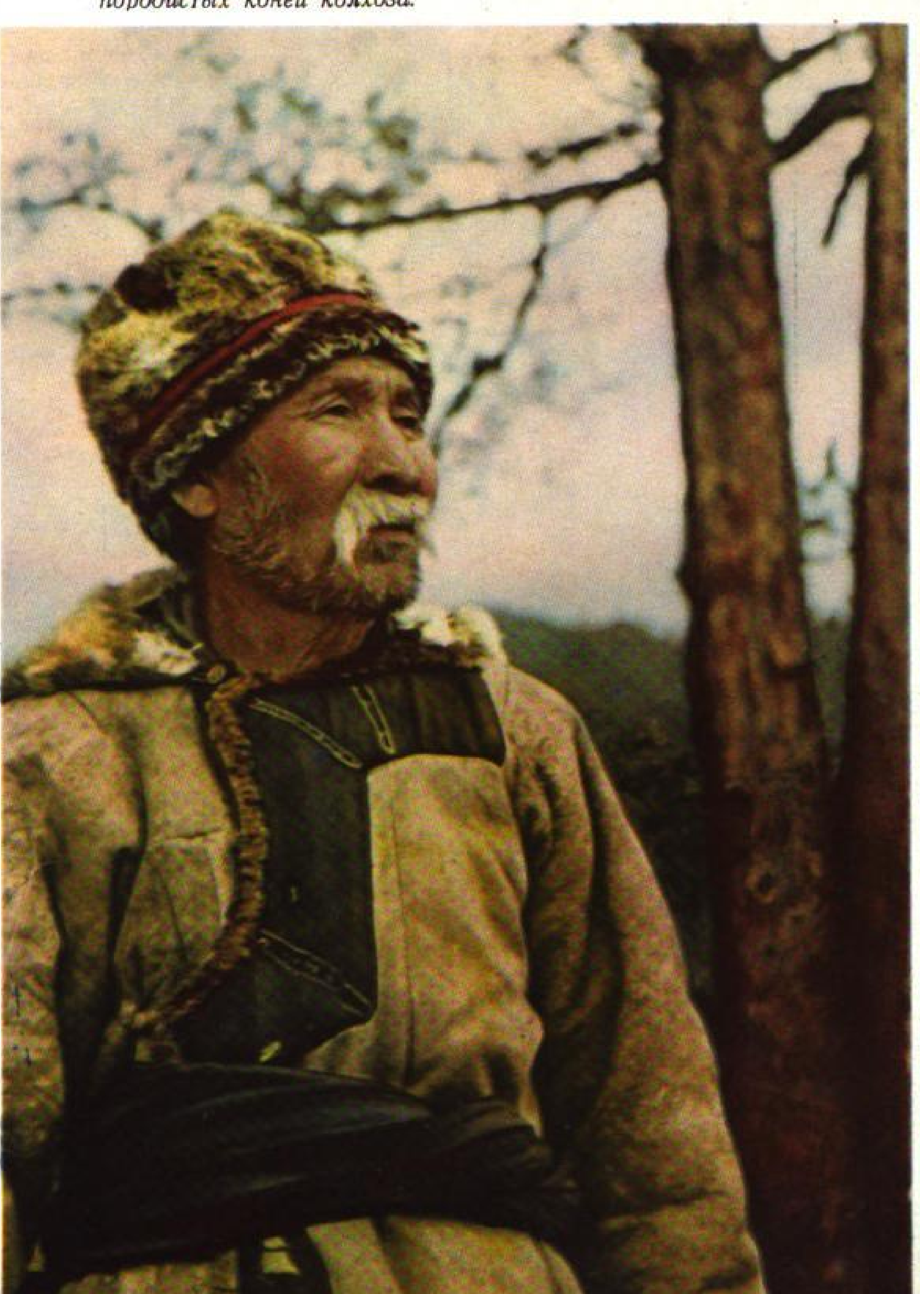
...Ближней долиной Черги владел Елбутын Кайтак. Жирный бай высушивал тела пастухов. В чем душа держалась, не знали люди. В праздник богатых, той, бедным было одно место — возле аила богача. Объевшиеся хозяева, словно собакам, бросали к порогу кости работникам. Днем и ночью, летом и зимой под открытым небом жили бедняки-алтайцы, пасли байские стада. В дырявом, холодном и дымном аиле жил Саду, как жили его отец, дед и прадед. Ковыряли мотыгой землю, чтобы посеять ячменя на толкан, а питались больше кореньями. В пору сенокоса бай заставлял пастухов резать ножом траву для жеребцов. И работа и жизнь были проклятьем. Тридцать лет пропало у Саду в байской кабале.

«Приезжай,— вспоминает Саду слова председателя.— Хорошее дело задумали партийные люди — проводить День пастуха каждый месяц,— думает Саду.— Всюду по долинам Алтая разбросаны за десятки верст от улусов пастбища. Пастухи все время проводят со стадами. А ведь надо знать, как движется жизнь».

Добрый конь идет хорошей рысью, оставляя за собой километр за километром. Саду представляется, что по всем доли-

Чохтубай Туйгашев, председатель колхоза «Парижская Коммуна», встретил пастухов за околицей улуса.

Gаду Бельбекову доверено пасти лучших, породистых коней колхоза.

Пятьсот голов овец пасет чабанка Сюден Улакова. Широко по области известно имя Улаковой — мастера своего дела.

Хорошо послушать доклад знающего человека о международном положении

Ачидан — веселая борьба.

Любит молодежь улуса слушать песни топшуриста.

нам едут пастухи на свой праздник.

Конь настороженно косится в сторону. Из-за горы показывается трактор. Саду приветливо машет рукой трактористу. Этой весной впервые в высокогорье пришли тракторы новой лугомелиоративной станции. Саду усмехается, вспомнив, как бежал, запрокинув головы, табун коней от гула тракторов. Теперь кони привыкли к машинам, а машины вспахали многие сотни гектаров, засеяли их хлебом и многолетними травами. Три трактора подняли много земли. Сеяные травы так растут, что скот колхоза будет сыт всю зиму.

Конь ускоряет ход, завидев спускающегося с горной тропы всадника.

По горным вершинам бегут солнечные лучи. Все окрашивается в светлые тона. Вершины голубеют лиственничным лесом. В распадках тает туман.

Саду глядит из-под ладони. Широкая улыбка освещает лицо старика: лучшая чабанка колхоза Сюден Улакова торопится на праздник.

— Эзень! Как ночевали твои кони, отец?— спрашивает Сюден.

— Хорошо! — степенно отвечает Саду, поглаживая бороду.— Как у тебя овцы ночевали?

— Хорошо! — радостно отвечает женщина.

Некоторое время они едут молча, покуривая коротенькие трубочки. Потом Саду спрашивает:

— Надежный ли человек остался со стадом?

— Даже двое. Лучшие девушки — Папаева Таня и Татарова Мария. Мои руки и голова не лучше,— говорит Сюден.

Саду одобрительно кивает головой.

Все три чабанки — женщины, думает он. Мыслимое ли дело было раньше доверить даже маленькое стадо женщине? Ее дело не шло дальше аила — варить чегень и сыр, катать войлок, нянчить ребят. Что могла она еще делать? А вот Сюден известна сейчас и в Горно-Алтайске и во всем крае. В суровую зиму сохранила она отару в пятьсот голов и получила приплода больше, чем намечал колхоз.

С высоты увала показываются дымки улуса. Кони бегут быстрее, но пастухи сдерживают их. Надо въехать в улус степенно, как подобает уважающим себя людям.

* * *

В колхозном клубе собралось народу — негде упасть кедровой шишке. Саду, как старшего, провели и посадили на первой скамье. За столом президиума появились табунщик Янгар Мундусов и Сюден Улакова. Секретарь парторганизации Бикин объявил День пастуха в колхозе «Парижская Коммуна» открытым и дал слово председателю колхоза. Председатель рассказал об указаниях и советах партии, о жизни алтайцев. Едва он произнес имя Сталина, все поднялись и горячо зааплодировали. А Туйгашев стал докладывать пастухам, как работает правление, как оно выполняет колхозные решения. Колхоз перевыполнил план развития животноводства. Все есть теперь в артели! Даже чего не видели раньше люди: свиньи и куры завелись. И свои огороды есть. И озимые хлеба растут на славу. А убирать их будут комбай-

ны. Тысячи гектаров трав скосят тракторные сенокосилки. Еще многочисленнее станут колхозные стада. Есть где им разгуляться — двенадцать тысяч гектаров земли у артели! Во-время рассчитался колхоз с государством по всем видам поставок. Рассказал председатель и о том, что надо сделать, чтобы жилось еще лучше, чтобы выполнить слово, данное алтайцами товарищу Сталину. Не забыл Чохтубай поведать, что будет строиться в Верх-Черге, о том, как учатся большие и маленькие чергинцы в местной школе и в горноалтайских техникумах. Будут в селе новые учителя, агрономы, зоотехники. Пастухи одобрительно кивают головами.

После председателя выступали табунщики, чабаны, конюхи. Говорили о работе, обменивались опытом. А Сюден под дружные аплодисменты и добрый смех собрания заявила:

— На будущий год, председатель, готовь не пятнадцать ягнят в дополнительную оплату, как нынче, а больше. План мы перевыполним. Пусть знают люди: чабаны слово сдержат.

* * *

Хорошо услышать новость, знать, что делается на свете. В клубе с утра до вечера говорит радио.

...Ярко на фоне голубого неба полощется красный флаг над зданием школы. Сюда перешли все люди. Доклад о международном положении делает заведующий отделом агитации и пропаганды райкома партии. Он говорит о том, как советские люди борются за мир, крепят мощь советской Родины, как строятся новые гидростанции, как бегут по Волго-Донскому каналу суда, как живет и работает алтайский народ. Говорит докладчик и о черных делах американских империалистов, о борьбе героического народа Кореи. И все это волнует сердца пастухов. Они будут трудиться еще лучше! Каждый думает о своем большом деле.

* * *

Хорошо задуман сегодняшний день! Врач приглашает всех пастухов на осмотр. Не нуждается ли в помощи человек? Саду здоров, но и он решил побывать у молодого доктора из района. Хочется жить много-много лет. Здесь уже и Янгар Мундусов. Силе и ловкости, налитым мускулам табунщика позавидует любой. Три ранения получил на фронте пастух и все пережил, кончил войну с гитлеровцами и с победой пришел в родную деревню. Вот он стоит перед тоненькой девушкой-врачом, статный и крепкий. Разве могли быть такими люди во времена баев? Не только живого врача не видали в улусах — слова такого не слыхали. Саду проверяет здоровье, а потом идет от одного круга людей к другому.

* * *

Вот собралась молодежь послушать старого топшуриста Майчака Туйгашева. Мягко журчат и рокочут струны икили и топшура. В лад им звучит голос Майчака. Он сегодня сложил новую песню о старом и новом. Тоскливо звучит топшур, горестен голос певца, когда поет он о злых ханах, о горькой доле бедняков. Словно кто подменил Майчака: посветлело морщинистое лицо, заискрились глаза, и топшур зазвенел, как весенний ручей, когда новая жизнь ворвалась в сказанье.

«Красную звезду ярче солнца зажгли Ленин и Сталин над нашим Алтаем. Их ясным разумом сияет звезда. Голубые горы и жизнь всех народов осветила она. Хорошо за русским народом идти к коммунизму»,— закончил сказитель.

Смолк Майчак. Дружно одобряют песню слушатели и просят спеть еще.

* * *

А там, на другой полянке, — смех и шутки.

Занятное зрелище — борьба ачидан — собрало участников и болельщиков. В круг вышли молодые, крепкие парни, пахарь Кумандин Андрей и конюх Охрин Егор. Крепко перепоясываются соперники цветными опоясками, сходятся в центре круга, берутся правыми руками через плечо противника за пояса, а левыми за колена друг друга. Каждый старается оторвать ноги другого от земли, а потом перебросить через голову на землю.

Силен пахарь. Не сдается конюх. Долго ходят они по кругу. Зрители покачиваются в такт, криками подбадривают борцов. Покряхтывают старики: хочется размять старые кости, схватиться самим, но годы... годы не дают кинуться в схватку. Саду и словом, и советом, и взмахами рук помогает борющимся. Все переживают борьбу. Но вот пахарь изловчился: мгновение — и в воздухе мелькают пятки конюха. Под дружеский смех зрителей он летит через голову противника на землю. Тут одни кричат: «До трех раз!» Другие желают видеть новую пару. «Выходи другие!» — требуют они.

Ачидан — веселая борьба — продолжается.

* * *

Весь улус словно преобразился сегодня. В каждом уголке найдешь занятное и полезное дело. В клубе врач читает лекцию о гигиене, а возле дома правления ветеринар проводит беседу о болезни животных. Есть чему поучиться людям. Заведующий клубом принес патефон, завел новые пластинки, и народные песни полились по колхозным улицам. Не каждый язык известен, а песня понятна любому. Не выдержали люди, когда раздались звуки русской плясовой, и в круг вырвалась первая пара — парень и девушка.

...В перерыв правление организовало праздничный обед. Все было: нежное мясо барашка и толкан, свежие лепешки и сырчики...

Вечером в улус приехали артисты из аймака. До поздней ночи звучали задушевные слова и радостные песни о Родине могучей, о Ленине и Сталине — творцах новой жизни.

Слушали песни и люди, и чуткие горы, и быстрые чистые реки, и звездное мирное небо Алтая.

Песни неслись по долинам от человека к человеку.

с. Верх-Черга, Шебалинского аймака, Горно-Алтайской автономной области.

Виктория приходит в класс...

Первая фотография была опубликована в «Огоньке» 27 мая 1945 года. Наш фотокорреспондент заснял ровесниц Победы: одна из них родилась во время сообщения по радио о капитуляции Германии, другая — в час победного салюта.

Отец одной из девочек, названной в честь победы Викторией, негр Вейланд Родд, родился и вырос в Америке, где изведал все ужасы расовой дискриминации. Двадцать лет назад Родд приехал в Советский Союз и с тех пор навсегда связал свою судьбу с нашей страной. Он был актером. Советские кинозрители помнят Вейланда Родда по фильмам «Миклухо-Маклай», «Пятнадцатилетний капитан» и другим.

На второй фотографии заснята Виктория Родд в знаменательный для нее день: 1 сентября нынешнего года Виктория, провожаемая матерью, артисткой Лориттой Марксити, и младшим братом Вейландом, направилась в первый класс средней женской школы № 179 Москвы.

У здания школы Лоритта Марксити неожиданно встретила женщину, вместе с которой она провела День Победы в 1945 году в родильном доме. Они крепко пожали друг другу руки.

— И я свою привела сегодня... Вот посмотрите на мою Таню...

Таня Тимофеева, дочь сотрудницы одного из министерств, родилась под одной крышей с Викторией Родд. Они увидели свет в один и тот же день и час.

Уроженка Москвы Виктория Родд, чьи дошкольные годы прошли в детском саду, вероятно, не знает, что за океаном, на родине отца, ее, дочь негра, не пустили бы и на порог школы, в которой учатся дети белых.

Первоклассница Виктория Родд, родившаяся в День Победы, твердо знает, что и она и ее брат получат образование, будут равноправными гражданами великой Советской страны.

Макс ПОЛЯНОВСКИЙ.

Фото С. Шингарева.

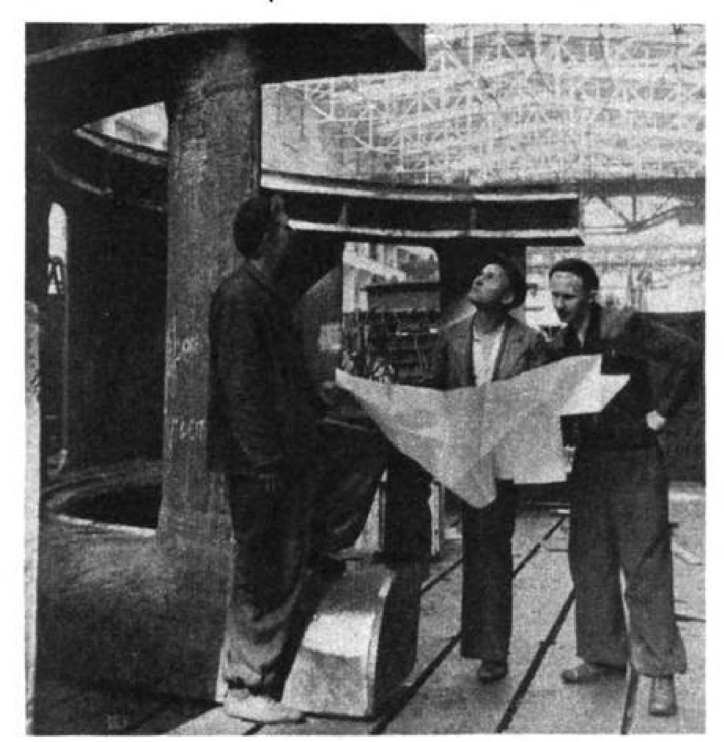
Начался учебный год в вузах

В нынешнем году в высших учебных заведениях будет обучаться 1 416 тысяч студентов — на 60 тысяч больше, чем в прошлом году. Впервые переступили порог вуза свыше 370 тысяч юношей и девушек: нынешний прием — самый крупный за все время существования высшей школы в нашей стране.

На снимке: студенты Московского строительного института имени В. В. Куйбышева знакомятся с расписанием.

Фото Я. Рюмкина.

В гидротурбинном цехе металлического завода имени И. В. Сталина. Мастер сборки гидротурбин Г. А. Бугров (в центре), бригадир В. А. Ненастьев и сборщик Б. Н. Попов обсуждают технологию сборки статора гидротурбины для Камской ГЭС.

Фото С. Фридлянда

Для строек пятой пятилетки

У входа в светлосерый высокий корпус, что примыкает почти к самым берегам Невы, огромными буквами написано:

«Гидротурбинный цех имени Серго Орджоникидзе».

Всякий раз, когда входишь в цех, невольно поражаешься его просторами. Стены здания возводили в годы первой сталинской пятилетки. Старожилы рассказывают о памятном посещении гидротурбинного цеха товарищем Серго Орджоникидзе. Осмотрев новостройку, он радостно сказал:

— Собирались строить цех, а построили завод...

Много славных страниц вписали ленинградские турбостроители в летопись электрификации Советской страны. Но в новом пятилетии им предстоит сделать еще более значительный шаг вперед, оснастить совершенными машинами новые гидростанции.

Мы стоим в пролетах цеха. Над станками пестрят плакаты, сообщающие о стахановских рекордах в честь XIX съезда партии. Примостившись на огромной детали, вдоль которой мелом выведено «Мингечаурская», секретарь цехового партбюро С. О. Петров ведет разговор со стахановцами о проекте Директив XIX съезда партии по новой пятилетке. Каждая цифра плана волнует и радует металлистов. Но две цифры вызывают особенно много одобрительных высказываний: производство гидротурбин возрастет в 7,8 раза; общая мощность гидроэлектростанций увеличится примерно втрое.

В строй действующих ГЭС вступят Куйбышевская, Камская, Горьковская, Мингечаурская, Усть-Каменогорская и другие станции. Турбины для них создают здесь, на берегу Невы.

Стахановец А. А. Дмитриев, окинув взглядом огромную разметочную плиту и записывая на листке бумаги какие-то цифры, рассуждает:

— Такие темпы под силу только нашей стране. Мое рабочее место занимает в цехе 225 квадратных метров. Но теперь следует подумать, как на плите разместить детали небывалой в мире гидротурбины для Куйбышевской ГЭС. Тесновато...

По разметке А. А. Дмитриева, рабочего с дипломом заводского техникума, станочники обрабатывали детали турбин для Рионской, Туломской, Днепровской, Щербаковской, Цимлянской, Усть-Каменогорской и многих других ГЭС. Вчера на разметку подали узлы новой машины. Дмитриев обязался выполнить задание досрочно.

Рядом с разметочной плитой возвышается радиально-сверлильный станок. На нем установлен статор камской гидротурбины. Эта деталь весит 58 тонн, высота ее — 3 метра.

Вот прозвенел звонок. Тронулся в путь кран. К станку спустились многожильные стальные тросы. Люди искусно обвязали статор. И он поплыл вдоль цехового пролета. Завтра его отправят на строительную площадку Камской гидроэлектростанции.

А в это же время на огромный карусельный станок устанавливали деталь турбины Мингечаурской ГЭС. Тут же плакат: «Товарищи гидротурбинщики! Дело чести нашего коллектива — изготовить досрочно в августе мингечаурскую турбину № 3».

— Эту машину мы сдаем на месяц раньше срока, — говорит мастер сборки гидротурбин коммунист Г. А. Бугров. Отгрузка турбины уже началась.

Проект Директив XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951—1955 годы предлагает «...искать, находить и использовать скрытые резервы, таящиеся в недрах производства...». Ленинградцы настойчиво изыскивают эти резервы.

...Когда мы покидали гидротурбинный цех, в открытые настежь ворота проследовал железнодорожный состав, чтобы принять грузы в адрес строек пятой пятилетки.

К. ЧЕРЕВКОВ

У ИСТОКОВ ГЛАВНОГО ТУРКМЕНСКОГО

1950 — 12 сентября — 1952

Из Ташауза наш «газик»-вездеход направился на север, в сторону Аму-Дарьи. После четырех часов путешествия по пыльным ухабам и пескам мы наконец достигли реки.

— Как проехать к Тахна-Ташу? — спрашиваем у старика.

Старик широким жестом показывает вокруг:

— Здесь все дороги ведут к Тахна-Ташу. Выбирайте любую...

Скоро перед нами выросла высокая насыпь железнодорожного полотна. Это новая железная дорога, протянувшаяся от Чарджоу до великой стройки. На путях стоит энергопоезд, от которого к Тахна-Ташу прошагали столбы высоковольтной линии электропередачи.

Еще через четверть часа мы увидели и самый город — шумный и веселый. По улицам мчатся самосвалы с кирпичом и камнем, торопятся люди в комбинезонах, забрызганных известью и мелом. И всюду, куда ни глянешь, леса строек. Тут возводят каменный жилой дом, там — механические мастерские. Еще дальше поднимается ввысь целый завод из нескольких корпусов.

Едем по улицам. Мелькают названия: улица Мира, Строителей, Комсомольская, Пионерская, бульвар Победы, Пушкинская аллея. В конце города, по соседству со стадионом, — легкое, точно воздушное, здание. Архитекторы широко использовали традиции национального узбекского и туркменского зодчества.

— Наш кинотеатр, — объясняет черноглазый, бронзовый от загара мальчишка.

— А школа где?

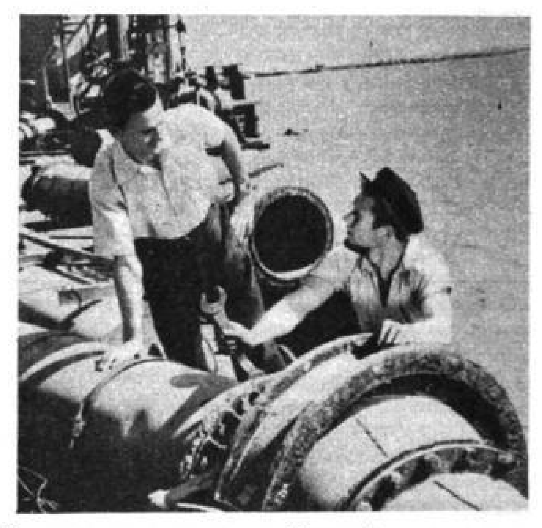
— Вон виднеется. Хорошая школа!

Быстрыми темпами строится Тахна-Таш. Сотни жилых домов, столовые, гостиницы, радиоузлы, телефонная станция, предприятия... На северо-восточной окраине поднимается целая роща. В зелени все улицы и площади города. Плещутся струи воды в недавно сооруженных на центральной площади фонтанах.

Ныне Тахна-Таш включает не только известный мыс «Каменная тюбетейка», но и весь окрестный район протяженностью в десятки километров.

Главная задача тахна-ташцев — сосредоточить как можно больше сил и техники для решающего штурма песчаной пустыни Кара-Кумы. Со всех концов страны сюда движется поток машин и механизмов, начиная от небольших ленточных транспортеров и кончая семикубовыми электрическими экскаваторами и землесосными снарядами.

Индустриальная мощь Тахна-Таша особенно ощущается на аму-дарьинском берегу. Издалека виднеется высокая стрела портального крана. Он сейчас обслуживает монтажников, поднимает и ставит на место огромные детали и узлы экскаваторов.

На снимке: строители Волго-Дона, занятые ныне сооружением Главного Туркменского канала, машинист земснаряда В. В. Поляков (справа) и начальник земснаряда № 303 Н. А. Красницкий.

У причалов застыли крутобокие баржи, доставляющие с Кара-Тауских карьеров минеральные строительные материалы. К карьерам то и дело подкатывают самосвалы, здесь они нагружаются доверху щебнем, песком, алебастром и мчатся в степь — к строительной площадке.

Высокие вышки сооружаются на левом и правом берегах. Это опоры электрического кабель-крана, который перекинется через Аму-Дарью. По подвесной дороге пойдут даже самые тяжелые грузы, а камень в основание плотины будут сбрасывать в воду прямо с вагонеток.

Сверкая на солнце свежей окраской, стоит известный волго-донской земснаряд № 303, намывший около 3 миллионов кубометров грунта в тело плотины Цимлянской ГЭС. Начальник земснаряда Николай Красницкий чертит схему трассы обводного канала: от Аму-Дарьи канал устремится к возвышенности Кетменчи, пройдет затем по окраине нового Тахна-Таша и далее соединится с Главным Туркменским каналом. Обводной канал будет многоводным.

— Через несколько дней встанем в забой, — говорит Красницкий. — Экипаж обещает работать по-волгодонски, встретить XIX съезд партии высокой выработкой.

В. КОРНИЛОВ

Медаль президента Индии

Детский индийский журнал ежегодно устраивает международный конкурс на лучший детский рисунок. В последнем конкурсе, происходившем в городе Дели, впервые участвовали юные советские художники.

Решением жюри первая премия — золотая медаль президента Индии — и почетная гирлянда присуждены московской школьнице Марине Восканьянц. Отмечены также ценными премиями работы Юлии Сысковой, получившей шахматы из слоновой кости, и первоклассника Игоря Иванова, награжденного серебряным кубком.

На днях во Всесоюзном обществе культурной связи с заграницей состоялось торжественное вручение наград советским участникам конкурса в Дели. На вручении присутствовали представители Министерства просвещения РСФСР, ЦК ВЛКСМ, временный поверенный в делах Индии Е. Гандевия и другие. Юных художников пришли поздравить президент Академии художеств СССР А. М. Герасимов, скульптор М. Г. Манизер, педагоги и школьные товарищи награжденных.

На фото (слева направо): награжденные участники конкурса Юлия Сыскова и Марина Восканьянц.

Фото С. ОСИПОВА

КОМАНДА ШАХМАТИСТОВ СССР — ЧЕМПИОН МИРА

Сыграв в пятом и шестом турах с командами Чехословакии и Югославии вничью, команда Советского Союза энергично финишировала. Она выиграла со счетом 3,5 : 0,5 у Финляндии и Западной Германии.

В последнем туре советские шахматисты встретились с сильной командой Швеции. Гроссмейстер Бронштейн, игравший черными, выиграл у международного мастера Штольца. Гроссмейстер Болеславский добился победы в партии со Скельдом. Встречи Смыслов — Штальберг и Геллер — Лундин окончились вничью. Советские шахматисты выиграли последний матч со счетом 3 : 1 и, набрав в итоге 21 очко, завоевали первое место и звание чемпиона мира. Советская команда, единственная из всех участников олимпиады, не проиграла ни одного матча.

Второе место заняла команда Аргентины (19,5 очка), третье — Югославии (19 очков). На четвертом месте команда Чехословакии (18 очков), на пятом — США (17 очков), на шестом — Венгрии (16 очков), на седьмом — Швеции (13 очков), на восьмом — Западной Германии (10,5 очка) и на девятом — Финляндии (10 очков).

Среди команд, не вошедших в финальную группу, места, начиная с десятого, распределились следующим образом: Голландия, Израиль, Польша, Германская Демократическая Республика, Дания, Куба, Англия, Австрия, Италия, Бразилия, Греция, Норвегия, Швейцария, Исландия, Саар и на последнем месте Люксембург.

В воскресенье, 31 августа, состоялось торжественное закрытие шахматной олимпиады. Президент Международной шахматной федерации Рогард сказал на русском языке, что команда Советского Союза объявляется чемпионом мира. Капитану советской команды Котову вручен переходящий кубок. Все участники команды получили золотые медали. Оркестр исполнил Гимн Советского Союза. Присутствующие наградили советских шахматистов бурными аплодисментами.

Советская команда получила также кубок от города Хельсинки. Главный распорядитель турнира Ильмакунас поздравил советских шахматистов с блестящей победой и пожелал дальнейших успехов в развитии шахматной культуры.

П. Керес.

В. Смыслов.

Д. Бронштейн.

Е. Геллер.

И. Болеславский.

А. Котов.

После турнира

В Хельсинки на шахматный турнир наций собралось 25 команд. Полуфиналы в группах прошли без больших волнений. Некоторые команды, как, например, Саара или Люксембурга, были слабоваты для такого состава олимпиады. Люксембург набрал всего 2,5 очка из 32 партий. Наш гроссмейстер Болеславский в полуфинале играл только три партии, но набрал три очка, то есть больше, чем вся команда Люксембурга. Полуфиналы были только увертюрой, в своем роде тренировкой и разведкой для сильнейших команд перед решающими боями.

Но зато финал превратился в «штыковой бой», который протекал острее, чем можно было предполагать. Шла упорнейшая борьба за каждые пол-очка. Если в полуфиналах многие матчи окончились с сухим счетом 4 : 0, то в финальной группе такого «нокаута» не было ни в одной встрече.

Наша победа ни для кого не была неожиданной. Она является закономерным завершением ряда крупных успехов в прошлом. Советская команда теперь лишь официально оформила свою репутацию сильнейшей в мире.

Советские любители шахмат верят в силу наших шахматистов. Но когда в первых матчах финала нашей команде не удалось оторваться от противников, «болельщики» начали беспокоиться. В турнире на короткую дистанцию труднее наверстать недобранные очки. Конечно, наша команда лидировала бы с первого тура, если бы все наши гроссмейстеры находились в такой великолепной форме, как Смыслов и Болеславский. Особенно блестящего спортивного и творческого успеха добился Смыслов. Весьма «невежливо» он обращается с американцами. В 1945, 1946 годах и теперь он сыграл с Решевским, Денкером и Эвансом шесть партий и все шесть выиграл! На Василия Васильевича американцы могут быть в обиде! Так же суров со своими противниками был и Болеславский. Вполне успешно выступал самый молодой гроссмейстер мира — Геллер. Большего можно было ожидать от Бронштейна. Несомненно, огорчены наши «болельщики» тем, что Кересу так и не удалось до конца турнира войти в свою лучшую форму, проявить свой большой талант. Советским любителям шахмат хотя и пришлось немного понервничать до последнего тура, но все же в общем наша команда выступала успешно, и она единственная из всех участников чемпионата, не проигравшая ни одного матча. Золотые медали сверкают на груди у сильнейших шахматистов мира — у наших гроссмейстеров — по праву!

Ровно весь турнир играл молодой коллектив шахматистов Чехословакии. Венгрия, в команде которой особенно успешно выступал гроссмейстер Сабо, добилась крупного успеха, но она могла занять и лучшее место. Американской команде не удалось импортировать из Хельсинки в США не только золотые медали, но даже и бронзовые. Четырежды чемпион мира занял скромное пятое место. От шведской команды можно было ожидать более упорного сопротивления.

Финские шахматисты дали ряд хороших партий, но все же в финальной группе им не удалось стать выше девятого, последнего, места. Со стороны участников финала это было «не очень деликатно», а со стороны Финляндии «слишком гостеприимно».

Олимпиада была организована хорошо, чувствовалось стремление ее организаторов к дружбе и взаимопониманию. Не было бы во время турнира ни одного недоразумения, если бы американцы не «закапризничали» два раза. Однажды, как известно, капитану команды США не понравились шахматные часы Финляндии. 24 страны — участницы олимпиады — не жаловались на них. А капитан американской команды пытался убедить судейскую коллегию, что только потому, что финские часы шли плохо, американец Бирн проиграл голландскому мастеру Доннеру. В предпоследнем туре дела американцев складывались явно не в их пользу в матче со Швецией, но американцам хотелось увезти в качестве сувенира из Хельсинки хотя бы бронзовые медали. Позиция в партии плохая, надо что-то придумать. И вот гроссмейстер Решевский требует признания его партии со Штальбергом ничьей, хотя Решевскому явно пора сдаваться.

Американскому гроссмейстеру нет оснований думать, что мы к нему придираемся. Решевский должен помнить, какие овации ему устраивали москвичи, когда он выигрывал партию в Колонном зале. Выигрывать очень приятно, но надо уметь и проигрывать красиво. Американскому гроссмейстеру сейчас 43 года. В шахматы он играет немало — 38 лет. Вундеркинд Решевский уже в возрасте 5 лет играл в шахматы и разъезжал по всему миру. В те времена Решевский плакал, когда проигрывал партию. Это понятно. Но теперь, в более солидном возрасте, уже неудобно плакать, и гроссмейстер, конечно, должен знать правила, когда партия признается ничьей. Кстати, это правило известно любому нашему пионеру-шахматисту. Странный протест Решевского сильно подействовал на хладнокровных, спокойных скандинавов. Уравновешенный, всегда корректный гроссмейстер Штальберг и его друг мастер Штольц не скоро пришли в себя. Не знаю, что с ними случилось, но в следующем матче Швеция играла с Аргентиной без Штальберга и Штольца. Аргентинцы воспользовались этим и выиграли со счетом 3,5 : 0,5.

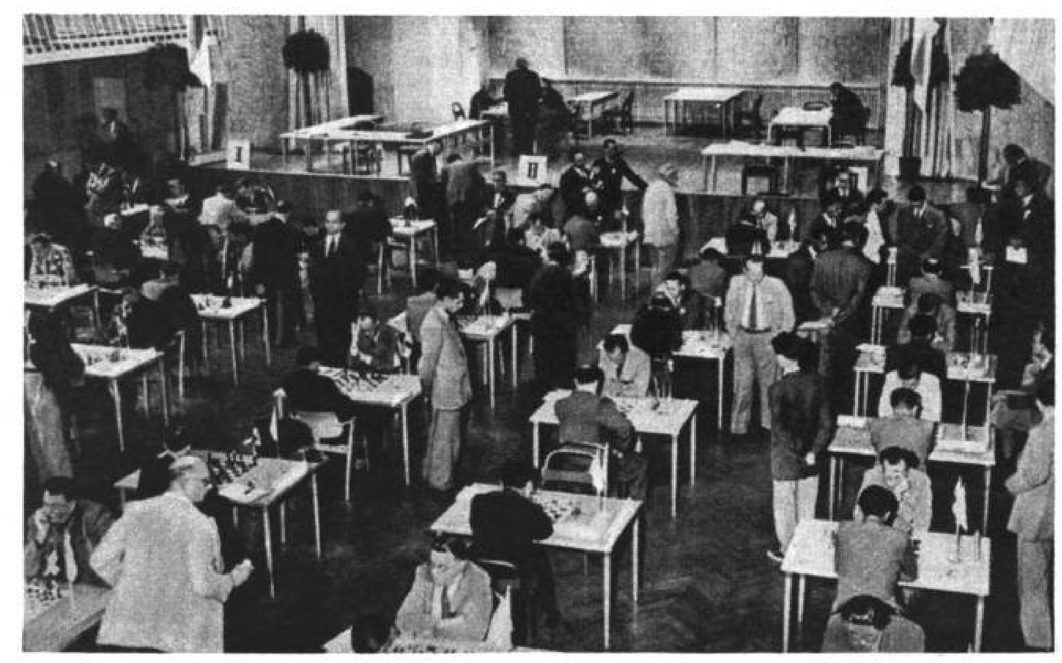
В итоге очередной победы советских шахматистов наша страна обладает всеми тремя шахматными титулами. Чемпион мира — наш гроссмейстер Михаил Ботвинник, чемпионка мира — наш мастер Людмила Руденко, и, наконец, теперь наши шахматисты привезли в Москву и кубок командного чемпиона мира.

Каждый турнир вносит свой творческий вклад в шахматное искусство. В сотнях партий, сыгранных в Хельсинки, чувствовалось влияние советской шахматной школы.

Наша команда — чемпион мира — благодарна своим «болельщикам». Каждый участник советской команды чувствовал моральную поддержку советских людей. Она помогала победить. Сейчас не плохо бы отдохнуть нашим гроссмейстерам, но... предстоят новые бои. Некоторые участники олимпиады из Хельсинки спешат в Одессу, чтобы защищать честь своего спортивного общества в командном первенстве СССР. Некоторые шахматисты через несколько дней должны выехать в Стокгольм на международный отборочный турнир. В конце этого интереснейшего спортивного года — чемпионат нашей страны.

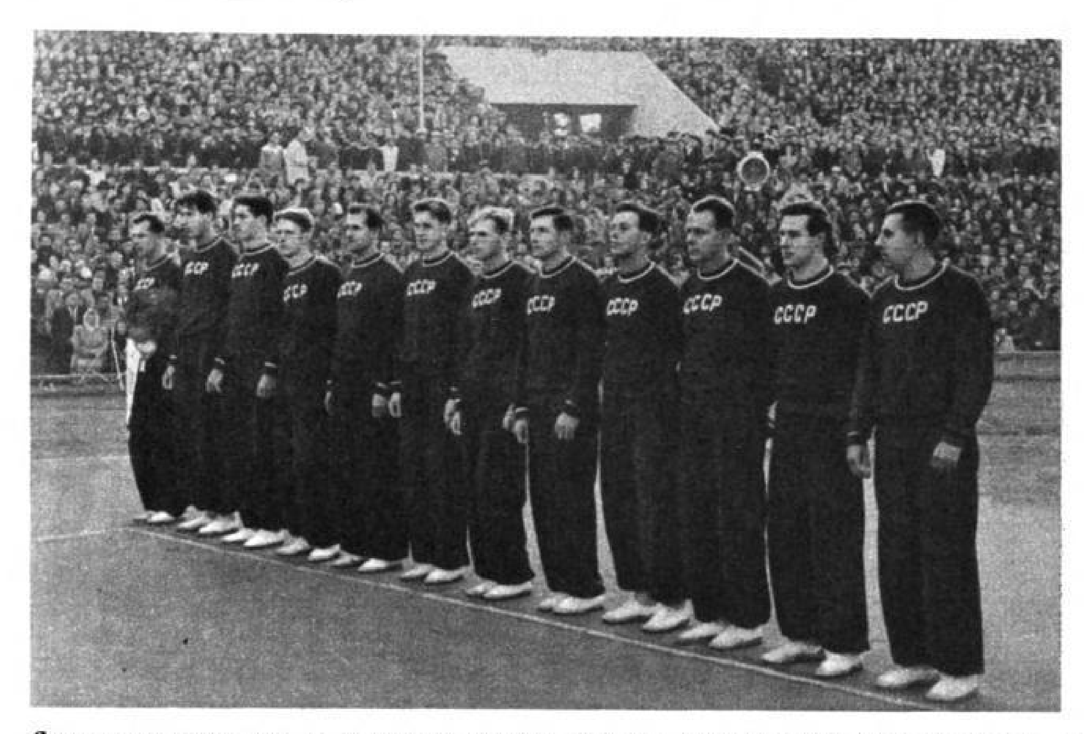
Не до отдыха будет в этом году нашим «болельщикам».

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер

Общий вид зала, где проходил шахматный турнир наций.

Флаг Советского Союза реет

Слева — чемпион мира по волейболу сборная мужская команда СССР (слева направо): В. Ульянов (капитан команды), Е. Кошелев, Г. Смольянинов, В. Гайлит, А. Якушев, М. Пименов, К. Рева, Г. Ахвледиани, С. Щербаков, П. Воронин, С. Нефедов, В. Щагин. Справа — чемпион мира по волейболу сборная женская команда СССР (слева направо): Д. Шилло и В. Осколкова (тренеры команды), А. Чудина (капитан команды), А. Пономарева, В. Озерова, М. Саксе, М. Кононова, С. Кундиренко, С. Горбунова, М. Семина, Т. Бунина, В. Свиридова, М. Топоркова и З. Кузькина.

Волейбол за последние годы стал одним из самых массовых видов спорта. Это атлетическая игра сильных людей, обладающих разносторонней физической подготовкой, способных выдержать двухчасовое состязание. Нельзя не отнестись с полным одобрением к заявлению президента Международной волейбольной федерации г-на Либо, который сказал, что федерация будет «без устали требовать, чтобы волейбол был включен в программу олимпийских игр».

Женская команда Индии на параде.

У нас в стране волейбол — подлинно народная, любимая игра, привлекающая миллионы людей. Веревочную сетку, натянутую между двумя столбами на земляной площадке, можно встретить везде: и на заводском дворе, и на полевом стане, и на палубах кораблей, и в школах, и в домах отдыха, и на полярной зимовке, и высоко в горах Памира.

Свыше 25 тысяч волейболистов оспаривают первенство Франции, давно культивируется волейбол в Индии.

Общее признание и широкое распространение получил волейбол в странах народной демократии.

В недавно закончившихся в Москве состязаниях на первенство мира по волейболу звание чемпиона оспаривали 11 мужских и 8 женских команд.

Встречи, как правило, начинались утром и заканчивались при свете прожекторов. Вместительные трибуны стадиона были переполнены. За время соревнований на них побывало более 250 тысяч человек.

Глядя на эти заполненные трибуны, развевающиеся флаги одиннадцати стран, живую и увлекательную игру, невольно вспоминаешь первую в Москве международную встречу, состоявшуюся семнадцать лет назад. Мне довелось быть участником этого состязания.

Тогда в Москву приехала команда Афганистана, составленная из спортсменов афганской армии. Играли в небольшом зале по незнакомым нам правилам. В каждой команде было по девяти вместо принятых шести человек. Афганцы не менялись местами, причем по очень своеобразной причине: дело в том, что на передней линии играли офицеры, а на задней — солдаты, которые не имели права выходить вперед...

Теперь вернемся к недавно закончившимся состязаниям на первенство мира. Далеко не равноценные по силам команды приехали в Москву. Наряду с известными волейболистами Чехословакии и польскими спортсменками выступала финская команда, где волейболисты занимаются этим спортом всего три года. Впервые оспаривали звание чемпионов мира команды Индии, Израиля, Ливана, Финляндии.

Лучшая команда Западной Европы — сборная Франции — хорошо владеет техникой игры. С подлинным блеском играет капитан команды Франсуа Дюжарден. У него сильная подача, резкие, трудноотразимые удары. Но у французов нет коллективной игры. В этом отношении полной противоположностью им являются команды стран народной демократии.

В Венгрии в волейбол стали играть лишь после войны, тем не менее мужская команда выступала уверенно. Это зрелый спортивный коллектив, владеющий уже сейчас всем арсеналом технических и тактических приемов. Превосходным мастером показал себя капитан команды Тибор Анталпетер. У него исключительно сильные нападающие удары, хорошо разработанные обманные движения, надежная игра в защите.

Одной из самых интересных и упорных была встреча команд Болгарии и Чехословакии, длившаяся более двух часов. Первая партия досталась болгарским спортсменам со счетом 15 : 12, вторую также выигрывают болгары со счетом 15 : 13. Третья партия. Зрители захвачены развернувшейся острой борьбой. Об упорстве встречи свидетельствует счет 11 : 11, 12 : 11, 13 : 11, 13 : 12, 13 : 13, 14 : 13, 15 : 13 в пользу Чехословакии. Четвертую партию снова выигрывает чехословацкая команда с таким же счетом и решающую, пятую, партию со счетом 15 : 4.

Сказалась лучшая физическая подготовка коллектива Чехословакии. Но и болгары показали себя с хорошей стороны.

Как и три года назад, во время первых соревнований на звание чемпиона мира в Праге, в последний день на московском стадионе «Динамо» встретились команды Чехословакии и СССР. Наши волейболисты, игравшие на редкость дружно, победили со счетом 3 : 0 (15 : 11, 15 : 7, 15 : 6). Они сохранили за собой звание чемпиона мира.

Трудно кого-либо выделить в нашей команде. Владимир Ульянов, Константин Рева, Владимир Щагин, Гиви Ахвледиани, Михаил Пименов в совершенстве овладели искусством волейбола. Мало чем им уступают Сергей Нефедов, Порфирий Воронин, Владимир Гайлит, Семен Щербаков. Помимо этих мастеров, выступали молодые спортсмены. Рядом со мной, например, играли

Встреча женских команд СССР и Польши. По мячу бьет польская волейболистка Э. Куртц.

Дневник ОГОНЬКА

над стадионом

Советские спортсменки прикалывают друг другу золотые медали.

студент Московского высшего технического училища Герман Смольянинов и радиотехник из Риги рослый Евгений Кошелев. Их еще не было на свете, когда я уже играл в сборной команде Москвы.

В чем сила нашей команды?

Прежде всего в коллективной игре. Все наши усилия были направлены к одной цели — совместными стараниями добиться победы. При этом, конечно, учитывались индивидуальные особенности каждого волейболиста. Мы меньше всего думали о том, чтобы сыграть поэффектнее, «на публику».

Наши ведущие тренеры немало потрудились, чтобы усовершенствовать технику игры, найти новые тактические приемы. В связи с этим нельзя не отметить творческую работу тренера сборной мужской команды СССР заслуженного мастера спорта Анатолия Чинилина, в прошлом известного волейболиста. На войне Чинилин получил тяжелые ранения рук, он навсегда лишился возможности заниматься любимым видом спорта, но он стал тренером, воспитателем молодежи.

Второе место в розыгрыше первенства мира по волейболу заняла команда Чехословакии, третье — Болгарии.

Женские команды впервые разыгрывали свое первенство. Замечательную победу одержала команда Советского Союза во главе со своим капитаном Александрой Чудиной. Президент Международной волейбольной федерации Поль Либо в шутку рассказывал, что когда он вместе с французскими спортсменами выезжал в Москву, то они надеялись, что Чудина будет выступать в Ленинграде, на легкоатлетических состязаниях, которые должны были происходить одновременно с розыгрышем первенства мира по волейболу.

— Но увы,— говорит П. Либо,— наши надежды рухнули. Чудина с блеском возглавила волейбольную команду СССР, и тогда мы поняли, что нам не на что рассчитывать.

Второе место заняла команда Польши, составленная из волевых спортсменок, умеющих добиваться победы. Особенно хорошее впечатление оставила Мирослава Закшевская. Третье место досталось команде Чехословакии.

Состязания на первенство мира по волейболу прошли в дружеской обстановке. Они, бесспорно, будут способствовать делу укрепления мира, делу сближения между всеми людьми доброй воли.

А. ЯКУШЕВ,
заслуженный мастер спорта

Момент игры между мужскими командами СССР — Чехословакия. К. Рева (№ 1) бьет по мячу.

В упорной борьбе проходило состязание между мужскими командами Болгарии и Венгрии.

Фото Е. Умнова и А. Бочинина

В перерывах между соревнованиями по легкой атлетике спортсмены отдыхают в шезлонгах.

Фото Ю. Шаломова

НОВЫЕ ИМЕНА

Из четырнадцати беговых номеров, в которых выступают на первенство СССР мужчины, дистанция 800 метров — одна из самых интересных и трудных. Всего два круга, меньше двух минут продолжается бег, но спортсмены, развивая почти спринтерскую скорость, ведут сложную тактическую борьбу, от которой во многом зависит победа. Вот почему говорят, что бегун на 800 метров должен обладать не только скоростью бегуна на короткую дистанцию, но и выносливостью и спокойствием марафонца.

Финальный забег на 800 метров оказался одним из самых волнующих эпизодов всесоюзного первенства. Со старта лидерство захватил Сергей Архаров, вслед за ним устремился молодой бегун Николай Кучурин, а рекордсмен страны Петр Чевгун оказался отброшенным назад. Бег идет в стремительном, боевом темпе. Пройдено 200 метров, позади первый круг — Архаров попрежнему впереди. Но перед последним виражем Петр Чевгун усилил темп. Вот он уже возглавил бег, отбросил назад всех своих соперников, не снижая скорости, пронесся по стометровой прямой и первым пересек линию финиша. В этой азартной борьбе родился новый всесоюзный рекорд. Петр Чевгун прошел дистанцию за 1 минуту 50,4 секунды.

Всего два года назад старший сержант Петр Чевгун добился первых крупных успехов, а теперь он сильнейший «средневик» страны.

Стремительно растет молодежь. Этот рост можно наблюдать на каждом шагу. Мы знали Галину Зыбину как одну из молодых копьеметательниц, а на олимпийских играх она установила мировой рекорд в толкании ядра. Теперь Зыбина завоевала титул чемпиона СССР по толканию ядра. Ее ядро пролетело 15 метров — результат международного класса.

Чрезвычайно интересная борьба развернулась у толкателей ядра. Хейно Липп должен был уступить первенство другому представителю спортивной молодежи — Отто Григалка. Григалка толкнул ядро на 16 метров 68 сантиметров.

Полной победой молодежи закончилась борьба и по другим видам метаний. Лучший результат в метании молота оказался у двадцатитрехлетнего студента Михаила Кривоносова — 57 метров 88 сантиметров. Метание диска закончилось победой Бориса Матвеева. Его диск почти все время падал у флага рекорда. Лучший бросок Матвеева равнялся 51 метру 88 сантиметрам.

Бег на 100 и 200 метров у женщин также выдвинул новую, подающую большие надежды спортсменку. Девятнадцатилетняя студентка Вера Калашникова стала дважды чемпионкой СССР.

Имя Александра Ануфриева прозвучало совсем недавно. В нынешнем году молодой бегун установил всесоюзный рекорд в беге на 10 тысяч метров. Теперь Ануфриев впервые стал чемпионом СССР, выиграв бег на 5 тысяч метров.

Прыжки в высоту для женщин также принесли победу девятнадцатилетней спортсменке Нине Косовой.

Вторично стала чемпионом страны в беге на 800 метров Нина Плетнева — мировая рекордсменка по этой дистанции.

Шестой день первенства принес два всесоюзных рекорда: Владимир Ухов прошел 50 километров за 4 часа 20 минут 30 секунд. Юрий Литуев, Евгений Буланчик и Тимофей Лунев пробежали 200 метров с барьерами в одинаковое время — за 23,5 секунды, — на одну десятую секунды лучше всесоюзного и европейского рекордов, установленных Луневым. Первенство присуждено Юрию Литуеву, который первым коснулся финишной ленточки.

Этот бег был самым интересным моментом первенства по остроте борьбы и по высокому результату.

Первое место в легкоатлетических соревнованиях заняла сборная команда добровольных спортивных обществ профсоюзов.

В. ЗЛОЧЕВСКИЙ

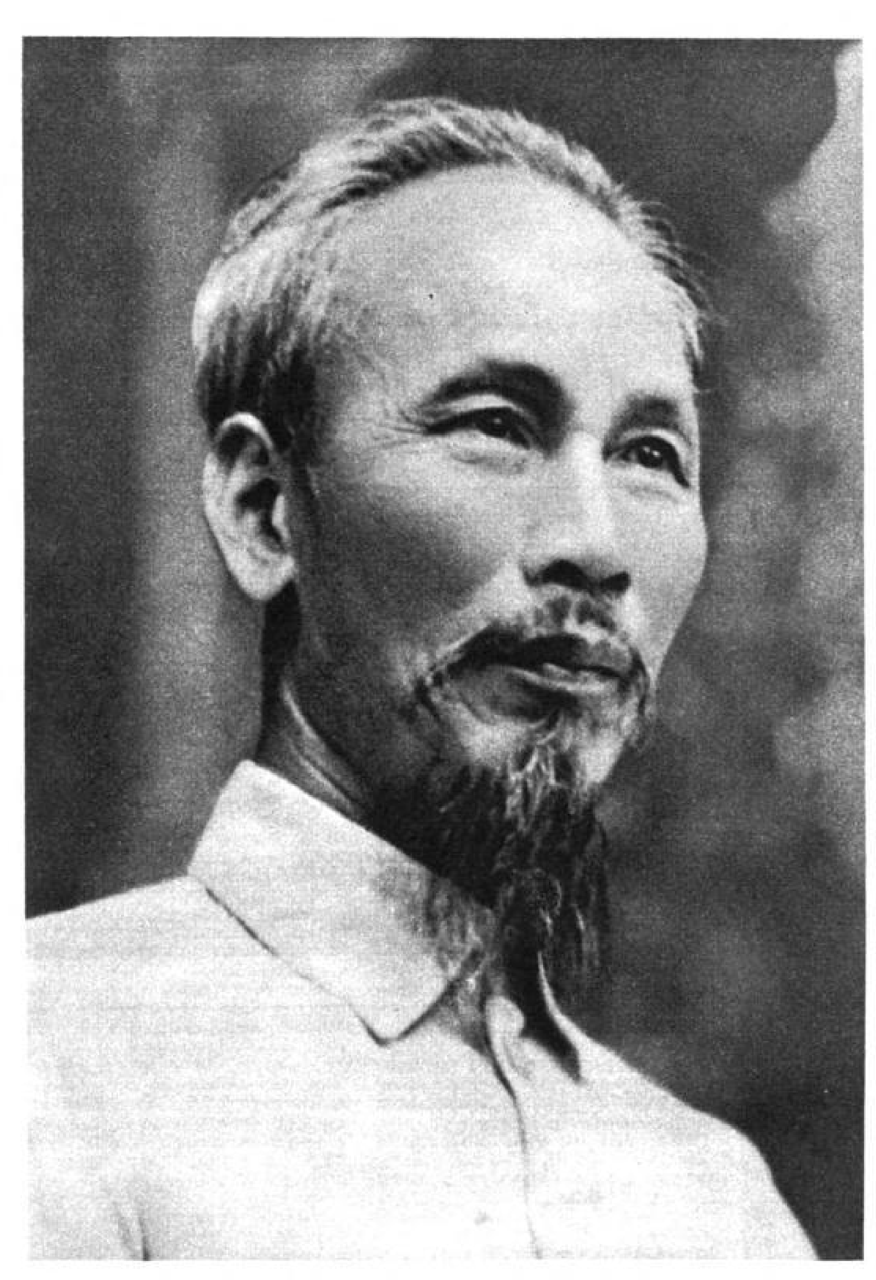
Ленинград.

Владимир Сухарев поздравляет с победой молодую спортсменку В. Калашникову

Народ - воин

(К семилетию провозглашения Демократической Республики Вьетнам)

Вождь вьетнамского народа ХО ШИ МИН.

Героическая освободительная борьба вьетнамского народа против французских колонизаторов вызывает восхищение всего передового человечества. Патриотов Вьетнама вдохновляет сознание того, что на их стороне сочувствие всего международного лагеря мира и демократии, возглавляемого Советским Союзом.

Неугасимая вера вьетнамского народа в свое окончательное освобождение, поистине титаническое трудолюбие в строительстве новой жизни, беспредельная жажда знаний, свободы, счастья — все это запечатлено в многочисленных песнях, сказах и пословицах, родившихся в народе в годы освободительной борьбы против империалистического владычества.

* * *

Бойцы подразделения Народной армии отправились в дальний переход... Нелегко идти с военным снаряжением под палящим солнцем да еще по открытой местности: в любую минуту из-за облаков может вынырнуть вражеский истребитель...

В походе бойцам помогает песня. Вот ее запевает первый. Боец поет о родной деревне, о друзьях по оружию. Смолкает один, запевает второй, за ним третий... И летит песня над дорогой, по которой движется отряд бойцов.

Песни неизвестных авторов переходят из части в часть, из провинции в провинцию, становятся достоянием всего народа. Каждый вьетнамский патриот знает песню «Уничтожим угнетателей»:

Берите в руки оружие,
вставайте в шеренги
с нами.
Мы завоюем в битвах
свободу
и мир
Вьетнаму!
В эту годину грозную
пусть реет всегда над
нами
красное
золотозвездное
победное наше
знамя!

...Перед началом сражения бойцы дают торжественную клятву. Иногда к ней присоединяется песня. Когда остается всего несколько минут до начала боя, часто молодой солдат вырывает листок из тетрадки, пишет несколько стихотворных строк и передает товарищам, которые дописывают песню.

Широкую известность получило маленькое стихотворение юного воина Нгуен Хунга. Он написал его перед боем и прикрепил к штыку клочок бумаги с гневными словами:

У нас одно стремление:
Иль уничтожить вас,
французские пираты,
иль умереть!

Солдаты Народной армии окружены любовью и заботой всего народа. «Армия и народ, — часто говорят вьетнамцы, — это вода и рыба». Армия освобождения не может существовать без народа, как рыба не может жить без воды. О любви народа к своим освободителям и защитникам поется в песне «Моя деревня»:

День пришел — враг отступил.
Вернулись наши освободители,
И вновь звенят в моей деревне колокола...
Крестьяне с ликованием встречают солдат
Победы.
Мы рубим бамбук, чтобы восстановить
мосты.
Мы строим заграждения и роем траншеи:
Ведь враг еще топчет нашу землю...
Бойцы армии Мира — мы приветствуем
утро будущего!

Есть песня, сочиненная девушкой из Донг Хэ:

Мой любимый брат!
Ты ушел вчера
И поклялся с победой придти назад.
Каждый день ожидает твоя сестра
Новостей о победах наших солдат.
Я дождусь их,
Мой смелый,
любимый мой брат!

С трогательной теплотой встречают Народную армию жители освобожденных поселков и деревень. От мала до велика все приходят, чтобы сказать спасибо долгожданным гостям. Но, как говорят вьетнамцы, «наша любовь к армии — это не только любовь после победы». Вся жизнь вьетнамских тружеников, их труд и помыслы подчинены одной цели: помочь армии в выполнении ее благородной, патриотической задачи.

Каждый крестьянин считает своим долгом что-либо сделать для этого. В добровольной помощи местного населения заключается один из секретов удивительной маневренности и неуязвимости Народной армии. В одной вьетнамской песне поется:

Слушай, воин:
в окопах, в краях незнакомых
Будь спокоен
за совесть оставшихся дома.
Все, что нужно в борьбе,
чтоб наш дом отстоять,
Приготовят тебе
твои сестры и мать...

Это стало девизом миллионов женщин свободного Вьетнама. Рис, который самоотверженно выращивают вьетнамки освобожденных районов, непрерывным потоком идет на фронт. Его приносят на коромыслах женщины, старики, подростки. «Рис дядюшки Хо» — так любовно, именем вождя народа Хо Ши Мина, называют они свою ношу.

Справедливый, демократический мир для Вьетнама, прочный длительный мир во всем мире — об этом думает каждый вьетнамский труженик. Во имя этого сражаются против колонизаторов бойцы Народной армии. Они единодушно поставили свои подписи под требова-

В походе бойцам помогает песня...

нием народов о заключении Пакта Мира между пятью великими державами.

Народ мой гонит захватчиков прочь —
И строит свободную жизнь,—

поется в одной из песен, посвященных третьему Всемирному фестивалю молодежи и студентов.

Наша стойкость в бою
и успехи в труде —
это наша борьба за мир!

* * *

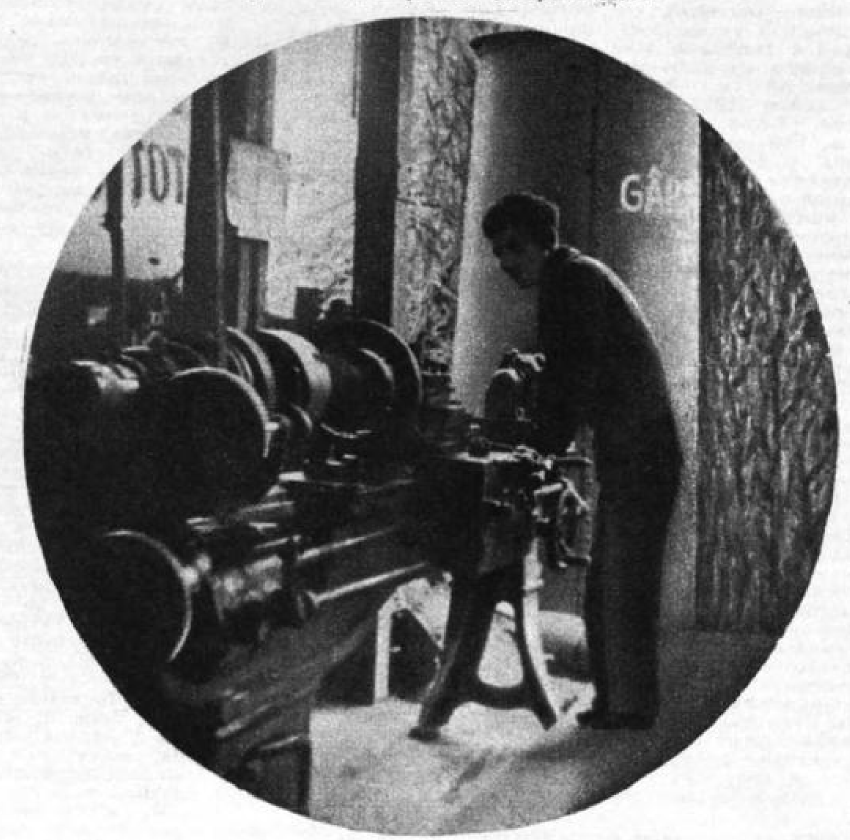
Семь лет живет Демократическая Республика Вьетнам. В огне борьбы за свободу еще более закалилась воля вьетнамского народа к

Рис для бойца вырастят сестра и мать.

Клятва перед боем.

Эвакуированные в джунгли заводы производят оружие.

Встречают освободителей...

Крестьяне переправляют бойцов на бамбуковых лодках.

свободе, еще единодушнее сплотился народ вокруг своего вождя Хо Ши Мина. Ему посвящает вьетнамский народ свои лучшие песни. На юге Вьетнама можно услышать народную песню, в которой говорится:

Нет цветка, чем кувшинка, краше,
Что растет в тростниковой долине...
Не найдешь ты на родине нашей
Краше имени Хо Ши Мина.

И с этой песней перекликается другая:

Золотая звезда горит в красных
отблесках знамени...
Свободный Вьетнам возвещает новый
день.
Ведет нас к свободе и счастью
Хо Ши Мин!

У входа в Бородинский музей.

Фото Б. Кузьмина

С экскурсией по Бородинскому музею

7 сентября — 140-летие со дня Бородинской битвы русской армии с войсками Наполеона, одного из величайших сражений в Отечественной войне 1812 года. Знаменитая битва, происшедшая в 120 километрах от Москвы, у села Бородино, определила поворот в ходе войны — победу русских и неизбежность разгрома армии французских захватчиков.

Многолюдно в эти дни в Государственном Бородинском музее. Экскурсанты рассматривают новую экспозицию, в основу которой положены последние исследования советских историков об Отечественной войне 1812 года. Они внимательно разглядывают новые экспонаты, картины, исторические документы, рассказывающие о событиях 1812 года, раскрывающие связь Бородинского сражения с общим ходом войны.

На одном из стендов читаем: Москва «...на протяжении истории нашей Родины трижды освобождала ее от иноземного гнета — от монгольского ига, от польско-литовского нашествия, от французского вторжения». Эти сталинские слова подчеркивают роль Москвы в Отечественной войне 1812 года, в спасении России от наполеоновского нашествия.

Люди проходят из зала в зал. Оживают страницы истории. Вот два плана ведения войны: бездарный план Александра I, боявшегося народа и не верившего в его силы, и план Кутузова. Гениальный полководец хорошо знал простых русских людей, верил в их богатырскую силу, беззаветную любовь к родной земле. Он знал: их сила неодолима. План Кутузова — это развитие народной войны, создание народного ополчения.

Большой электрифицированный макет показывает, как по гениальному кутузовскому плану готовилась Бородинская битва. По выразительным схемам знакомишься с ходом боев за Шевардинский редут, Багратионовы флеши, батарею Раевского. Эти схемы, составленные работниками музея на основе материалов, обнаруженных ими в различных архивах, вносят серьезные поправки в работы многих историков, неточно, а часто и искаженно освещавших ход и значение Бородинского сражения и всей войны 1812 года.

Внимательно рассматривают экскурсанты все, что связано с боевыми делами прославленного генерала Багратиона. Под стеклом последний рапорт генерала о Бородинском сражении, которое он назвал «гробом французов».

Никто не пройдет мимо выставленного в музее походного экипажа Кутузова, в котором полководец ездил во время войны 1812 года. Подолгу рассматриваются образцы оружия, которым русские войска били наполеоновских захватчиков. Тут же трофейное оружие и французские знамена, захваченные русскими войсками в боях с иноземными интервентами.

Впервые экспонируется в музее текст приказа Наполеона, изданного после Бородинского сражения. «Французы,— писал Наполеон,— вы разбиты: вы позволили покрыть себя бесчестьем и позором. Только одной кровью русскою вы сможете смыть это пятно. Через два дня я дам новое сражение. Пусть погибнут в боях трусы, я хочу командовать только храбрыми».

О том, как выполнил Наполеон свой хвастливый приказ, рассказывают цифры, приведенные на одном из стендов. От центра армии Наполеона, наступавшей на Москву в количестве 310 тысяч человек, к концу войны осталось 1600 солдат. А всего русскими войсками и партизанами за время войны истреблено и взято в плен 552 тысячи солдат и офицеров.

Наполеоновские войска были биты не только воинами регулярной русской армии, но и партизанскими отрядами патриотов. Экскурсанты подолгу рассматривают портреты вожаков бесстрашных партизан: Денис Давыдов, Савва Беляев, Герасим Курин, Василиса Кожина, Егор Стулов...

Василиса Кожина — знаменитая старостиха. Ее партизанский отряд бил французов в Смоленской губернии. На обороте портрета, написанного в 1812 году художником А. Смирновым, сохранилась надпись: «Большую сделала пользу России».

Экскурсанты покидают здание музея и выходят на Бородинское поле, поле русской славы. Они идут к историческим местам. Им показывают знаменитый Шевардинский редут, Багратионовы флеши, батарею Раевского. Все это, как и весь Государственный Бородинский музей с его интереснейшими экспонатами — памятник Отечественной войны 1812 года, героизма русского народа, памятник событиям, о которых «не даром помнит вся Россия». И советские люди помнят и никогда не забывают этих славных страниц истории нашей Родины.

В. БАРЫКИН

«Помогите мне сказать»

Сибилла АЛЕРАМО

В Советском Союзе гостит старейшая писательница Италии Сибилла Алерамо. Она родилась в 1876 году. Первая, автобиографическая, книга ее — «Женщина» — появилась в 1906 году и была сразу же переведена на русский язык.

Эта книга послужила причиной ее знакомства с Максимом Горьким. «Человек из народа, оптимистичный, как народ»,— сказала о нем Сибилла Алерамо. Горький и его творчество оказали большое влияние на писательницу.

Сибилла Алерамо — поэт, прозаик и драматург. Ее романы, рассказы, стихи любимы в Италии. Уже в преклонном возрасте с нею произошло то, что она называет «чудом»: нестареющим сердцем и попрежнему ясным умом она поняла правду коммунизма.

«Не знаю,— пишет Сибилла Алерамо,— за что цепляются сегодня те, кто не верит в коммунизм. Без этой веры я считала бы свое существование пустым и невыносимым фарсом. В последние годы своей жизни я твердо уверовала в то, что только в коммунистическом обществе можно будет дышать и жить в атмосфере всеобщего мира, называть себя человеком, не стыдясь этого слова, наслаждаться дарами природы и радостно трудиться, чтобы сделать природу еще благосклоннее. Только эта уверенность дает мне мужество, необходимое для того, чтобы сохранить силу сердца и мысли, несмотря на ошибки и зло, в которых погрязла моя родина...»

Сибилла Алерамо была делегатом Вроцлавского конгресса в защиту мира, она принимает участие в борьбе своего народа за мир, независимость и хлеб. Свою веру в победу коммунизма, мира и свободы она выразила в последней книге стихов — «Помогите мне сказать». Одно из этих стихотворений, адресованное товарищам по борьбе, мы печатаем здесь.

* * *

Товарищи, бывают дни
Такой тоски, такой
неволи,
Что кости старые мои
Вот-вот сломаются
от боли.
И кажется, что голос
мой,
Моя единственная сила,
Уже не мой, уже чужой:
Неволя песню подкосила.

Товарищи, но в эти дни
В душе ваш образ
возникает,
Он чувства лучшие мои,
И ум, и сердце
вдохновляет.
Безмерно тяжелей ваш
труд,
Безмерно злее ваша доля,
А вас по всей земле
ведут
Борьба, надежда, вера,
воля!

Товарищи, в такие дни
От вашей поступи
победной
Ночь и дурные сны мои
Рассеиваются бесследно.
Нет больше страха,
смерти нет,
Ряды бойцов
неисчислимы,
А на Востоке блещет
свет,
Бессмертный и
непобедимый!

Перевел с итальянского О. САВИЧ

На наших вкладках

История создания И. Е. Репиным «Мужичка из робких» весьма примечательна. В 1876 году Репин возвратился из-за границы и вместе с семьей поспешно уехал к себе на родину, в город Чугуев. Тому были веские причины. «Все, что он сделал за границей,— писал о Репине Стасову Крамской,— было ошибкой». Репинские произведения, написанные в Париже, Стасов и Крамской резко осуждали. Видя в молодом Репине нарождающегося гения реалистической школы, они всячески старались отвратить его от тем, подобных «Парижскому кафе» или «Садко в подводном царстве». Они видели в Репине художника народа и боролись за то, чтобы Репин пошел по единственно правильному пути — созданию полотен, подобных его первой нашумевшей картине, «Бурлаки на Волге».

Репин сознавал правоту честной, прямой критики своих старших друзей. Он уехал в Чугуев и здесь с головой окунулся в народную жизнь: «Бывал на свадьбах, на базарах, в волостях, на постоялых дворах, в кабаках, в трактирах и в церквах... что это за прелесть, что это за восторг!!!» «...Да и сам Чугуев это чистый клад! Не знаешь, на чем остановиться!»

Репин писал в Чугуеве много, упорно, страстно. Здесь создал он своего «Протодиакона», здесь написаны «Мужичок из робких» и «Мужик с дурным глазом», «Старик из Чугуева». Здесь сделан эскиз маслом «В волости»: идет спор тяжущихся перед начальством — волостным писарем.

В Чугуеве написана картина «Вернулся», навеянная событиями русско-турецкой войны. Раненый солдат сидит в родной избе. Послушать его рассказы, поглядеть на него пришли соседи и родственники. В Чугуеве же написаны портреты жены, дочерей, художника Мурашко, некоей Любицкой — один из лучших репинских женских портретов. Здесь начата картина «В сельской школе», задуман «Крестный ход», выполнен эскиз «Под жандармским конвоем»: на телеге везут политического арестанта. В это же время написана жанровая картинка «Искушение»: в церкви военный щеголь пытается, и небезуспешно, ухаживать за дамой.

И все это множество произведений создано за короткий срок: приехал Репин в Чугуев в ноябре 1876 года, а в сентябре следующего года уже возвратился в Москву. «Мужичок из робких» появился на передвижной выставке. «Как чудесно схвачен этот тип, какою могучею, здоровою и правдивою кистью он передан!» — восклицал Стасов.

«Не припомню» — одна из многочисленных жанровых картин выдающегося русского живописца Владимира Егоровича Маковского. Весьма типическая для Маковского, характерная четким и ясным сюжетом, эта картина чем-то напоминает чеховский рассказ. Не так давно ее показывали в Ленинграде, в Академии художеств, на выставке произведений из частных собраний.

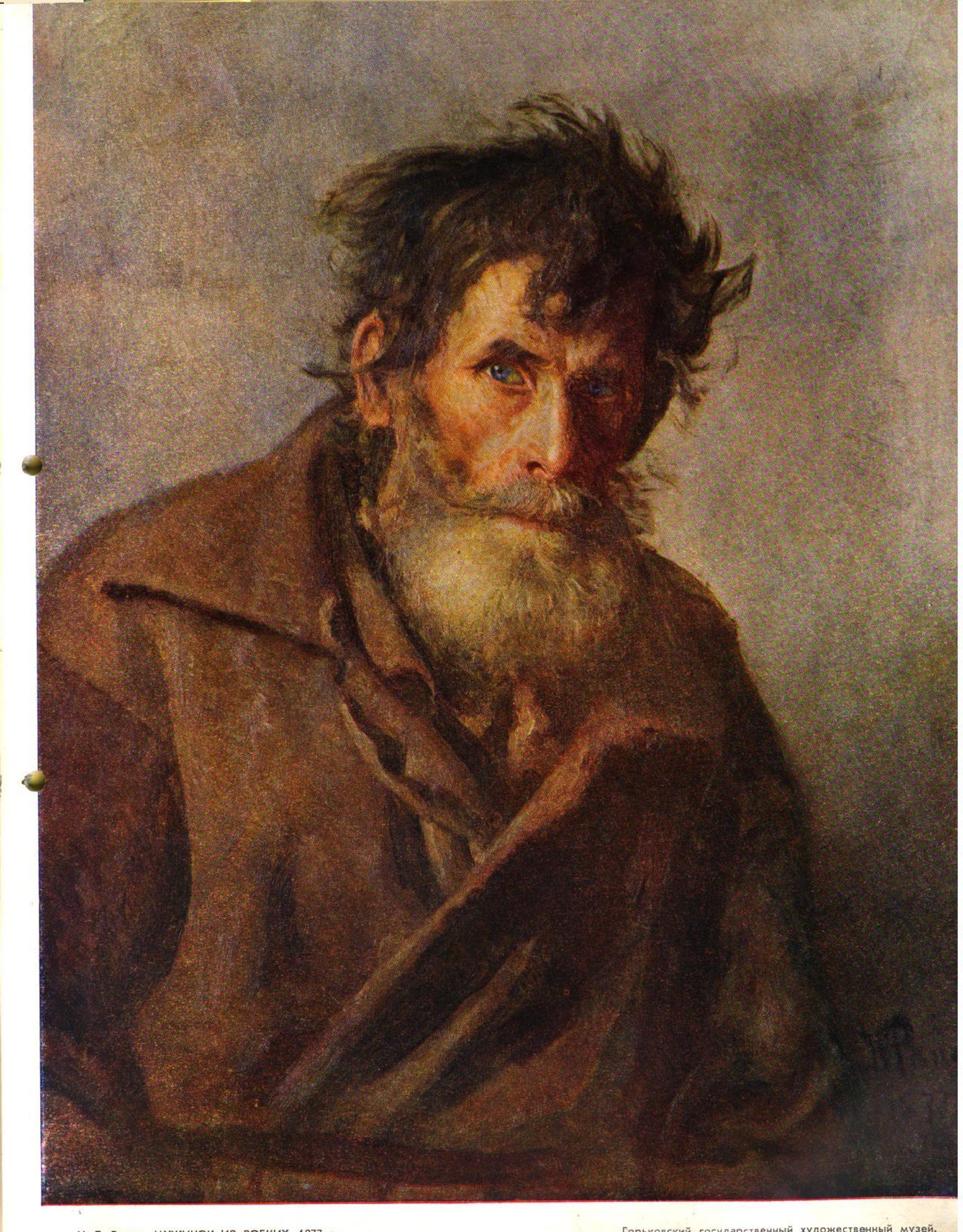
«Гитарист-бобыль» В. Г. Перова, из собрания Русского музея,— небольшого размера, мастерски выполненная картина. В Третьяковской галерее хранится этюд к ней. И этюд и самая картина датированы 1865 годом. Это был год творческих удач Перова. Тогда же были созданы «Проводы покойника», перекликающиеся с поэмой Некрасова «Мороз, Красный нос». По словам В. В. Стасова, эта картина «окончательно упрочила знаменитость Перова. С этого времени Перов делается любимцем всей интеллигентной и художественной России».

В том же 1865 году Перов написал «Монастырскую трапезу», но много лет спустя он, однако, заново переписал ее.

В «Гитаристе-бобыле» Перов мастерски передал облик человека, для которого все в жизни позади. В забывчивости он перебирает гитарные струны, мысли его невеселые...

«Я очень был удивлен, что вы уехали, не сказав ни здравствуй, ни прощай своему лучшему другу. Нехорошо! Нехорошо!» — шутливо выговаривал Василий Иванович Суриков в письме Наталии Флоровне Матвеевой. Н. Ф. Матвеева, по сцене Наталия Тиан, известная балерина и пианистка, была с Суриковым в дружеских отношениях. Суриков, страстно любивший музыку, с удовольствием слушал игру Матвеевой. В ее лице Суриков видел, очевидно, один из тех истинно русских типов, которые любил воспроизводить в своем искусстве. Это и побудило его написать портрет Матвеевой, причем написать его по-суриковски — в старинном костюме боярышни. Долгое время местонахождение портрета считалось неизвестным. Ныне установлено, что суриковский «Портрет боярышни», хранящийся в Харьковском музее, и есть изображение Матвеевой.

Портрет датирован 1909 годом. Сурикову тогда перевалило за шестьдесят. Но портрет поражает крепкой, уверенной суриковской живописью, которая вошла в историю как одно из высших достижений мировой изобразительной культуры.

И. Е. Репин. МУЖИЧОК ИЗ РОБКИХ. 1877 г.

Горьковский государственный художественный музей.

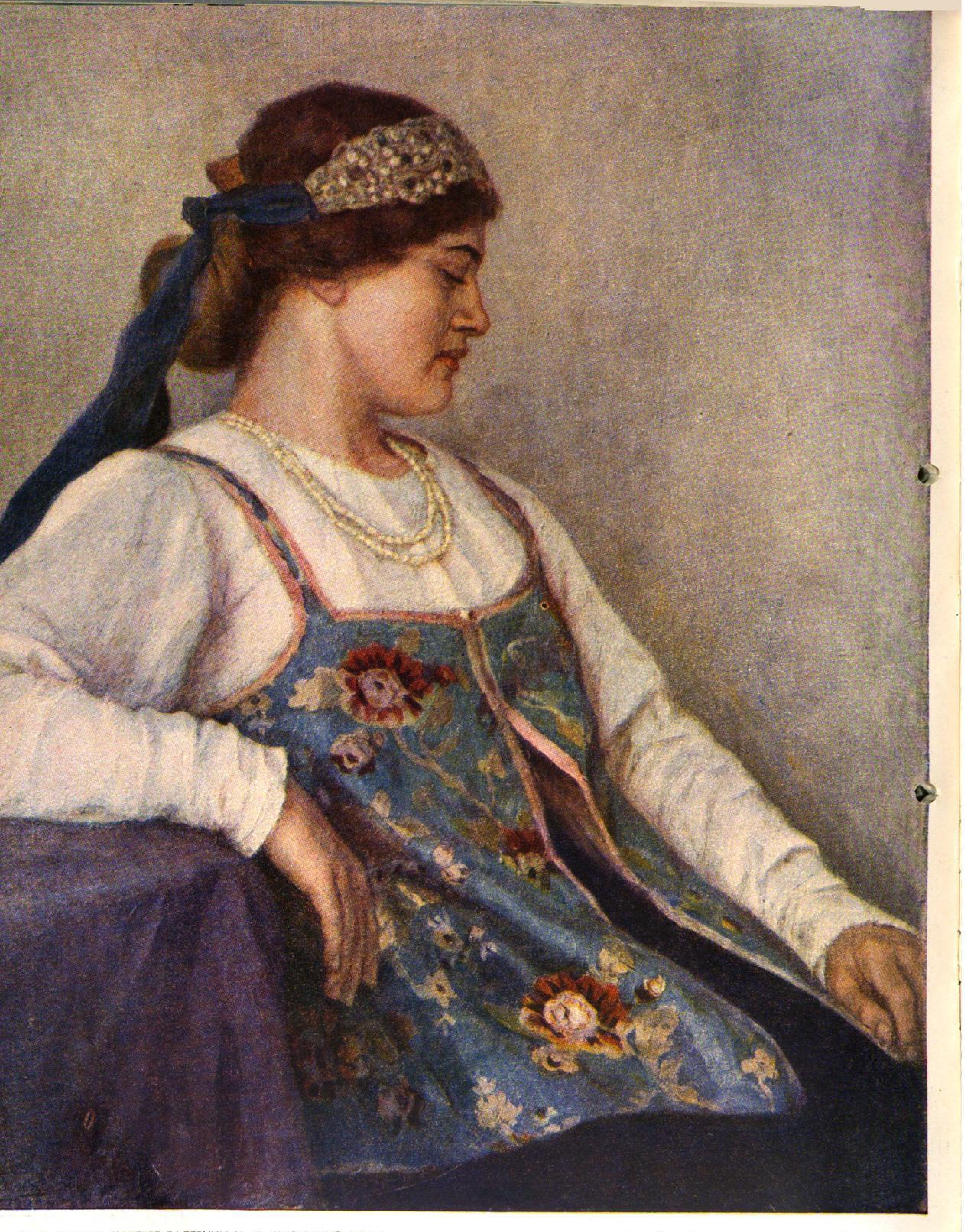

В. Е. Маковский. НЕ ПРИПОМНЮ. 1878 г.

Из частного собрания. Ленинград.

В. Г. Перов ГИТАРИСТ-БОБЫЛЬ. 1865 г. Государственный Русский музей. Ленинград.

В. И. Суриков. ПОРТРЕТ БАЛЕРИНЫ Н. Ф. МАТВЕЕВОЙ. 1909 г. Музей изобразительного искусства. Харьков.

ТРАКТОРИСТЫ

Из записной книжки писателя

Валентин ОВЕЧКИН

Рисунки О. Верейского

В одном районе решили провести «День тракториста».

Кто первый подал эту мысль, неизвестно. Вероятно, однажды, после заседания бюро райкома, на котором поругали какого-то недальновидного председателя колхоза за плохое отношение к механизаторам, кому-то пришло в голову: провести бы в районе «День тракториста», чтоб возвеличить фигуру сельского механизатора в глазах общественности.

Выбрали для праздника одно из воскресений в конце июня — почти свободное от тракторных работ время, междупарье. Задумано все было здорово. Место облюбовали на берегу реки, на лугу, у дубовой рощи. Трактористы — народ степной, привыкший к голубому небу и жаркому солнцу над головой; им приятнее было провести свой праздник на вольном воздухе. Выстроили на лугу нечто вроде театральных подмостков — для президиума собрания и выступления художественной самодеятельности. Сюда же выехали буфеты и ларьки пищеторга. Пригласительные билеты на праздник разослали не только трактористам, комбайнерам, механикам, но и их женам. Приглашены были также председатели колхозов и бригадиры полеводческих бригад.

Но — первый блин комом! — дальше пошло не совсем так, как было задумано. Помешал дождь, зарядил с ночи, и до двенадцати дня не прояснилось, пришлось перейти в районный Дом культуры, где в четырех стенах, перевидавших много всяких других заседаний и конференций, собрание прошло как-то слишком официально; немного оробели и сами организаторы праздника: не всыплют ли им за самовольное проведение какого-то неустановленного «Дня тракториста»? — и в своих речах называли праздник просто районным слетом механизаторов, что несколько сгладило необычность этого «мероприятия»; да и много было речей, и длинны были они слишком для такого собрания-гулянья.

Но все же трактористы и комбайнеры вынесли из конференц-зала Дома культуры, где даже потолок вспотел от духоты, главное: что сегодня их день, что ради них играл оркестр, для них выступали артисты, пел детский хор, танцевали девушки-ученицы, что в числе прочих почетных профессий их профессия и они сами не в поле обсевок.

И самое интересное, как часто бывает в таких случаях, началось уже после «официальной части». Благо время для этого еще оставалось. Пока длилось собрание и выступали артисты районной самодеятельности, дождь перестал. Подул ветерок, быстро просохло. Разошлись из Дома культуры в шесть часов — по-летнему еще день. Машины, на которых приехали из колхозов трактористы, ждали их за мостом через Сейм, на поляне у дубовой рощи. Там же, накрыв свои товары клеенками, терпеливо ждали их продавщицы ларьков и буфетов пищеторга... Задымили костры, где-то заиграл баян, запели «Распрягайте, хлопцы, коней...»

* * *

— Где же мы расположимся?

— Да вот под машиной сухое местечко, дождь не промочил. Михаил! Отгони машину дальше, а мы тут постелим брезент.

— Ну, братцы, кажись, настает такое время, что ежели которого из нас жинка бросила из-за того, что грязная у нас работа, вернется: «Миленький, дорогой, прости, забудь!»

— Это ж почему?

— А потому, что на нас теперь особое внимание обращается. Нам почет и уважение! Первые люди в деревне — мы!

— А читали, ребята, в газетах, что́ на Кубани делается?

— Что?

— Там сейчас проводится эта самая, как ее...

— Комплексная?

— Вот, вот, комплексная механизация.

— Это же как понимать — комплексная?

— Полностью механизируются все работы в сельском хозяйстве. Чтобы не получалось так: убираем хлеб комбайнами, а колхозницы вручную веялки крутят, ящиками зерно в машины грузят. Горы зерна — когда его через веялки пропустишь? Где-то поспешаем, а где-то еще адамова техника осталась, тормозит все дело.

— Стало быть, сортировки от привода, транспортеры? Чтобы и рука человеческая до зерна не касалась?

— Именно так. И в животноводстве все механизируют: подачу кормов, воды, стрижку овец. Стога мечут машинами, солому скирдуют машинами.

— И у нас к тому же идет. Кабы управились пустить электростанцию к уборочной, что мы, не механизировали бы тока?

— Не обязательно электричеством. Можно движки поставить под приводы.

— Выбракованные тракторы надо приспособить, такие, что не годны работать на крюку.

— А я прошлой осенью видел в Чижовской МТС на испытании трехрядный свеклокомбайн. Вот машинка, ребята!

— Однорядный не пошел у нас.

— Трехрядный. Другая машина, усовершенствованная. Хорошо работает! Потерь почти нет, один человек успеет пройти по рядкам проверить. Колхозницы, как узнали, что конструктор приедет на испытание, натаскали ему цветов в подарок — еле в машине увез. Качали его там, в поле.

— Рады были?

— А как же! От самой тяжелой работы освободил их — от копки свеклы.

— От работы-то освободил, но и трудодней колхозницы на свекле заработают меньше...

— Товарищи! Что же оно получится? Если и свеклу будем комбайнами убирать, где же колхознице трудодней заработать?

— Раз полная механизация, значит, и почти все трудодни по полеводству будут у трактористов и прицепщиков. Навоз возить? Да мы поделаем такие площадки, зацепишь трактором — сразу двадцать тонн! Наваливать, разбрасывать его — опять же машины приспособим. Прошлым летом уже и солому стягивали с жнивья тракторными волокушами!

— Колхозникам, которые в полеводческих бригадах, останется только воду да горючее подвозить нам на волах по очереди.

Из шуточной завязки разговора возникают большие житейские вопросы.

— Шутки шутками, ребята,— говорит бригадир,— а дело серьезное. На Кубани уже началось, и у нас к тому идет. Машин все боль-

ше и больше, всякие новые пропашники для разных культур, сеялки, комбайны. Я бы на месте нашего правления уже сейчас об этом призадумался: на каких других работах в хозяйстве занять людей? Верно ведь, годика через два — три механизаторы заберут почти все трудодни по полеводству, это как пить дать! Но машины ведь не для того, чтобы всем колхозникам, кроме нас, делать было нечего?.. Эту силу, что освободится, надо чем-то другим занять.

— Чем же ты ее займешь?

— Вот об этом и надо думать. Есть такие отрасли, где без ручного труда никак не обойтись. Сад, например. Трактором не влезешь на дерево яблоки рвать, это ручная работа. Если зимние сорта, для долгого хранения, так и потрясти дерево нельзя, каждое яблочко надо снять с ветки рукою и осторожненько уложить в ящик со стружками. Сколько у нас в «Заветах» запланировано на осень садов посадить, кто помнит?

— Пять гектаров, что ли.

— Мало! Сто гектаров надо сажать!

— Ну, это ты загнул, Иван Трофимыч!

— Чего «загнул»? Вот привычка проклятая у нас! Основное — хлеб, картошка, без этого не обойтись, а фрукты, мол,— это баловство!

— Да у нас и земли столько свободной не найдется.

— Все пустыри, лога, крутизны надо фруктовыми деревьями засадить! Поедем, Никита Харитоныч, по колхозу, и я тебе не сто, а двести гектаров такой земли найду!

— Ну, разве что пустыри...

— И ухода за молодым садом совсем немного требуется. Междурядия только нужно культивировать. Самая горячая работа в саду — сбор фруктов. А плодоносить он начнет ведь не сегодня: лет через пять — шесть. В аккурат к тому времени техника в полеводстве так шагнет вперед...

— Что и Никита уже будет своим трактором из вагончика по радио управлять.

— Зачем из вагончика? Прямо из дому, с полатей. Гляну в телевизор, подходит трактор к краю загона, нажму кнопку, трактор повернет обратно.

— На сто гектаров, знаешь, Иван Трофимыч, сколько саженцев нужно? По сотне штук на гектар — десять тысяч штук. Рубля по три за дерево — на тридцать тысяч надо купить одних саженцев. Откуда таких денег взять?

— Свой питомник надо заложить — и через два года будут саженцы! Не только для своего сада хватит, и на сторону будем продавать. А специалист в колхозе есть. Наш горючевоз, Назар Матвеич. Он же садовник.

— Да, да! Видели, какой у него садок на усадьбе? Окулировать глазком там или прищеп — это он все умеет.

— Подучить, может, его еще маленько на курсах? Нет, верно, ребята, придет время, и не за горами уже оно, со всеми основными работами мы, трактористы, вместе с прицепщиками будем справляться. А колхозникам останется подсобные отрасли развивать. Не одним хлебом жив человек. Какое хозяйство можно построить! И надо бы уже сейчас приниматься, ни часу не терять! Есть и виноград такого сорта, что будет расти в нашей местности. Кто бы отказался получить такой бочоночек вина на трудодни, как у нас с автолом стоит? Ягодники надо разбить. Гектаров пять клубники под хороший урожай — какое богатство! Огородов побольше, овощей всяких, и для продажи и для себя. Животноводство можно раза в два против нынешнего увеличить. Есть же колхозы, где по тридцать рублей чистоганом, кроме всего прочего, дают людям на трудодень! Это там, где руководители вперед глядели!.. Давайте, товарищи, как будет общее собрание в колхозе, поставим этот вопрос от имени трактористов. Пусть-ка правление пересмотрит свои планы по подсобным отраслям! Мизерные у нас планы. Смелее можно замахивать! Одно дело — использовать машину, выжать из техники все до дна, как товарищ Сталин говорил. Это — наше дело, механизаторов, мы за это отвечаем. А другое дело — уметь использовать и ту выгоду, что дает машина в большом хозяйстве. Машина тебе руки развязывает в полеводстве? Так сажай этими руками сады, строй новые фермы, плотины, пруды, разводи в прудах рыбу!..

К увлекшемуся бригадиру подошли сзади от реки неслышно два тракториста, мокрые до самых подмышек, с бреднем и мешком. Один высыпал из мешка через плечо бригадира на траву десятка два крупных живых, трепещущих карпов, карасей, линей. Рыбаков и их добычу приветствовали радостными возгласами.

— Вот такой рыбки развести бы у нас в колхозе! Да, Иван Трофимович? — сказал один из подошедших.

— Рыбка-то хороша, а вы что же это, друзья, выходит, и на собрании не были?

— Нет, товарищ бригадир, на собрании мы сидели до конца, все речи прослушали, а как начался концерт, пошли с Петром потянуть бреденек. Мы с ним еще из дому наметили — наловить рыбки для ушицы.

— Если бы такая речка, Иван Трофимыч, да в нашем колхозе «Заветы Ленина», да рядом с нашим станом, каждый день кормили бы с Семеном рыбой бригаду!

— Ну, что ж... Ножи есть? Давайте чистить. Вот в этой цыбарке сварим. Сушняку надо бы еще для костра.

— Иван Трофимыч! А, может, пока уха сварится, пропустим по одной, под огурчики? Рыбакам надо бы после купанья согреться... Ребята! У кого хороший глазомер?

— У Никиты. Лучше его никто не отобьет загонку по прямолинейности.

— Разливай, Никита Харитонович. Смотри, не ошибись. Посуда, видишь, неравномерная... Разлил, как в аптеке! Ну — за наш праздник, за «День тракториста»! И за тех товарищей, кто его выдумал!

— Я, товарищи, так соображаю насчет механизации,— начал, крякнув, после небольшой паузы один тракторист, все время молчавший.— С нас директор эмтээс и правление колхоза спрашивают выработку, качество? Спрашивают. Законно спрашивают, так и должно быть. И мы можем спросить правление колхоза: куда деваете нашу механизацию?

— Как? Что говоришь? А куда же они её денут? Механизацию в карман не спрячешь.

— А так! Скажем, в прошлом году механизация была на семьдесят процентов, а нынче — на восемьдесят. Куда девали эти десять процентов? Сделали что-нибудь полезное для хозяйства? Или на распыл пошло? Волы паслись, люди на базаре торговали?

— Правильно, Митя! Долго молчал, а дело надумал! Именно так и нужно спросить их, хозяев: куда деваете нашу механизацию?

Хохот, аплодисменты...

* * *

Одна бригада приехала на праздник в полном составе, с кухаркой, со своими продуктами, посудой для варки пищи и даже столами и скамейками, прихваченными с полевого стана. Расположились они, как дома, то есть как в своем колхозе, в степи, у походного вагона,— возле автомашины, привезшей их, воткнули в землю две железные рогулины, подрыли под ними ямку для котлов, кухарка, поджав ноги, уселась на траве и стала чистить картошку. Разница была лишь в том, что трактористы приоделись, вымылись и присутствовали жены трактористов, которых на полевом стане обычно всех сразу не увидишь. Они принялись помогать кухарке. Но не все присутствовали. По этому поводу было немало шуток и зубоскальства.

— Степан! Почему твоя Маринка не приехала на «День тракториста»?

— Нездорова...

— Перепугалась, должно быть, когда ей пригласительный билет принесли: «Марине Кондратьевне Пересухиной. Райком ВКП(б) и Райсовет приглашают вас...»

— Чего же пугаться?

— Да кто его знает, зачем приглашают жен трактористов? То ли по сто грамм поднесут, то ли постыдят за то, что плохо работают в колхозе, надеются на мужей?

— Да, девчата, нынче вам сошло, а в будущем году, сказал секретарь райкома, обязательно упомянет в докладе тех жен механизаторов, что в колхозной работе не участвуют, на мужнины заработки надеются.

Один из трактористов, рослый, плечистый, красивый парень лет тридцати трех, пока все усаживались за столы, скрылся в кусты с узлом подмышкой, переоделся там и появился вдруг перед товарищами в костюме официанта: черная тройка, атласные лацканы, галстук бабочкой, белоснежная скатерть на руке. Его встретили громовым хохотом.

— Чего это ты таким фертом вырядился, Серега?

— И выдумает же!

— Товарищ официант! Пол-литра столичной и два соленых огурца!

— Вспомнил старое.

— Какое старое?

— Так он же был официантом.

Сергей, видимо, хороший актер, комик, без тени улыбки, с серьезным, деловитым лицом обратился к кухарке:

— Лукерья Федоровна! Как у вас дела? Готово? Что будем подавать? Квисо куриное, сюпрем с рисом? Соус тертер? Эскалоп из телятины?

— Погоди,— давясь смехом, ответила кухарка.— Мясо еще не доварилось.

— Придется подождать, товарищи, минут двадцать.

Сергей сходил за машину, где на ящиках и досках устроено было нечто вроде буфета (заведовала им жена бригадира), принес оттуда на подносе, держа его одной рукой выше головы, тарелки с хлебом, ложки, вилки, бутылки, стаканы, лихо, со звоном, ничего не разбив и не опрокинув, опустил поднос на стол, стал раскладывать приборы. Все зачарованно глядели на него.

— Да ты что, брат, в самом деле официантом был?

— Два года.

— Когда?

— После демобилизации. До сорок седьмого года.

— Вот диво! А до войны чем занимался?

— Тем же, чем и сейчас занимаюсь. Работал трактористом в Знаменской МТС Ростовской области.

— Чего ж тебя занесло не в свою борозду?

— Так, бывает...

И пока у кухарки допревало в котлах над костром «квисо куриное сюпрем с рисом», Сергей рассказал трактористам и приглашенным на праздник гостям, как его «занесло» и «вынесло». Некоторые уже не в первый раз слышали эту историю.

— В сорок четвертом году получил я на фронте письмо из колхоза: умерла мать. И больше никого родных у меня там не оста-

лось. Брат старший погиб под Сталинградом. Подворье наше спалили немцы... Отслужил Родине до полной победы, демобилизовался в одном немецком городе, выправил документы, получил отпускные деньги, а куда ехать? Подвернулся приятель, тоже из демобилизованных, Виктор Дракин, старшина. «Поедем,— говорит,— со мною в Саратов. Если ты к технике привержен, так в городе же ее больше, на завод поступишь или на курсы шоферов. Будешь водить легковой «зис», директора какого-нибудь возить — это дело чище, чем в тракторе ковыряться». Подумал, подумал — поехал с ним в Саратов.

На шоферские курсы не было в том месяце набора. Поступать на завод не спешил: это от нас не уйдет. Отдохнули, погуляли, пока деньги были. Потом поехали в Ростов, в другие города. И познакомились случайно в поезде, где-то под Харьковом, с одним начальником по общественному питанию, даже, можно сказать, дружбу завели. Угостили его абхазскими персиками, имеретинским вином, разговорились. Понравились мы ему. Предложил он нам ехать в Москву, дал адрес, пообещал устроить официантами в хороший ресторан.

Дракин сразу загорелся: «Вот это — дело! Всю жизнь мечтал о такой работенке!» А он, этот Дракин, кем только не был до войны: и шофером, и фотографом, и парикмахером, и артистом! Я посомневался было насчет квартиры: где жить будем? «О чем горюешь! — говорит. — Найдем. Таким ребятам да пропадать? Первую ночь, может, на вокзале переночуем, а потом устроимся». Ну, в Москву, так в Москву. Поехали. Так вот и занесло меня. За товарищем потащился.

— И поступил, значит, в официанты?

— Да. Нашли в тресте этого нашего знакомого — дал направление в ресторан «Арктика».

— Трудно было привыкать?

— Как сказать? Названия блюд вот эти всякие трудно было запоминать. Поначалу эскалопы с эскарпами противотанковыми путал. А бегать между столиками с подносом — это я быстро освоил. Я до войны в кавалерии в терчастях сборы отбывал. Конник. Джигитовку делал. Бутылку на голове на полном галопе, стоя в седле, удерживал. Нас ведь не сразу допустили к работе, обучали сначала на курсах. Как с посетителями обходиться: ежели, например, с дамой сидит гражданин, то первой даме надо подать прибор и тарелку, ей же надо и меню показать, вроде как к ней за заказом обращаться. А за расчетом подходить к кавалеру. Лекции читали нам про калории, витамины. Опять же как вежливо пьяного вывести. Многому научили нас старые официанты — так, частным путем. Вот, к примеру, как произнести такие слова: «У вас, гражданин, графинчик уже опустел? Можно убрать?» Надо так жалостно сказать это слово «опустел», чтоб он еще два графина заказал. Ну, Дракин этот мне всякие советы давал. Если, мол, видишь, что кавалер подвыпил и форсит перед дамой, приписывай смело к счету десятку — две, не будет проверять, посовестится. И прочее такое. Но я, сказать по правде, никогда так не делал. Наоборот. Заметишь: подсел к столику командировочный, может, директор эмтээс, приехал в Москву по делам, набегался, скучный сидит, устал, в министерстве, может, отчитывался, выговор ему закатили. Жалко такого. Приходишь и советуешь: «Сто грамм, гражданин, больше не нужно, а то как бы под трамвай не угодили, у нас тут на площади сильное движение». И закуску предлагаешь, какая поплотнее и подешевле. Прямо по своему карману рассчитываешь, как если бы сам приехал в Москву с честной заработной платой. Верно говорю, не обсчитывал. На чай брал, что было, то было...

— И как же ты после «Арктики» в Курской области очутился?

— Не выдержал климата!

— Не выдержал. Я недолго в том ресторане работал. Подвели меня жулики одни. Неприятность вышла из-за них... У официантов столики в зале поделены, как между бригадами участки на поле. Повадилась одна компания за мой столик садиться каждую ночь. Облюбовали укромный уголок за пальмой. По пятьсот — семьсот рублей пропивают втроем за ночь, и, подойдешь к ним, только и слышишь: «взял», «дал», «подкупил», «выписал с базы». Взяточники какие-то, жулики при торговом деле. Хотя нас и учили на курсах, что официантам не полагается вмешиваться в разговоры за столиками и приставать к посетителям, но я как-то не вытерпел. Заказали они рябчиков, еще там того-сего, всяких кушаний, напитков и, между прочим, ананасов — компот у нас был такой из ананасов, консервы. Принес я это все и говорю. «У вас, — говорю, — получается, как по-писаному: «Ешь ананасы, рябчиков жуй...» «О, — говорят, — у нас, оказывается, подавальщик-то Маяковского читал!» И начали надо мной смеяться. Целый вечер не отпускали от себя, гоняли меня туда-сюда. Обидно мне стало. «Подай!», «Перемени!» Ну, что же, сам знал, какую выбирал должность. Сядет за твой стол этакая мразь — и ей прислуживай, как людям. А для того ли я четыре года воевал, три раза раненный был, чтобы такая нечисть опять плодилась на земле?.. Пошел в буфет, хлопнул с досады двести грамм. Зовет меня опять один из этой банды: «Эй, орел! Поди сюда! Закажи нам три порции блуждающих почек». Я раскрыл карточку, ищу. Другой говорит: «В меню не ищи, это — очень редкое блюдо, его делают только по особому заказу. Иди к шеф-повару, закажи». Я понял: разыгрывают. Нагнулся к ним, говорю тихо: «Если желаете попробовать этого редкого блюда, такие разэтакие, вот закроем ресторан, сдам выручку, чтоб мне не при служебных обязанностях быть, выйдем на улицу — и я там вам, без шеф-повара, в одну минуту всем троим сделаю почки блуждающими!»

Тут они, конечно, крик подняли, директора вызвали: «Ваш официант грозится нас побить!» Стал я с ними рассчитываться — они меня под шумок накрыли на двести рублей: бутылки из-под шампанского спрятали под стол, я и не включил его в счет, так что в ту ночь я пришел домой совсем пустой, даже буфетчику задолжал. После этого случая меня в том ресторане посетители стали бояться, пальцем показывали: «Вот тот официант, что супником на пьяных замахнулся». А я вовсе и не замахивался. И хотя тех жуликов вскорости посадили — приходил к нам следователь за справкой: часто ли кутили они у нас? — все же мне за них влетело. Строгий выговор объявил директор в приказе.

Потом еще получилось у меня там разногласие с метрдотелем. Метрдотель — это старший над официантами, наш непосредственный начальник.

— Какое разногласие?

— По вопросу международной политики... В наш ресторан часто заходили иностранцы. Может, и хорошие люди, а может, и дрянь какая-нибудь, шпионы, клеветники. Так если хорошие люди, тем паче надо с ними держаться просто, по-человечески. А метрдотель такие приказания нам давал: если садится за стол иностранец, бросай все, пусть другие посетители ждут, обслуживай его!

Вот я по этому вопросу и выступил на производственном совещании. Говорю: «Может, эти туристы дальше нашего ресторана никуда и не поедут, ни на заводах, ни в колхозах не побывают, значит, все ихнее знакомство с советскими людьми через нас, официантов. И поэтому нам нужно с ними держаться вежливо, но без лакейства, чтоб не судили они по нас плохо обо всех наших людях». Выступил с чистой душой, как, бывало, в тракторной бригаде давал всякие рацпредложения, а вышло недовольство. Метрдотель этот стал ко мне придираться — меньше всех у меня выручки, план, мол, не выполняю. И буфетчик взъелся на меня за то, что уличил его как-то в недоливе. В общем, вижу, какая-то ерунда вокруг меня получается. Другим официантам на кухне без очереди заказы отпускают, а я по полчаса жду у окошечка. Не ко двору пришелся. Думаю: «Худо мне тут будет». Взял расчет...

Сунулся на завод один — что ж, специальности нет. Вижу: на улицах укатывают асфальт катками, а машина — тот же трактор. Пошел в контору. «Может,— спрашиваю,— трактористы вам нужны?» «Нет, — говорят, — сколько требуется, есть сполна. В деревне, вероятно, больше спросу на вашего брата»... Но Зося меня предупредила: если будешь приходить домой в мазуте, ищи себе другую квартиру.

— Какая Зося?

— Хозяйка квартиры. На гитаре она хорошо играла. Как запоет «Рябину», душу вынимает! Так, вообще, на чей другой характер — жить можно...

— Хорошо, что твоя Уля не присутствует, не стал бы всего рассказывать при ней.

— Уля знает, рассказывал ей... На чем я остановился? Да, как взял расчет. Ну, пошатался я недели две без работы, но потом все же этот наш знакомый дал мне еще раз направление в хороший ресторан. Ресторан при гостинице. И там я встретил одну землячку, старуху...

Проходила в Москве сессия Верховного Совета. Часть депутатов разместили в нашей гостинице. Живут наверху в номерах, обедать и ужинать спускаются к нам в ресторан. Смотрю: села за мой столик женщина в простой одежде, в платочке, по виду работница с фабрики или колхозница. С депутатским значком. Читает меню. Подошел к ней: «Чего вам подать?» Выбрала она что-то из порционных, свиную отбивную, что ли. «Можно, — говорю,— сделаем. Но чудок подождать придется, минут пятнадцать». Донское словечко сорвалось. Она поглядела на меня. «А ты, парень, не с Дону?» «С Дону», — говорю. «Ну, иди заказывай, подожду».

Принес обед, расставляю тарелки. «Тебе,— спрашивает,— сынок, дюже некогда?» «А что?» «Да вот кабы ты мне вечером чаю принес туда, в комнату, шестьсот четырнадцатый номер. Боюсь в лифте спускаться, как пойдет вниз, душа от тела отрывается». «Это можно»,— говорю. «Нездорова я,— говорит,— сегодня, не пойду вечером в театр, попью горячего и спать лягу». Поговорили мы немного, спросила она меня, из какой станицы. Про себя рассказала, кто она, откуда. Колхозница, звеньевая.

Стучусь к ней вечером с чаем, а она в номере мебель переставляет по-своему. «Чего ж вы,— говорю,— горничную не позвали?» «Да они уж утром тут прибирали. Ничего, я дома, как занедужаю, начинаю стирать либо хату

белить — разомнешься, оно и полегчает». Стал я чашки с подноса снимать. «Ох, — говорит, — земляк, непривычна я, чтоб мне такие казаки на стол собирали. Садись вон на диван, я сама подам, что нужно. Повечеряешь со мной?» Достала из чемодана бутылку терновки, рыбца донского вяленого, сала домашнего. Неудобно отказываться. Сел. И давай она меня расспрашивать: где я был в военные годы, на передовой ли воевал или трофеи собирал, до какого чина дослужился, какие награды имею? Дотошная старуха. Глаза черные, как паслен, и голова черная, ни одного седого волоса, а лет — за шестьдесят. Маленькая, худенькая. У меня мать была такая маленькая, чернявая...

Доложил я ей про свою службу. Чин небольшой, старший сержант, был командиром орудия, награды имею. Гвардеец, говорю. Похвалился!.. Как начала она меня ругать! «Гвардеец! Не гвардеец ты, — говорит, — а дезертир! На кого колхоз свой покинул?» «Мамаша, — говорю, — в столицу захотелось. В Москве ведь не грех пожить». «А при какой-такой важной должности состоишь ты здесь, в столице, что она без тебя не обойдется?» Что ей ответить? Сам об этом уже двадцать раз думал... Я Москвы, по правде сказать, и не видел. В два часа ночи закрываем ресторан. Пока отчитаешься, доберешься домой, — утро. Соседи на работу идут, а я спать ложусь. Есть заводы, строительства всякие, люди другие — ничего я этого не видел... «А как же, — говорю, — мамаша, будет при коммунизме? Не всем же в поле работать? Будут люди кушать в ресторанах, значит, кто-то должен и подавать им». «Не знаю, — говорит, — сынок, как оно будет, как оно все устроится, но думаю, что такого безобразия не допустят, чтоб слабосильные девчата тракторы крутили, а такие бугаи, как ты, вазочки с мороженым носили. Страшно смотреть, как ты берешь их своими ручищами, — вот раздавишь! Кто больше сможет, тот больше и сделает, так, по-моему, будет... «При коммунизме»! Какое слово сказал! Много ли ты сейчас для коммунизма делаешь, что берешься о нем рассуждать!»

И начала мне рассказывать, как разорили фашисты их колхоз и как люди там за три мирных года опять построили все, что было до войны; как в первую весну после немцев они одним «универсалом» и на коровах засеяли семьдесят процентов площади; как детишки-подростки две нормы на коровах пахали, как бабы косами косили по полгектара в день. О других рассказывает, о себе — ничего. Но мне-то ясно: раз выбрали ее депутатом, значит, она там больше всех потрудилась... Поглядел я на ее руки, маленькие, черные, еще с лета загар не сошел, и на свои глянул — белые, с маникюром... И как представил я, до чего трудно было нашим женщинам в войну, сколько работы они своими слабыми руками переделали, и сейчас еще как трудно, — таким я сам себе распоследним человеком показался!..

Спрашивает она меня: «Может, ты инвалид?» «Нет, — говорю, — ранения имею, но здоровье не потерял». Давай она меня опять костить! «Молодой, здоровый, живое дело в руках, тебе ли здесь околачиваться?» Говорю: «Мамаша! Мне уже и самому это все надоело, как сухой ячмень беззубой кобыле». Пожаловался, что иной раз мало уважения к себе видим от посетителей. «Сами виноваты! — говорит. — Зачем берете на чай, сами себя оскорбляете? Вот при коммунизме официанты в милицию будут тянуть таких, кто сунет им на чай!» «При коммунизме, — говорю, — может, и милиции не будет». «Ну, доживем до него, увидим, как будет. А пока что строить его нужно».

Сказал ей про свое сиротство, но и тут она меня пристыдила. «Ты, — говорит, — матери лишился, пока воевал, а я вот мать осталась — три похоронных на сыновей получила. И живу с людьми... Что же, тебе колхоз, где ты вырос и столько лет работал, чужой?»

Вот такую землячку встретил... Еще раза два вечером приходил к ней. Потом закончилась сессия, уехала она домой. Я ее проводил на вокзал, передал привет тихому Дону. И с того времени совсем потерял я покой... А время — к весне. Жил я в Сокольниках. Идешь на рассвете через парк домой, почка набухает на дереве, землей прелой пахнет, город спит, тишина, днем бы не услышал, а в этот час слышишь все — и как ручейки в парке где-то в балочках журчат, и гуси пролетят высоко-высоко, спешат с юга в родные края, слышишь... Сны начали меня одолевать. Все вижу: вагончик полевой при дороге, костер, дымок, ребят наших вижу и трактор свой, «СТЗ», колесник, мотор номер 35587. Есть такие номера, которых во всю жизнь не забудешь. Был я в комсомоле, до сих пор помню номер билета, помню номер боевой винтовки и номер трактора, на котором начинал работать...

Однажды ночью, не заходя домой, прямо с работы пошел на вокзал, взял билет и поехал. На билет до Ростова не хватило денег, взял до Курска. Вышел из вагона, поглядел кругом — тоже родная земля. Я же здесь воевал на Курской дуге... Сел в пригородный и приехал вот сюда, в эту эмтээс. Спрашиваю: «Нужны вам трактористы?» «Нужны!» — говорят... Ну, а дальше что же вам о своей жизни объяснять? Сами все знаете. И как женился и как хатой обзаводился. С Улей-то я знаком еще с сорок третьего года. Мы в Березовке оборону на дуге держали, я три месяца жил у них в хате со своими батарейцами. А не приехал сюда сразу после демобилизации, во-первых, потому, что она на мои письма не отвечала, а во-вторых, этот Дракин подвернулся: «Поедем, найдем работенку почище!..»

— Так причина, значит, не в Курской дуге? Не только дуга тебя сюда потянула?

— Поехал Серега за дугой, а нашел тут и хомут!

— Затянули парню чересседельник! Довольно мотаться по белу свету!

— Уля затянет!..

— А почему же она на твои письма не отвечала?

— Ну, товарищи, это уж — дело наше личное, семейное.

— Не потому ли, что ты и Зиночке Михайловой писал, соседке?

— Вот они, небось, поделились друг с дружкой радостью, да обе и не стали тебе отвечать.

— Были, товарищи, ошибки в жизни, признаю. — Сергей, вздохнул, встал, перекинул салфетку через локоть. — Ну, что же, приступим? Лукерья Федоровна! Готово у вас? Что прикажете подать на первое? Есть консомэ с пашотом, есть рассольник рыбный с фрикадельками, есть суп-харчо. Не надо первого? Сразу второе? Рагу из баранины? Есть, подаю.

(Окончание следует.)

Сколько у нас фруктовых деревьев?

Закладка сада в подмосковном совхозе «Лесные поляны» происходила при обстоятельствах чрезвычайных. Люди корчевали пни, заравнивали ямы, удобряли почву, а рядом, по кромке будущего сада, саперы копали глубокий противотанковый ров.

И поныне сохранился этот ров — память о героической борьбе на близких подступах к Москве. Только теперь вдоль него роскошной грядой поднялись фруктовые деревья. Старый агроном Павел Юльевич Петерс и звеньевая Варвара Васильевна Грачева обходят сад. Они знают в нем наперечет каждый ягодный кустик, каждое деревцо, но все же переписывают на корню все яблони, груши, сливы, вишни, ягодные насаждения. В особых бланках садоводы отмечают индивидуальные свойства дерева: как оно переносит зимние холода и весенние заморозки, обильно ли цветет и сколько дает плодов. Павел Юльевич с удовлетворением отмечает высокие достоинства мичуринской бельфлер-китайки и московской грушовки, выпестованной безвестными селекционерами из народа.

Подробные сведения будут направлены в Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР.

В августе в стране началась Всесоюзная перепись садов. Две тысячи работников сельского хозяйства проводят подробную опись фруктовых деревьев по всей стране. Перепись выявит самые ценные, жизнестойкие сорта, определит их географическое распространение и поможет решить проблему выгодного размещения новых предприятий по переработке фруктов и ягод.

Такая перепись — вторая по счету в стране. Впервые она была проведена семь лет назад и дала ценный научно-статистический материал. Однако он уже устарел: за это время в нашем садоводстве произошли поразительные перемены. Вокруг Москвы, Ленинграда, Киева, Свердловска, Магнитогорска, Новосибирска и других индустриальных центров на огромных пространствах возникли молодые сады. В колхозах, совхозах, городских парках, на пришкольных участках и вдоль дорог в последние годы посажены фруктовые деревья на площади, составляющей едва ли не половину площади садов в дореволюционной России. Энтузиасты садоводства продвинули далеко на север южные, теплолюбивые культуры, о которых здесь прежде даже не имели понятия. Все лучшее и отразит Всесоюзная перепись.

Советский народ намерен украсить всю свою землю садами. Мы насаждаем фруктовые деревья в полезащитных лесных полосах и на берегах создаваемых каналов и прудов, вдоль железных и шоссейных дорог, на заводских дворах и деревенских улицах — всюду, где живет и трудится наш человек.

В проекте директив XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану развития СССР указано: увеличить за пятилетие площади садов и ягодников в колхозах примерно на 70 процентов, виноградников — на 50 процентов, цитрусовых культур — в 4,5 раза. Предстоит вновь возделать и засадить миллионы гектаров отборными сортами и породами. Эти сорта и породы будут выявлены во время Всесоюзной переписи.

С. КАНЕВСКИЙ

В подмосковном совхозе «Лесные поляны». Агроном П. Ю. Петерс и звеньевая В. В. Грачева проводят перепись фруктовых деревьев.

Фото Б. Вдовенко

ЧЕЛОВЕК С САЧКОМ

Профессор П. Джапаридзе с бонификатором О. Сичинава осматривает болото заселенное гамбузией.

Фото С. Короткова

Экстренное извещение

С мыса Пицунда получено экстренное извещение. Врачебный участок сообщал, что зарегистрированы три случая заболевания малярией. Появился комар, но место его выплода обнаружить пока не удается.

Петр Спиридонович, не теряя ни минуты, велит шоферу подготовиться и снимает халат.

Пицунда. Озеро Инкит. Сколько воспоминаний связано у Петра Спиридоновича Джапаридзе с этими местами в Абхазии!.. Лет тридцать назад он ходил вдоль берегов Инкита с сачком в руках, прыгал с кочки на кочку в поисках личинок комара. Раз чуть было не засосала его у Инкита трясина. Здесь царил тогда пятнистый комар анофелес — переносчик малярии. Сколько раз возвращался Джапаридзе с Пицунды искусанный комарами и «глушил» себя хинином!

Давно уже прошли те времена. Мыс заселили, застроили; появились крупные хозяйства, люди приезжают сюда на отдых, экскурсанты осматривают уникальную рощу пицундской сосны — последний кусочек флоры Понтийского плато, погребенного под водами Черного моря. И профессор Петр Спиридонович Джапаридзе, директор республиканской противомалярийной станции, уже не одинокий энтузиаст-маляриолог. Вокруг него сотни верных помощников, борцов с малярией.

Зеленый «москвич» мчится на Пицунду. В машине вместе с Петром Спиридоновичем — опытный разведчик комаров, помощник энтомолога Иван Гулида.

Вот и мыс, контрольный пункт на скотном дворе. Сюда прилетел комар. Но откуда он взялся? Где отложил яйца? Чтобы обнаружить это, надо сперва изловить и уничтожить окрыленных комаров. Гулида делает это быстро и ловко. Потом он лезет на чердаки, спускается в сырые подвалы, заглядывает в умывальники и урны, не оставляет без внимания даже вазы с цветами. Всюду можно обнаружить очаги выплода.

Комар летает от места выплода на два — три километра, и обыскивать надо в этом радиусе все окрестности. Это тяжелая работа, требующая порой до двух недель терпеливых розысков. А комары между тем летят и летят, жалят человека, заражают малярией. Надо торопиться. Не менее 200 яиц откладывает комар на поверхности воды. Из них выходят личинки, через две — три недели личинки превращаются в куколки, и вот уже 200 комаров вылетают из болота охотиться за кровью человека или животного.

Петр Спиридонович с Иваном Гулидой идут от одного дома к другому. Если комаров становится больше,—значит, очаг где-то поблизости. Вот они напали на след. Маленькое болотце, образовавшееся от непрерывных проливных дождей. Его не заметили раньше, не успели обезвредить. А комар бросился в этот прорыв.

Через два дня очаг на Пицунде был ликвидирован.

Рыбка гамбузия

Лето — горячая пора у маляриологов. Редко кого можно застать в это время на республиканской противомалярийной станции. Петр Спиридонович выехал в колхоз имени Руставели проверять гамбузники. На территории колхоза осталось еще около 300 гектаров заболоченной площади. Здесь в стоячих водах, густо проросших зеленой осокой, таятся богатства противомалярийной станции — крупные питомники гамбузии, маленькой рыбки, пожирающей личинки комаров. Мириады темных рыбок ныне шныряют в воде.

Мириады! А было время...

1925 год. Пароход пришвартовался к Батумскому порту. По трапу сошел человек с небольшим бидоном в руках.

— Ну, как, привезли? — спросил его на пристани Петр Спиридонович.

— Привез. Только скорее в Сухуми, а то она погибает...

Бидон привезли в Сухуми и направились к бассейну. В него выплеснули все содержимое бидона — 153 самки гамбузии. Стали наблюдать. Рыбка повела себя странно: она не давала потомства. Тогда ее перевели в естественное болото. Тут же, в городе, такие болота были на каждом шагу. Через три дня появились мальки, и гамбузия стала с необыкновенной быстротой размножаться. За один раз каждая самка давала до 300 мальков. В лето она успевала произвести потомство несколько раз. Эта живородящая рыбка, только появившись на свет, тотчас принималась пожирать все, что было ей под силу. Не оставалось ни одной личинки, ни один комар не вылетал из болота, заселенного рыбкой.

Доктор Николай Павлович Рухадзе, который привез рыбку и имя которого присвоено теперь станции, вместе со своим помощником перешел вскоре от наблюдений к делу.

В те годы почти все население побережья болело малярией. Одних врачебных мер было недостаточно.

Петр Спиридонович вспоминает теперь свою поездку в приморское село Пичора. Десятки тысяч гектаров заболоченной местности напоминали своей флорой африканские джунгли. В воздухе носились несметные рои комаров. Люди жили повыше, куда не долетал комар. Джапаридзе собрал людей, рассказал им, что привез с собой рыбку, которая избавит их от злой болезни. Его слушали вежливо, но не верили. Помогли дети. Вместе с ними он расселил гамбузию по болотам. Через два года в селе не осталось ни одного комара.

Спустя несколько лет гамбузия заселила все болотистые места субтропического края — Пицунду, районы курортных поселков — Гагру, Мюссери, Ахали-Афони,— распространилась по всей Грузии, была вывезена в другие республики, где зимы не слишком суровы и рыбка может дожидаться весны, зарывшись в ил.

Новая профессия

Бонификатор Ольга Сичинава приходит сюда каждый день. То надо скосить траву у берегов, чтоб рыбке было просторней, то она заметит, что болото пересыхает,— надо гамбузию переселить. Не так уж много осталось больших питомников: болота осушают год за годом. Гамбузию надо беречь.

После этого Ольга идет в дома колхозников, на животноводческие фермы: не появился ли комар, не образовались ли после дождя новые водоемы. Если образовались, надо их сейчас же обработать.

Колхоз оплачивает работу бонификаторов трудоднями — по полтора трудодня за день. Их уважают на селе. Они не пропускают комара к человеку, обезвреживают водоемы до того, как комар успеет выплодиться.

Комар анофелес в крепкой осаде. А если случается, что он прорвется, как это было на Пицундском мысу, в движение приходит вся система осады: от рядового бонификатора через врачебный участок, районную тропическую станцию к главному штабу — республиканской противомалярийной станции.

* * *

Если доведется вам побывать в Абхазии — на курорте или пройти по туристскому маршруту, — если случится испробовать здешние чаи и табаки, цитрусы и виноград, не забудьте вспомнить добрым словом и скромного человека с сачком. Есть во всем этом доля и его заслуг.

И подумайте еще о том, что где-то, на далекой от нас, чужой земле тоже ходят люди с сачками в руках. Только делают они обратное тому, что делаем мы. Они плодят и размножают насекомых, они заражают их ядом и посылают через океан на человека. Позором будут окружены их имена в истории человечества!

Светлым званием лауреата Сталинской премии отметило советское правительство в этом году благородный труд старейшего маляриолога Абхазии Петра Спиридоновича Джапаридзе.

И. МЕСХИ

ВЫПУСКНИК ЕДЕТ ДОМОЙ

Павел КРАВЧЕНКО

Как быть шестилетнему мальчику, если он попадает в среду детей, говорящих на другом языке?

Этот вопрос предстояло решить Владику Леонтьеву, приехавшему в 1935 году со своим отцом в Уэлен, на берег Берингова пролива. Вокруг стояли незнакомые ребятишки, облаченные в странные костюмы.

— Как тебя зовут? — спросил Владик мальчика, стоявшего поближе.

— Ко-о! — сказал мальчик и отвернулся в застенчивости.

— А тебя как? — спросил опять Владик.

— Ко-о! — ответил другой мальчик и засмеялся.

— Вас всех зовут Коо? — обрадовался Владик.

— Ко-о! Гэвэты! — сказали мальчики.

Первый разговор не состоялся. Русский не понял чукчей, а чукотские ребятишки не могли взять в толк, что от них хочет узнать этот смешной и совсем бледный маленький мальчик.

Но для дружбы незнание языка не помеха. Уже через неделю шестилетний Владик яростно гонял мяч вместе с Янкоем, Тутрилем, Энмычайвыном... Он уже знал их имена, хотя и не понимал их языка. А потом пошли такие интересные дни, что Александра Григорьевна, мать Владика, выдерживала с сыном целые баталии, чтобы заставить его позавтракать, а уж потом бежать на улицу.

Жизнь в Уэлене была увлекательна. В промоинах лагуны самодельной острогой ребятишки ловили камбалу, в море — навагу. На оленьи рога издали набрасывали чаат — ременный аркан. Утки беспрерывно летели через Уэленскую косу. К веревочкам ребята привязывали костяшки, выточенные из моржового клыка. Концы веревочек связывались в узел. Все это сооружение называлось закидушкой. Закидушку бросали вверх, и иногда удавалось поймать утку. После первой пойманной утки Владик весь день ходил, гордо выпятив грудь, и принимал поздравления от уэленских стариков.

У Рисепа, умелого охотника, не было своих детей, и он взял Владика под свое особое покровительство: делал ему закидушки, арканы, самострелы.

Дети быстрее, чем взрослые, усваивают язык. Когда Владик пошел в школу, где преподавал чукча Татро, он уже бойко разговаривал по-чукотски, а отцу и матери служил переводчиком. Говоря на родном языке, мальчик немного заикался. А по-чукотски говорил совершенно чисто.

— Значит, наш язык тебе нравится больше? — подтрунивали над ним колхозники.

— Оба нравятся, — солидно отвечал Владик и стремглав мчался к берегу лагуны ставить нехитрые ловушки на куликов.

Надолго запомнилось несколько событий в жизни Уэлена. Весной через пролив приехали байдары с гостями. Гости в засаленных камлейках неловко переминались на берегу. Это были американские эскимосы с острова Крузенштерна. Они приехали просить у советских торгующих организаций керосин, спички, мыло, нитки.

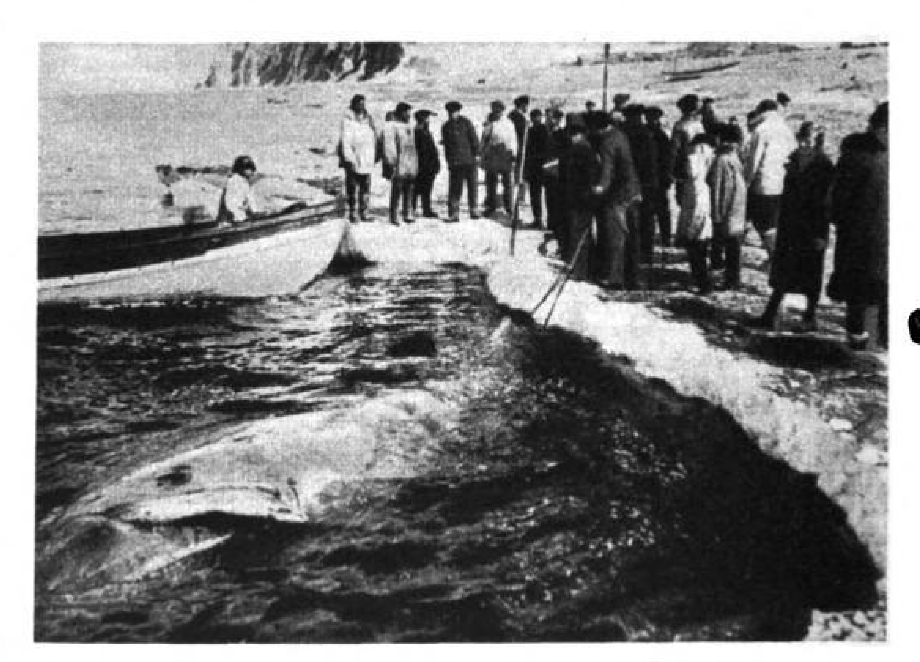
— Разве в Америке керосина и спичек нет? — спросил старик Тагак.

Эскимосы в ответ зашумели: товар на остров в эту пору можно было забросить только самолетами, а торговым компаниям невыгодно: убыток. Тогда Владик не понял этих слов: «убыток» и «невыгодно». Лишь много позже, когда изучал политэкономию, он понял, в чем была беда эскимосов с американского острова.

А пока дни летели, полные быстро сменяющихся мальчишечьих радостей. Летом прилетали самолеты, приходили пароходы. Один пароход из-за сильного волнения не смог подойти к Уэлену и разгрузился в двенадцати километрах.

Грузы надо было срочно перебросить в Уэлен, а все охотники были на промысле. Тогда комсомольская организация приняла решение — и ребятишки кинулись запрягать собак. Пионер Владик испугался, что его не возьмут, и с плачем бросился к старому Рисепу: «Дядя Рисеп, дай нарту!» И вот произошла первая деловая поездка Владика — уже не на четырех собаках, а на всех десяти. Он важно покрикивал на собак и с упоением поглядывал по сторонам. Обратно возвращался с грузом кирпича. Правда, немного поплакал у того ручейка, где его собаки не могли вытащить нарту, но помогли догнавшие чукчи и потом долго хвалили Владика: настоящий каюр, хороший!

А потом колхозники убили кита. Все мальчишки Уэлена с восторженными воплями кинулись помогать в разделке огромного морского животного. Они дружно хватались за кусок мяса и оттягивали его в сторону, чтобы охотникам удобнее было резать. Удивительно вкусные были хрящи на китовом позвоночнике! Мальчишек-помощников колхоз щедро оделил мясом. Каждому из них досталось чуть не по целой тонне. Свою долю Владик отвез старому Рисепу.

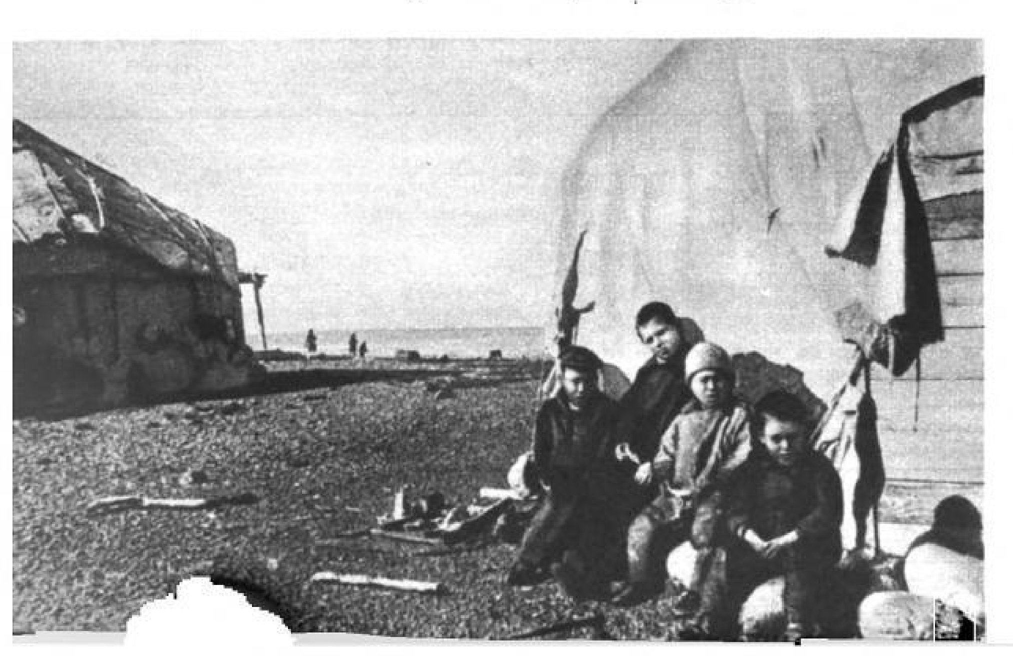

А потом колхозники убили кита (июль 1938 года).

Прошло несколько лет. Владик давно стал совсем своим среди чукчей. Чуть сгорбленный Рисеп весь свой досуг посвящал воспитанию своего любимца. Он обучил его охотничьим хитростям, заставлял много бегать и бороться: мужчина должен быть сильным, иначе какой же это мужчина? А если человек слаб от рождения, то он должен развивать свои мускулы — и станет сильным, потому что настоящий человек может сделать все, что он захочет: нет предела возможностям человека. И потом воля. Волю тоже можно развивать бесконечно. Вот в сильный мороз Владик стоит на льду у выдолбленных лунок с удочкой из китового уса. Много часов надо так простоять, чтобы наловить мешок или, лучше, два мешка наваги. И Рисеп сидит тут же, рядом. Потихоньку, чтобы рыба не слышала, разговаривать можно обо всем, и только нельзя говорить, что очень холодно: мужчина должен не замечать тяжести своего труда.

Вечерами в маленькую комнату набивалось много ребятишек, и Владик выступал уже в роли учителя — руководил постройкой планеров, шхун с резиновым двигателем. Потом вслух срывающимся от волнения голосом читал любимую книжку «Как закалялась сталь». Все его товарищи — чукотские ребятишки — уже знали русский язык, но многое в книге было непонятно. Ведь развитие Чукотки шло особым путем: все чукчи теперь хорошо знали, что такое самолет; уэленский чукча Тымнетагин даже сам водил самолеты, а вот лошадей и телеги сородичи летчика Тымнетагина никогда не видывали. Охотники при советской власти научились отлично разбираться в бензиновых двигателях, но не знали, что такое крестьянская коса. Они уже пользовались электричеством, но никогда прежде не употребляли керосиновых ламп. Владику приходилось изощрять свое знание обоих языков, чтобы объяснить некоторые очень простые понятия. Может быть, именно тогда Владик и понял впервые, какой огромный исторический прыжок — чуть ли не из первобытного общества — совершают чукчи! Ведь и слово «помещик» было им незнакомо, а колхозные понятия и выражения уже стали родными и обычными. Но объяснить в конце концов удавалось все. «Как закалялась сталь»

Весна в Уэлене. Друзья позируют заезжему фотографу. Второй слева — Владик Леонтьев (июнь 1937 года).

стала любимой книжкой в кружке друзей из чукотского селения Уэлен.

Весной 1941 года семья Владика переехала в окружной центр Чукотки поселок Анадырь. Там мальчика ждали новые знакомства и новые друзья. Многие удивлялись тому, как чисто он разговаривает по-чукотски. Из глубинной тундры в Анадырь приехали кочевники. Стоя на берегу, они безуспешно пытались что-то рассказать двум русским рабочим. Рабочие были смущены: языка они не знали. Владик подошел. Объяснив все, что было нужно, попрощался.

— Ты чукча? — спросили вдогонку кочевники.

— Да. Уэленский,— ответил Владик серьезно.

* * *

Двадцать третьего июня Владик пришел в окружной комитет комсомола.

— Стрелять умею не хуже взрослых, — заикаясь сильнее, чем обычно, сказал он.

Усталый секретарь поднял голову от стола:

— Тоже заявление на фронт? Сколько лет? Десять? Одиннадцать?

— Нет. Двенадцать!

— Хочешь помочь Родине?

— Да.

— Постарайся хорошо учиться. Как можно лучше. Это сейчас настоящая твоя помощь Родине.

Пришлось вместо поездки на фронт хорошо учиться. И много думалось: как еще помочь Родине? Сбор и отправка на фронт теплых вещей, меховой обуви. Охота. Каждое лето работа матросом на катере, ходившем по морю и по реке Анадырь.

В 1946 году в нетерпении, не окончив даже десятилетку, Владик выехал в Челябинск, но тяжело заболел плевритом, и его отправили обратно домой, на Чукотку. Врачи сказали: организм привык к другим климатическим условиям, пожалуй, выезд на Большую землю вам противопоказан. Надо беречь свое здоровье и долго лечиться.

Это был неожиданный и тяжелый удар.

«Противопоказан... Не может этого быть,— угрюмо думал Владик, лежа на койке пассажирской каюты. — Прав старик Рисеп: закалить себя надо так, чтобы ничего не было противопоказано. Закалки, стало быть, маловато. Терпения надо побольше. А учиться я, конечно, буду. В Ленинграде».

Худой, в солдатской шинели, он снова приехал в Уэлен, куда возвратилась его семья. Он так переменился, что мать узнала его не сразу. Собравшиеся охотники горестно цокали языками; а Рисеп, будучи твердо уверенным, что Владика надо срочно чем-нибудь утешить, принес и подарил ему хорошего ездового щенка. Рисеп застенчиво переминался с ноги на ногу и показывал уши и грудь щенка:

— Нет, ты посмотри, собака очень хорошая, верно!

...«Период закалки» начался с конфуза. Ветер принес первый осенний лед к уэленскому берегу. Владик со своими друзьями пошел по новому льду на охоту, но оступился и провалился под лед.

— Совсем уже забыл, как по льду ходят! — строго прикрикнул на него Келеуге, помогая выбраться из воды. — Теперь домой бегом, бегом. На шаг не переходи. Бегом, скорей!

Владик, стуча зубами, побежал домой, в беге нагрелся, и когда вбежал в комнату, ему было жарко. Переоделся в сухое, обтер маузер и снова пошел на лед.

На следующий день он убил первую нерпу и отнес ее старику Рисепу.

— Что ж, у тебя два отца теперь! — как-то немного тревожно взглянул на него Рисеп. — Обоих кормить будешь: и Вячеслава Михайловича и меня? Ты смотри, ведь колхоз мне помогает, а ты сам больной.

— Я больной? — переспросил Владик и сощурил глаза.

В эту зиму он вступил в артель, добыл больше полсотни нерп. Охотился он неутомимо: теперь уже частыми становились случаи, когда все другие охотники возвращались с пустыми руками, а с добычей приходил только один Леонтьев. Он стал охотником-отличником. Чистый воздух, северные ветры и трудовая жизнь действовали на него благотворно. Наливались и крепчали мускулы, приобретались ловкость и охотничья выдержка.

Осенью 1948 года состоялся настоящий экзамен на мужество. Северным ветром принесло лед к берегам. Чукчи задумчиво смотрели на огромные, медленно покачивавшиеся рыжевато-серые глыбы. Наконец Кагье, отец летчика Тымнетагина, сказал:

— А лед очень старый. Наверно, на нем есть белые медведи.

Леонтьев рано утром с маузером отправился на лед.

Белый медведь, когда голоден, обладает невероятным проворством. Тогда это один из самых опасных зверей на свете. Вот такой зверь и был убит тремя выстрелами. Третью пулю, в голову, послал ему Леонтьев с четырех шагов.

Весь вечер старики пилили охотника:

— Слишком рано вышел на охоту. Медведь мог обмануть. Еще ведь не знаешь моря...

Но уважать Леонтьева стали еще больше.

Летним днем 1948 года Леонтьев стоял с группой чукчей, когда ребятишки вдруг подняли крик. С дежневской стороны медленно приближалась нарта, впереди которой шел человек с чемоданчиком. Чукчи долго вглядывались, потом ахнули:

— Как-ко! Как-ко! Скорик!

И бросились к нему.

— Кто это Скорик? — спросил Леонтьев.

— Наш первый учитель. Он учил нас, когда тебя еще на свете не было.

Кандидат филологических наук Скорик, создатель первых чукотских учебников и чукотского словаря, приехал на Чукотку из Ленинграда с научной экспедицией. Леонтьев постеснялся подойти к нему.

На следующий день, когда Владик, стоя на берегу, весело рассказывал какую-то историю окружившим его чукчам, сзади кто-то смеющимся голосом произнес:

— Юноша, но ведь вы великолепно владеете языком!

Владик обернулся. Человек смотрел на него ласковыми, немного хитроватыми глазами.

— Вы, наверное, Леонтьев? Слышал про вас. Давайте знакомиться.

— Я тоже знаю про вас, Петр Яковлевич.

Сосново под Ленинградом. Студенты отдыхают: Владилен Леонтьев (справа) и уроженец Колымы, знаток пяти языков Афанасий Лаптев (май 1952 года).

— Видите, как удачно! Что же, дорогой, собираетесь посвятить жизнь охоте?

— Нет, лечусь.

— Своеобразно лечитесь. Придется временно оторвать вас от этого занятия. Хотите помочь мне?

— Я готов, Петр Яковлевич.

Через некоторое время, когда было сделано уже много интересных языковедческих исследований, Скорик спросил:

— Слушайте, Леонтьев, а не пора ли вам все-таки продолжить свое ученье? Скажем, в Ленинграде, в Институте Герцена?

— Думаю, пора,— ответил серьезно Владик.

...Наступил день, когда Леонтьев принес старому Рисепу только что убитую им нерпу и несколько уток.

— Уезжаю, Рисеп.

Старик попытался разогнуть свою спину, но все отворачивал голову в сторону. Глаза у него моргали.

* * *

— Владька, здравствуй, дорогой! К нам, значит? В Ленинград?

— К вам, в Ленинград, Коля! А ты знаешь, это красиво: сын чукотского оленевода Николай Гиутегин такие словеса произносит: «К нам, в Ленинград!» А? Ну, встречай гостя!

И оба радостно засмеялись.

Кроме Николая Гиутегина, «земляков» в Ленинграде оказалось много. В университете учился друг детства Владика уэленский чукча Рытхеу, Вера Анальквасак, эскимоска из селения Уэлькаль, и чукчи Иненликэй, Кораугe и Рэнтыгыргын.

Минуя подготовительные курсы, Леонтьев поступил на первый курс Северного отделения Института имени Герцена, где учились люди, отцы которых не имели своей письменности и не подозревали о существовании грамоты: чукчи, эвенки, ханты, маньси. Был один тувинец. Вместе с ними учились и русские, знавшие северные языки. На курсе все успевали хорошо, и Леонтьеву, окончившему только девять классов, догонять ушедших вперед было трудно.

Но помощники нашлись быстро. Эвенк Николай Марфусалов с первых же дней взял Леонтьева под свое покровительство. Готовясь к семинару, студенты раскрывали небольшую красную книжечку: «В. И. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм».

— Коля! — жалобно говорил Владик.— Ты знаешь, мне даже страшновато становится. Неужели я не способен понять и усвоить ленинские мысли?

— Можешь, Владилен, можешь.

Они просиживали за книгой целые ночи и потом поражались: такая величественная, стройная и непоколебимая система взглядов представала перед ними!

— Коля, мне жалко себя становится. Ведь все это я мог бы узнать еще в Уэлене. Там в библиотеке был «Материализм и эмпириокритицизм». Жил, как в лесу!

— Ничего, не жалей. Всему свой черед. Ну-ка, давай дальше!

И они снова углублялись в чтение.

Спорили студенты часто и много. Иногда даже на улице, на берегу Мойки, вдруг вспыхивало сражение:

— Подожди, подожди, Кондыгин. Как это сырья не хватит? Новые месторождения наверняка найдем. Вопрос времени.

— Успокоитесь вы в конце концов? — догонял Леонтьева и Кондыгина тувинец Монгуш. — Посмотрите, луна какая!

— Хорошая луна. А элементов на ней, по таблице Менделеева, все-таки поменьше, чем в Совет-

ском Союзе, — обиженно басил Владик.

И громкий хохот разносился над берегами Мойки.

— Студенты...— немного завистливо отмечал про себя пожилой прохожий и несколько раз оборачивался, провожая взглядом молодых людей.

— Что читаешь, Гиутегин?

— «Красное и черное». Стендаль. Слушай, Владик: великолепная серия «История молодого человека XIX столетия». Ты знаешь, о чем я думаю? Пора бы уже выпустить серию «История молодого человека двадцатого столетия». Советского молодого человека. Понимаешь, начиная с Павла Корчагина, потом Кошевого и Мересьева, а потом...

— А потом послевоенного молодого человека, скажем, Николая Гиутегина, да?

— Ну, моя жизнь, положим, еще не такая, чтобы про нее романы писать, но...

— Почему не такая? Сын потомственного чукотского оленевода, студент герценовского института — это, брат ты мой, тема!

— Ну, иди, иди! Не мешай читать, — сердился Гиутегин.

В свободное от занятий время находилось много дел. Студенты сажали сады вдоль Московского шоссе, переводили «РВС» Гайдара на чукотский язык для «Библиотечки школьника», споря из-за каждой строчки.

— Гиутегин, почему ты переводишь слово «вдруг» «юрэк»?

— А как же, по-твоему? — воинственно вскидывался Гиутегин.

— Не по-моему, а по-чукотски будет «люрэк».

— Это где же так говорят?

— У нас, в Уэленском кусте.

— Ну, а у нас, в Анадырском кусте, — «юрэк».

— Подожди, давай разберемся: как же правильно? А в словаре «ляур». Давай сходные слова.

Помогали Скорику дополнять правила литературного чукотского языка.

Под руководством студента университета Юрия Рытхеу перевели на чукотский язык первую большую книгу — «Чукотку» Тихона Семушкина. Леонтьев один перевел «Аленушкины сказки» Мамина-Сибиряка, а вместе с Иненликэем — рассказы Бианки. Рецензировали учебники, книги для чтения. Два года Леонтьев сидел над трудной, но зато какой увлекательной работой: переводил Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо». Маяковский на чукотском языке! Для этого стоило постараться! Десятки раз переделывал каждую строфу, ночами вскакивал и записывал пришедший в голову удачный оборот.

Друзей нередко вызывали в палеоазиатскую секцию Института языкознания: разбирались вопросы орфографии, утверждались переводы.

И чем глубже проникали в сущность законов языка, тем яснее становилось, что очень многие правила надо еще и еще устанавливать на месте — на Чукотке.

Но до чего же увлекательной оказалась языковедческая работа! После опубликования работ Сталина по вопросам языкознания Леонтьев будто повзрослел. Жизненный путь для него определился четкий и ясный. Да, он обязательно внесет свою лепту в науку о языке. Для этого он поедет снова на Чукотку. Как-то неизбежно созрело решение: Владилен вступил в партию.

Люди росли и мужали. Уэленский чукча Юрий Рытхеу напечатал несколько своих рассказов в центральных журналах. Он оказался талантливым новеллистом. Эскимос Гухуге выехал на каникулах с археологической экспедицией на Ангару.

— Это, брат, очень серьезное дело — археология. Вот подучусь в экспедиции, а после, когда вернусь на Чукотку, тоже раскопки производить стану. Ведь происхождение эскимосов — серьезнейшая проблема!

Леонтьев все больше времени отдавал своей любимой науке — языковедению.

Как всегда, неожиданно пришла любовь...

— Вы цветы любите, Владик? — спросила Тамара.

Очень долго раздумывал и потом ответил:

— Я очень собак люблю.

— Брр! А я их ненавижу!

— Вы не знаете чукотских собак! — с глубоким убеждением сказал Леонтьев.

— Тамара, что ты, с ума сошла? — спросила ее мать. — Ведь он тебя увезет за десяток тысяч километров.

— Но я же буду... с Владиком, мама!

— Господи! Никогда я эту молодежь, наверно, не пойму, — горестно махнула рукой мать.

А «молодежь» стояла рядом, крепко взявшись за руки, и счастливо смеялась.

И вот позади государственные экзамены. Они сданы на «отлично».

— Владилен Вячеславович! Есть предложение оставить вас преподавателем в одном из институтов. В перспективе аспирантура, диссертация.

— Рановато, — твердо ответил Леонтьев. — Теорию надо закрепить практикой. Думаю языковый материал собрать на Чукотке. Когда будет база для самостоятельной научной работы, можно и в аспирантуру. А первая база, думаю, будет скоро: работать собираюсь упорно.

* * *

Тысяча девятьсот пятьдесят первый — пятьдесят второй учебный год окончен. Жизнь будет дописывать самые великолепные продолжения к судьбам многих тысяч студентов-выпускников, выезжающих сейчас на работу.

Владилен Леонтьев выехал на Чукотку учить чукотских детей литературе и собирать материалы по языку. Чукча Рытхеу пишет пьесу. Другие студенты-выпускники поедут на великие стройки осваивать новую социалистическую технику. Третьи отправятся в среднеазиатские пустыни выращивать небывалые сады. Судьбы разные, но одинаково увлекательные.

И, очевидно, прав студент Николай Гиутегин, который считает, что прекрасная жизнь советского молодого человека двадцатого столетия стоит многих томов вдохновенных поэм и романов.

Консервирование холодом

В волшебных сказках капризная королева испытывала своих женихов, давая им невыполнимое поручение — достать среди зимы свежие ягоды. Мы хотим познакомить читателей с заводом, который может в самую свирепую стужу накормить десятки тысяч людей свежими ягодами, овощами, фруктами. Это один из крупнейших консервных комбинатов страны, расположенный в станице Крымской, Краснодарского края, в центре района, изобилующего колхозными и совхозными садами, ягодниками, бахчами, огородами.

В летние месяцы машины со всей округи доставляют на комбинат свежие, только что снятые овощи и фрукты. В начале сезона — это зеленый горошек и ягоды, позднее — вишни, черешни, абрикосы, затем — помидоры, дыни, сливы, сахарная кукуруза. Возвращаются отсюда фрукты и овощи точно такими же свежими, какими прибыли, но замороженными.

Комбинат применяет метод, противоположный «методу» сказочных волшебников, которые, желая помочь герою, превращали зиму в лето. Здесь превращают лето в зиму. Прямо из садов и огородов плоды попадают в морозильные камеры.

Проследим за путешествием зеленого горошка.

Когда под лакированной кожурой стручков нальются крупные сладкие зерна и горошек достигнет стадии молочной зрелости, его начинают убирать. В этой стадии горошины нежны, питательны, и сохранить их желательно именно такими. Прошло не более двух часов после того, как горошек снят с поля, и вот уже сочные стручки доставлены на площадку комбината. Их ссыпают в бункера огромных лущильных машин. С этого момента рука человека не коснется ни единой горошины.

Машины вылущивают зерна, и транспортер подает их на второй этаж — в просторный, залитый солнцем зал с громадными окнами и сверкающими чистотой белоснежными изразцовыми стенами. Это цех обработки. Горошек проходит сквозь цепь разнообразных машин. Затем прозрачная струя воды — водяной транспортер — уносит горошек по желобам в моечные машины. Оттуда его подают в большие котлы, где подвергают двух — трехминутной обработке паром.

После горячей ванны горошек окунают в холодную, затем на конвейерной ленте он движется под водяным душем и попадает на инспекционный транспортер — это последняя проверка качества.

Пройдя сквозь огонь и воду, зерна попадают в трубы. По трубам вода транспортирует их в первый этаж, в цех упаковки. Упакованный в коробки, горошек отправляют в морозильный цех.

Сюда без шубы лучше не входить. Здесь берегут холод заботливей, чем дома сохраняют тепло. Во всю длину цеха расположены морозильные камеры — длинные, четырнадцатиметровые тоннели, в которых царит лютая стужа — 34 градуса ниже ноля. От одного конца тоннеля к другому движется конвейерная лента. На ней коробки с зеленым горошком совершают свой рейс из жаркого лета в холодную зиму.

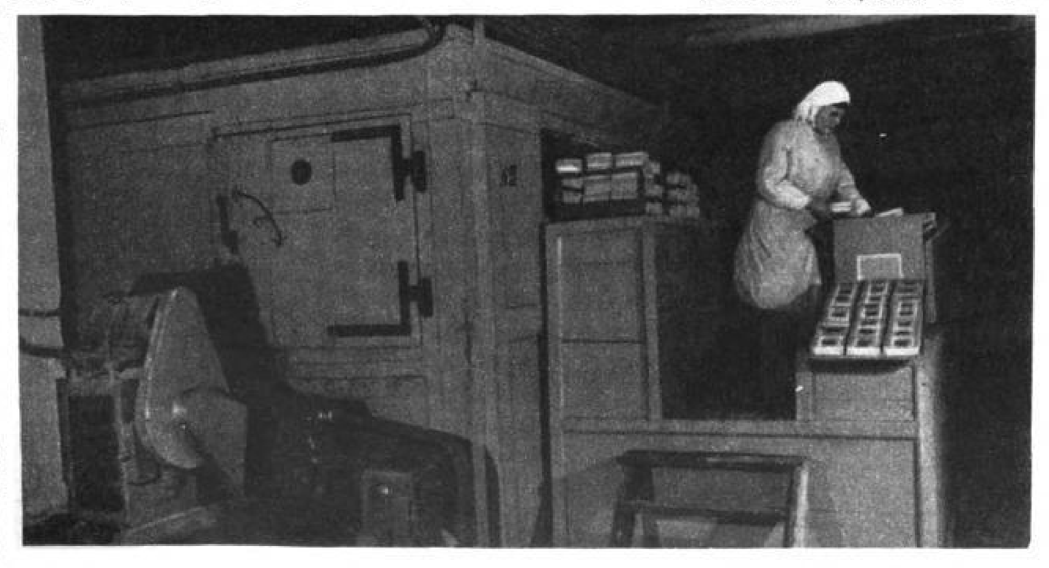
Ученые установили, что качество замороженных продуктов зависит от быстроты замораживания. В домашнем быту процесс замораживания протекает медленно, при относительно высокой температуре. Кристаллы льда образуются сначала в клетках, расположенных ближе к поверхности плода, затем эти кристаллы растут, проникая вглубь, разрывают оболочки клеток, разрушают ткани.

Совершенно иначе действует быстрое замораживание при очень низкой температуре. Холод охватывает сразу всю массу плода. Кристаллики льда образуются почти одновременно во всех клетках. Сильно расти они не могут, так как соседние клетки уже заполнены такими же кристаллами. При оттаивании плод, сохранивший клеточную структуру, сохраняет и все свои пищевые качества.

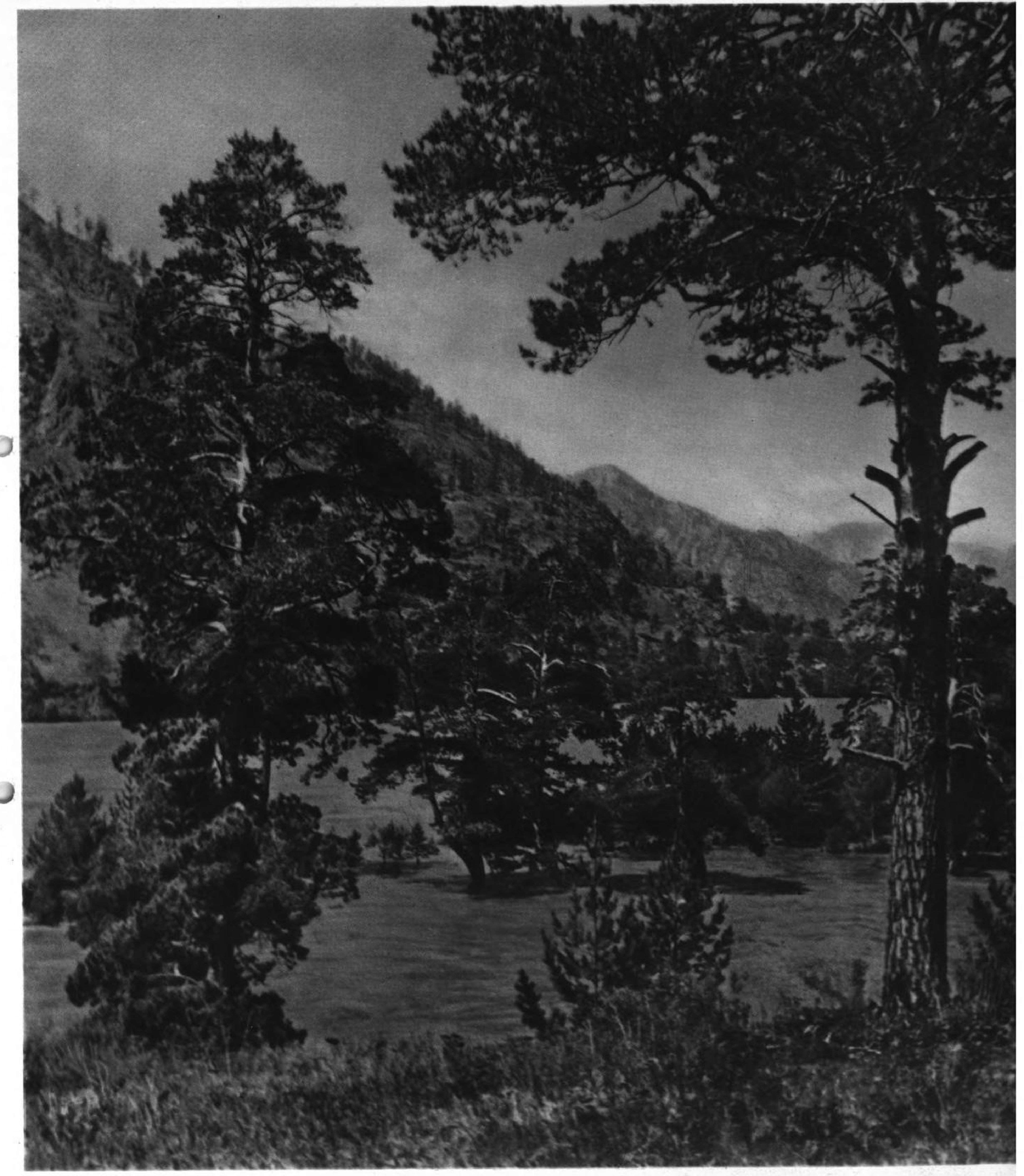
На комбинате применяют способ быстрого замораживания. Из морозильных камер выходит зеленый горошек, способный сохранить на долгие месяцы все качества горошка, только что снятого с грядки.

Консервирование низкими температурами дает возможность советской пищевой промышленности круглый год снабжать трудящихся свежими овощами и фруктами.

Э. ДВИНСКИЙ

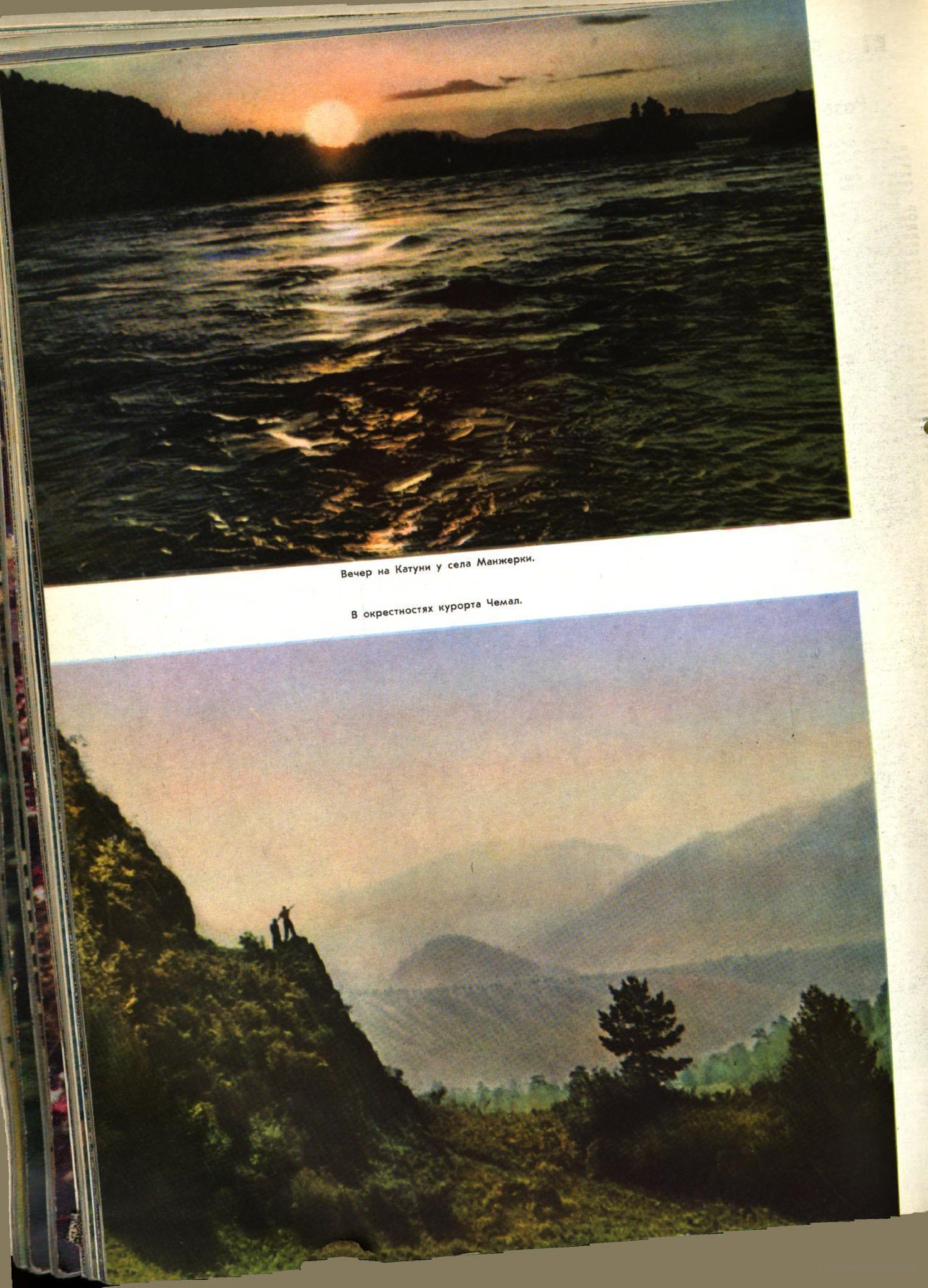

Зеленый горошек закончил путешествие из лета в зиму. Пачки горошка выходят из тоннеля скороморозильного аппарата.

В июне на Катуни второе половодье. Тают снега в горах.

Фото М. Савина

Вечер на Катуни у села Манжерки.

В окрестностях курорта Чемал.

Разоблаченная провокация

Имя Дайсона Картера популярно не только в Канаде, на родине писателя, но и за ее пределами, особенно в США, где его книги пользуются большим успехом.

Дайсон Картер — активный борец за мир, председатель Общества советско-канадской дружбы. Его книга «Мы видели социализм», написанная им совместно с женой Шарлоттой Картер, дает правдивую картину мирного строительства в Советской стране, которую авторы посетили в 1951 году.

Тема романа «Будущее за нас» была подсказана Картеру самой жизнью: военная истерия империалистических правящих кругов и механика современной «дрейфусиады», лживые обвинения честных демократов и патриотов в шпионаже, измене родине и прочих смертных грехах. Свой заговор против мира, демократии и свободы, во имя новой агрессивной войны и мирового господства США монополисты прикрывают неистовой шумихой о «коммунистической опасности», «угрозе с Востока», «руке Москвы» и все чаще прибегают к судебным провокациям.

Дайсон Картер изобразил одного из вдохновителей этой гнусной реакционной политики—монополиста Фарноя, типичного крупного бизнесмена, одного из тех, кому, по словам старого коммуниста Майкла Лангнера, «нужна война, потому что это последняя их надежда заработать еще биллионы, прежде чем их самих сметут с лица земли».

Организация провокационных процессов стала в США и подчиненных им странах, как показывает автор, своего рода промыслом, на котором наживаются грязные дельцы, продажные политиканы, полицейские шпики вроде Мортона Кайна. Этот специалист по фабрикации «общественного мнения» возглавляет аппарат шпионов, провокаторов и убийц на службе Фарноя.

Обманом или подкупом монополисты вербуют в свою агентуру также либеральствующих и лакействующих «интеллигентов». Рисуя образ профессора Соммервиля, автор прослеживает извилистую карьеру этого хамелеона от науки, этого «знаменитого» психолога, творца гнусной «теории» «приспособления к жизни».

«Профессор Соммервиль,— поясняет автор,— сам проводил на практике то, что проповедовал. Он приспособлялся».

Сей лжеученый, щеголявший, когда это было небезвыгодным, «радикальными» фразами, рядившийся в тогу антифашиста, доходит в конце концов до прямой клеветы против борцов за мир, против великого Советского Союза.

Банде фальсификаторов и лжецов в книге Дайсона Картера противостоит лагерь простых людей, целая галерея положительных образов: руководителя коммунистической организации Керби, коммуниста Майкла Лангнера, молодой работницы Патриции Данн и ее родителей, студента Кэла Финли. В романе показан сложный путь, приводящий в лагерь борцов за мир талантливого инженера Алана Бэрда, вначале далекого от политической деятельности. Алан Бэрд, который изобрел аппарат для лечебных процедур, но не нашел ему применения у себя на родине, задумывает переслать свои чертежи в Советский Союз. Путем ряда грубых подтасовок ему предъявляют обвинение в попытке переправить в СССР чертежи секретного оружия. Рептильной печати дается наказ: раздуть «дело о шпионаже», выставить Алана в качестве орудия коммунистов. Жена его Кора Бэрд становится жертвой «психологической обработки», а попросту говоря, запугивания, и заболевает. Одна из целей провокации, задуманной Фарноем и Мортоном, — скомпрометировать прогрессивное руководство профсоюзов, добиться снижения заработной платы рабочих. Послушная печать поднимает неимоверный шум. Реакция бесчинствует. Фарной временно торжествует...

Но дальнейший ход событий приносит организаторам провокации лишь конфуз и жестокое разочарование. Прогрессивная общественность не остается в бездействии перед лицом фашистской угрозы и произвола судебных властей. На борьбу поднимаются тысячи и тысячи трудящихся. И хотя писатель оставляет развязку неясной, но уже видно, что реакционерам не удалось и не удастся добиться своих целей...

Среди выведенных писателем образов простых людей особо выделяются родители Патриции Данн. Как и героиня горьковской «Матери», мать Патриции после ареста дочери, презрев привычный страх, распространяет листовки на виду у шпиков и полиции. «Никогда... никогда вам не запретить вот это! — она помахала листком.— Тут все чистая правда! Как... как святое писание!».

Отец Патриции — старый рабочий с большим грузом тред-юнионистских предрассудков — под влиянием событий прозревает и произносит на большом профсоюзном митинге страстную речь против поджигателей войны: «Боссам вроде Фарноя нужны такие разговоры, чтоб мы подумали, будто Советы хотят на нас напасть. А на самом деле боссы хотят, чтоб мы напали на Советы... Им страшно — вдруг с наших глаз пелена спадет, и мы поймем, что советские люди не больше нас хотят войны... Пошевелите мозгами, сразу поймете, к чему затеяли всю эту шумиху насчет шпионов!»

Интересна судьба одного из героев книги, Финли-отца — священника, переходящего в лагерь борцов за мир. Так же поступает и Марго Соммервиль, убедившаяся в ханжестве и продажности своего мужа и порвавшая с ним...

События, изображаемые в романе «Будущее за нас», одинаково типичны и для Канады, и для США, и для других империалистических стран, правительства которых следуют диктату Уолл-стрита. Стоит вспомнить гнусный полицейский фарс с обвинением Жака Дюкло, Андрэ Стиля и других французских патриотов. Но факты показывают, что все эти провокации осуждены на позорный провал.

Б. ВЛАДИМИРОВ,
Д. ЭРДЕ

Дайсон Картер. Будущее за нас. Роман. Перевод с английского Р. Райт-Ковалевой. Издательство иностранной литературы. М. 1952, 287 стр.

«Солнечный камень»

Этот объемистый двухтомник под общей редакцией академика Терпигорева, изданный Углетехиздатом, посвящен одному из самых обыденных, привычных и в то же время самых необходимых человечеству полезных ископаемых — углю.

«Наклонитесь когда-нибудь за невзрачным черным камешком, подержите его в руках, как величайшую драгоценность, подумайте о том, что этот камень скрывает в себе глубочайшие тайны земли и жизни.

В нем страницы прошлого нашей планеты, страницы настоящего и будущего человечества.

Нашего с вами будущего...» — так пишут авторы книги, подчеркивая колоссальное значение угля в жизни человеческого общества.

Книга о солнечном камне иллюстрирует смысл известных ленинских слов: «Уголь— это настоящий хлеб промышленности...» Уголь не только важнейшее промышленное топливо. Без угольной промышленности, писал Ленин, «никакая современная промышленность, никакие фабрики и заводы немыслимы». Уголь используется и в металлургической промышленности, и в химической, и в автомобильной, и в медицинской, и в текстильной, и даже в пищевой.

На восьмистах страницах авторы И. . Васильков и М. Цейтлин рассказывают подробнейшую биографию своего «героя» — от зарождения каменного угля во времена палеозойской эры, от первых, примитивных способов добычи его до небывалого расцвета угольной промышленности в наши дни.

Авторы книги собрали и систематизировали обильный материал. Они рассказали о множестве связанных с углем проблем самых различных отраслей науки.

Книга Василькова и Цейтлина посвящена углю. Однако, как замечают сами авторы, главный герой ее — человек, который «открыл происхождение ископаемого угля, изучил его историю и теперь, извлекая уголь из недр земли, изменяет эту историю в нужном направлении».

Наш великий соотечественник Михаил Васильевич Ломоносов еще в XVIII веке, более чем за столетие до того, как западные ученые пришли к подобным мыслям, увидел и доказал собственными опытами возможность химической переработки угля и установил, что каменный уголь образовался из сгнивших ископаемых растений.

Вслед за Ломоносовым перед читателем проходит множество энтузиастов угольного дела. Авторы подробно рассказывают об ученых прошлого, посвятивших свою жизнь углю или способствовавших своими трудами каким-либо открытиям в этой области. С признательностью узнает наш читатель имена и дела первооткрывателей русского угля — Григория Капустина, Михаила Волкова, Ивана Палицына, Марка Титова, Ивана Белого.

С гордостью читаем мы о наших современниках и соотечественниках, об ученых, инженерах и стахановцах-рационализаторах, превративших шахтерский труд, который В. И. Ленин назвал «...самым тяжелым, самым грязным, самым убийственным...», в труд счастливый, радостный и почетный.

Достоинства книги о солнечном камне не только в том, что она дает нашим читателям разносторонние знания о чудесном камне, но и в том, что написана она в занимательной форме.

Н. ГОНЧАРЕНКО

Коротко о книгах

Видный деятель большевистской партии в Закавказье Степан Георгиевич Шаумян был талантливым публицистом, автором ярких статей на общественно-политические и литературные темы.

В Гослитиздате вышел сборник литературно-критических статей С. Шаумяна. Некоторые из них — «Недоумение читателя», «Кое-что о религии Л. Н. Толстого», «О Горьком» — были написаны автором на русском языке; остальные переведены с армянского и публикуются на русском языке впервые.

В статье о Горьком, разоблачая клевету буржуазной печати по адресу великого писателя, С. Шаумян характеризует его как «красу и гордость пролетарской литературы!»

С. Шаумян придавал большое значение возникновению и развитию армянской пролетарской литературы. Он оказал решающее влияние на мировоззрение и творчество основоположника армянской пролетарской поэзии Акопа Акопяна. В статье «О сборнике армянской литературы» (1916) Шаумян называет А. Акопяна признанным поэтом армянских рабочих, выразителем их горестей и радостей, певцом их труда и борьбы.

В «Приложении» к сборнику помещены отрывки из писем и статей С. Шаумяна, в которых содержатся его высказывания о некоторых русских и армянских писателях XIX—XX веков — Белинском, Короленко, Вересаеве, Чехове, Абовяне, Раффи и других.

* * *

В «Серии литературных мемуаров», издаваемой Гослитиздатом, вышли две новые книги.

Сборник «Гоголь в воспоминаниях современников» представляет собой наиболее полный свод мемуарных материалов о великом писателе. Наряду с неоднократно издававшимися воспоминаниями И. С. Тургенева, П. В. Анненкова и С. Т. Аксакова сюда вошли многие воспоминания, которые были опубликованы в дореволюционных периодических изданиях и с тех пор либо не издавались вовсе либо приводились в выдержках. Это воспоминания Т. Г. Пащенко, М. Н. Лонгинова, В. А. Соллогуба, Н. И. Иваницкого, Г. П. Данилевского и других.

Большой интерес представляют воспоминания Л. И. Арнольди «Мое знакомство с Гоголем» и Д. А. Оболенского «О первом издании посмертных сочинений Гоголя». В них содержится пересказ некоторых глав второго тома «Мертвых душ».

Особое место в сборнике занимают статьи и высказывания Пушкина, Белинского, Герцена и Чернышевского. Не являясь мемуарами в узком смысле этого слова (Герцен и Чернышевский даже не были лично знакомы с Гоголем), материалы эти особенно важны для правильного понимания творчества Гоголя и его значения для современников.

Книга «Чехов в воспоминаниях современников» по сравнению с предыдущим ее изданием (в 1947 году) значительно пополнена: в нее включены воспоминания Ал. П. Чехова, В. А. Гиляровского, М. П. Чеховой, В. И. Качалова, П. Н. Орленева, Н. Г. Гарина и других.

Открывающие книгу воспоминания Александра Чехова — старшего брата писателя — повествуют о тяжелом детстве Антона Павловича и делают понятной горькую фразу Чехова: «В детстве у меня не было детства...»

Воспоминания, вошедшие в сборник, отражают различные этапы жизни и творчества писателя. Наиболее подробно в них освещен последний период жизни Чехова.

Из воспоминаний Ал. П. Чехова встает обаятельный образ замечательного писателя и человека, остро ненавидевшего фальшь, лицемерие и пошлость и глубоко сочувствовавшего скромным труженикам.

«Он обладал искусством всюду находить и оттенять пошлость,— писал в своих широко известных воспоминаниях о Чехове М. Горький,— искусством, которое доступно только человеку высоких требований к жизни, которое создается лишь горячим желанием видеть людей простыми, красивыми, гармоничными».

* * *

Давно уже назрела необходимость создания фундаментального пособия для углубленного изучения русской классической литературы в старших классах средней школы. Ныне Детгиз выпустил большой сборник критико-биографических очерков «Классики русской литературы».

В создании этого сборника, вышедшего под общей редакцией профессора Л. И. Тимофеева, принял участие большой коллектив советских литературоведов. Авторы статей, говорится в кратком предисловии к книге, имели своей целью дать в сжатой форме сведения о жизни и творческом пути писателей и раскрыть идейное и художественное содержание их основных произведений. Статьи, включенные в сборник, написаны в большинстве своем ясным и доступным языком.

В книге освещено творчество 26 писателей-классиков, начиная с М. В. Ломоносова и кончая А. М. Горьким и В. В. Маяковским.

Думается, что книга значительно выиграла бы, если бы отдельным очеркам о творчестве писателей была предпослана общая вступительная статья, в которой были бы рассмотрены важнейшие этапы развития нашей отечественной литературы.

Около древнего городища Куня-Ургенча идет съемка местности.
Фото Г. Мушкамбарова (ТАСС)

ПУТЬ БОЛЬШОЙ ВОДЫ

В. ТИТОВ

2. В обход Сарыкамышской впадины

Под жарким, испепеляющим солнцем лежит серая бугристая земля. Наша машина идет на север, туда, где мчится к Аральскому морю желтая, бурливая и широкая Аму-Дарья.

Тут жилья нет. Только редкие, разбросанные на огромных расстояниях друг от друга, стоят палатки и вежи изыскателей трассы Большой воды. Через эти земли они прокладывают для нее путь в обход обширной Сарыкамышской впадины. Неглубокая и плоская, как тарелка, она лежит далеко слева от нас, у подножий крутых обрывов Устюрта.

Мы попрежнему идем по пути Большой воды. Свернув с земель Юго-Западной Туркмении, мы прошли на восток вдоль предгорий Копет-Дага, повернули от Кизыл-Арвата на север и шли прямо через пески до древнего Куртышского водопада на Узбое. Это все путь Большой воды, уже разведанный и найденный в результате целого года труда разведчиков трассы.

Древний Куртышский водопад — одна из примечательнейших точек на этом пути. Здесь люди твердо стали на землю пустыни, прочно обжились.

Заброшенный куда-то далеко в глубь Кара-Кумов, Куртыш явится той отправной точкой, откуда Большая вода пойдет самотеком прямо на юг, на Кизыл-Арват, а оттуда устремится к морю и на земли Юго-Западной Туркмении.

Куртышский «водопад» я видел в прошлом году, в то время, когда совершался поход одного из отрядов Арало-Каспийской экспедиции по руслу Узбоя. Я шел по руслу Узбоя с этим отрядом. Тогда здесь были только одни нагие громады древних утесов, зеленые бездонные окна соленых озер да одинокая деревянная буровая вышка, доставленная сюда на верблюдах.

А теперь здесь стоит поселок. Правда, он непохож на поселки того типа, которые возникают, как по мановению руки, на строительных площадках, связанных с большими городами железной дорогой или рекой. Сюда и сейчас еще трудно доставлять лес, продукты, машины. В поселке — невысокие домики из неотесанного, грубого камня, вместительные зимние палатки.

В поселке уже двести жителей. Бурильщики, геологи, топографы, сейсмологи и люди других профессий пришли сюда для того, чтобы заложить будущий большой гидроузел, разбить и подготовить место для постройки города, плотины, шлюзов.

Николай Иванович Беспалов, начальник партии изыскателей, водил нас по будущей строительной площадке и показывал те направления, где ляжет плотина, где возможно устройство шлюзов для пропуска судов.

— Вот здесь,— говорил он, показывая выше порогов,— канал пойдет прямо на юг, к Кизыл-Арвату, а здесь начинается зона будущего «Куртышского моря».

Потом, сев в машину, мы ехали по дну будущего моря. Оно тянулось от Куртыша до колодцев Бала-ишем, а от них до колодцев Орта-кую, которые стоят в стороне от русла Узбоя.

«Куртышское море»! Недалеко от этих колодцев будет лежать его широкое, полноводное верховье. Тут же, в старое русло Узбоя, вольется вода, которая придет сюда с севера.

Складывалась грандиозная картина будущего строительства. «Куртышское море» предназначается для того, чтобы поить пятьсот тысяч гектаров плодородной земли, лежащей на юге, и питать водой другое будущее водохранилище — под Кизыл-Арватом. И еще возлагается на него одна задача — снабжать водою лучшие пастбищные земли Туркмении на нижнем Узбое.

— А там вас встретит еще одно будущее море,— говорил Беспалов, указывая на север.— Зенги-бабинское. Путь Большой воды пройдет около этой возвышенности. Оттуда начинаются земли древнего Хорезма.

...И вот мы уже приближаемся к этим землям, таким таинственным и загадочным. Путь наш через барханы напоминает бег по горной пересеченной местности. Кусты саксаула, борджока, четы, подбоченясь, как всадники, выбегают навстречу и исчезают позади.

Жара невыносимая! Вот пески разорвал узкий, прямой пустырь. На нем одинокий бархан, и на бархане ветер свистит в белый, выглоданный дождями и песком верблюжий череп. Череп лежит на вершине бархана, указывая дорогу на север. Сквозь немые глазницы пробились высокие стрелы эремуруса с пышными белыми цветами.

— В пустыне верблюд продолжает служить человеку и после своей смерти,— говорит мой спутник Легков. — Была голова — теперь дорожный знак на бархане.

Легков — инженер топографической партии на Куртыше. Его партия детально снимает рельеф местности, где встанет гидроузел.

Сейчас Легков возвращается в базу на север. Он проходил этой дорогой уже не раз. Но напряжение, в котором нахожусь я, ожидая, когда же откроются те легендарные земли, о которых так много уже написано книг, заражает и его. Мы вглядываемся с ним в каждую складку и извилину на поверхности земли, ждем чего-то необыкновенного. Еще бы! Ведь мы идем на аму-дарьинские левобережные земли древнего Хорезма, на которых когда-то буйно цвели сады, стояли древние города-крепости, лежала полноводная древняя дельта капризной Аму-Дарьи.

Не об этой ли земле писал Геродот: «Есть в Азии долина, окруженная со всех сторон горами, в горах есть пять проходов. Из окрестных гор течет большая река, имя ей Акес[1]. Прежде река орошала земли... причем отовсюду были проведены каналы и каждый народ проводил себе воду по одному из проходов...»

Давно уже капризная Акес — Аму-Дарья изменила свое течение, давно уже ушла из долины пяти рек, остались только старые русла, да поднимаются редкие остатки разрушенных водою гор. На этих просторах древнего пятиречья стоят палатки смелых изыскателей, ищущих путь для Большой воды в обход Сарыкамышской котловины. Мы идем сейчас на северо-восток. На пути у нас залегла глубокая впадина — Акча-кая, за нею и начинаются староречья древней дельты Аму-Дарьи.

Томит однообразие ландшафта. Хочется остановиться, слезть, походить и поразмять ноги, хочется напиться горячего чаю; фляжка с нагревшейся на солнце водою давно пуста. Но Кадырбай, бывалый кара-кумский шофер, ведет машину без устали и все насвистывает какую-то свою, каракалпакскую песенку. Вдруг наперерез нам вырываются из-за песчаного косогора джейраны. Их восемь. Они скачут впереди машины, мелкая белыми подхвостьями, и Кадырбай «дает газку». Спидометр показывает скорость в 70 километров, а расстояние между животными и нами нисколько не уменьшается. Наконец джейраны сворачивают в сторону и исчезают вдали. Свесившись через борт машины, наш спутник, старый кара-кумский чабан, туркмен Клыч Селах кричит нам в кабинку:

— Вижу впадину Акча-кая!

Селах едет с нами от Куртыша, куда приезжал проведать сына, работающего бурильщиком.

Скоро мы замечаем, что спускаемся к котловине. Изрезанные глубокими оврагами склоны ее белы. Мощные пласты сверкающего мергеля лучатся на солнце, подобно глыбам рафинада.

— Ученые,— заговорил инженер Легков, поглядывая вдаль на сверкающие откосы оврагов,— до сих пор не пришли к общему выводу о происхождении Акча-кая. Смотрите — ее словно кто-то нарочно вырыл здесь на ровном месте. Одни ученые видят в этом работу

Продолжение. См. «Огонек» № 36.

[1] Акес, Окс — древние названия Аму-Дарьи.

ветра, другие — работу воды. Лежит она на девяносто с лишним метров ниже уровня моря. Канал как раз пройдет недалеко от Акча-кая, но в стороне от нее. Бурильщики где-то недалеко здесь за Акча-кая и за Ишек-анкренкыром. Давайте посмотрим впадину.

Мы вылезаем из машины, спускаемся по крутому склону на дно одного из оврагов. По белой глине бежит тоненький ручеек горько-соленой воды.

На дне этого безжизненного оврага всем нам становится почему-то жутковато — точно мы спустились в какую-то таинственную, покинутую злыми духами преисподнюю.

Мы с трудом выбираемся из оврага, садимся в нашу машину и движемся дальше. Впереди возникают белые обрывистые склоны одинокой горы.

— Ишек-анкрен-кыр — Кричащий ишак, — объясняет мне инженер Легков.— А вот видите белый крутой обрыв горы справа? Это возвышенность Зенги-баба. А дальше, за нею — староречья древней дельты Аму-Дарьи.

Кадырбай ведет машину, ориентируясь теперь по этим возвышенностям, а я жадно ищу глазами в открывшейся узкой долине русло реки. Наконец оно показалось, грязное, заскорузлое. Оно тянется по направлению на запад, туда, где лежит Сарыкамышская котловина.

— Канга-река! — кричит нам опять Клыч Селах и показывает рукою на сухой водоток.

Так вот она какая, Канга-река! Так вот она, одна из пяти легендарных рек, на берегах которой, по свидетельству древних историков, была жизнь.

Мы тщетно ищем на ее берегах следы арыков и следы человеческих поселений. Их нет. Далеко впереди показалась как бы обколотая сверху черная вершина горы Кой-крылган — Мертвый баран. И только на одном из обрывов еще более приблизившегося к нам Зенгибаба замаячили и опять скоро скрылись развалины неизвестной крепостцы. Вот и все, что осталось на этой реке от бывших шумных людских поселений.

Мы пробуем копать в одном из мест на берегу древнего потока. Место показалось очень удобным для раскопок. И скоро мы из-под легкого слоя песка извлекаем серые, с прочернью черепки и осколки. Это, быть может, остатки посуды неолитического человека. И тут же мы находим едва присыпанные песком осколки посуды, вероятно, средних веков. И вдруг в довершение всего Клыч Селах, ко всеобщему удивлению, поднимает прямо с поверхности песка фарфоровый черепок от чайника с красным клеймом... «Фарфортрест, Москва».

Мы забираем свои находки и идем дальше.

— Тони-река,— сообщает Клыч Селах и указывает вперед.

На Тони-реке — втором рукаве древней дельты Аму-Дарьи — тоже ни дерева, ни остатков жилища.

Все на этой древней земле имеет особенность открываться как-то неожиданно. Так, неожиданно с холма мы увидели мощные, заглаженные дождями глиняные стены цитадели Ша-Сенем. Они стояли вдалеке гигантским квадратом. На угловой башне этого глиняного «кремля» видны бойницы. Высоко над развалинами кругами парит орел. Гнездовище птицы там, где прежде трубил военный рог. Справа от нас лежит какой-то огромный вал. Он тянется от крепости Ша-Сенем далеко в пустыню, туда, где поднимаются белые обрывы Зенги-баба, где мелькнула перед нами одинокая крепостца.

— Это не вал,— говорит инженер Легков.— Это древнейший канал Чермен-яб. Вода по нему за сотни километров подавалась из Аму далеко на край пятиречья.

Мы пересекаем канал. Огромным валом он кажется потому, что за века по берегам его скопились большие насыпи земли, выброшенной из арыка при очистке. Такую же картину можно видеть всюду в Средней Азии — в Узбекистане, в Туркмении, в Таджикистане.

Вдоль арыка мы идем к крепости Ша-Сенем. Вот и она. Когда-то глубокий, теперь полузасыпанный ров вокруг нее полон воды: накануне прошли дожди. Загорелый человек без рубашки сидит на краю рва, полощет белье, а поодаль под крепостною стеною стоит белая вежа, дымится костерок.

Кадырбай первым выскакивает из машины и бежит к человеку. Мы видим, как они обнимаются.

— Старые знакомые встретились,— заключает Клыч Селах. — Кадырбай всю прошедшую зиму ездил на Куртыш.

Об отряде изыскателей из партии Василия Большакова мы слышали еще на Куртыше. Они начали бурение по трассе зимою, чуть ли не от самой Аму-Дарьи, а теперь дошагали уже сюда.

— Большаков сейчас на новой базе под Зенги-баба,— сообщает, подходя к нам, знакомый Кадырбая. Он назвался: Федор Цирухин.

О буровом мастере комсомольце Федоре Цирухине мы тоже уже слыхали на Куртыше. Он знакомит нас со своим помощником Виктором Емельяновым, рабочим Рахимом Машариповым, шофером Федором Дубининым. Они только что кончили бурить в районе крепости Ша-Сенем.

— Пройдет всего каких-нибудь пять лет, — говорит он, — и здесь возникнет новая, цветущая Ша-Сенемская область. Вода и электричество придут сюда на службу человеку. Представляете, как канал изменит облик этих мест? Смотрите, сколько землищи! И какой! Лучшей для хлопчатника и не найдешь. Пойдемте на крепость, посмотрим вокруг.

Мы идем за Цирухиным к Ша-Сенем. Не без труда преодолев ров, мы поднимаемся на вал и входим через пролом в крепость. Под ногами и здесь битый кирпич, черепки посуды. Стены сложены из кирпича-сырца. Массив же, на котором стоит цитадель, сложен иначе. Все говорит о том, что Ша-Сенем возникла на развалинах более древней крепости. Ясно, что стены старой цитадели доверху забили блоками из глины и на этом гигантском фундаменте выстроили новую.

— Археологи относят сооружение Ша-Сенем к средним векам, а массив, на котором она воздвигнута,— к античным временам, — сообщает инженер Легков. Он хорошо знает хорезмскую старину.

А земля вокруг крепости лежит совсем золотая! Эту окраску ей придает тонкий ковер песков, покрывающий окрестность. Далеко через нее с севера на юг, к Зенги-баба, стремится древний арык Чермен-яб, и далеко, куда хватает глаз, видна на этой земле паутина поливных борозд. Старина, древность! Но здесь, на этой древней крепости, думается о будущем. Оно придет сюда вместе с эскадрой земснарядов. Они двинутся прямо от Аму-Дарьи и поведут за собой глубокую и широкую полосу воды через Ша-Сенем, через Куртыш до Кизыл-Арвата. Да, так он и будет строиться, этот величайший в мире канал!

Мы прощаемся со славными разведчиками пути Большой воды, крепко жмем им руки и садимся в машину. Теперь мы движемся на мертвый оазис у колодца Котур.

Через два часа езды он уже возникает перед нами. На горизонте показываются десятки, сотни «кала» — маленьких дехканских крепостей-усадеб. Кажется, что мы въехали в какое-то населенное место. Но вокруг все мертво. Мы въехали в страну, где люди жили когда-то будто на «отрубах»: свое поле, свой арык, свой дом-крепость. Все это давно поросло саксаулом и борджоком. Ветры принесли сюда из пустыни песок.

Вечереет. Быстро, как всегда в Кара-Кумах, спускается ночь. В это время всюду в Кара-Кумах варят вечерний чай. Варим его и мы. После изнуряющей жары хорошо напиться этой прекрасной ароматной жидкости и лечь на кошму под открытым небом. А Клыч Селах, подкладывая саксаул в костер, рассказывает нам печальную историю гибели оазиса у колодца Котур.

— Этот оазис умер в прошлом веке,— говорит он.— Уже тогда Аму мало давала воды в головной канал. Совсем мало доходило ее до полей дехкан. Воду из канала разбирали по пути богатые землевладельцы. Дехкане поднялись войной на богачей и поломали чигири. Тогда хивинский хан приказал закрыть доступ воды на Котур совсем, а дехкан выселить. Так и было сделано. Хану легче было выгнать людей с родных мест, чем восстановить канал на Котур. И земля умерла. Об этом написано в книгах.

Клыч Селах был прав. В книгах Хивинской хроники прошлого века был записан не один такой случай. Девятнадцатый век оставил на теле Туркмении немало диких рубцов и шрамов.

Наш маленький лагерь засыпает.

Утром мы вновь идем на север. Под колесами нашей машины стелются берега Куня-Дарьи. Эта река, рукав древней дельты Аму-Дарьи, умирала позже всех. Забитая наносами, река постепенно отходила к своему истоку.

Мы движемся через древние поливные «карты», пересекаем бегущие вдоль и поперек мелкие арыки. Время не успело стереть их с лица земли, и они, как свидетели былого человеческого счастья и горя, напоминают нам о поколениях и веках уже исчезнувших. А впереди уже виднеется древний высокий минарет Куня-Ургенча, голубой облицовкой поблескивает на солнце купол мавзолея Тюрабек-ханым. Туда, где-то слева от нас, несет свои воды канал Совет-яб, давший воду уже многим садам и полям, раскинувшимся под благодатным солнцем левобережья. Там, в сорока километрах от древнего города, у невысоких теснин Тахиа-Таша, на Аму-Дарье, встал уже первый город строителей пути Большой воды. И далеко-далеко над этой землей уже слышится тонкий, заливистый гудок. Он несется над просторами земли и настораживает внимание.

— Пароход на Аму, Кадырбай?

— Нет, то железная дорога прошла. На Тахиа-Таш поезд идет.

А за ним от берегов Аму доносится еще басовитый, мощный звук, и Кадырбай поясняет:

— «Сормович» дамбу намывает на реке. Подарок горьковчан тахиа-ташцам.

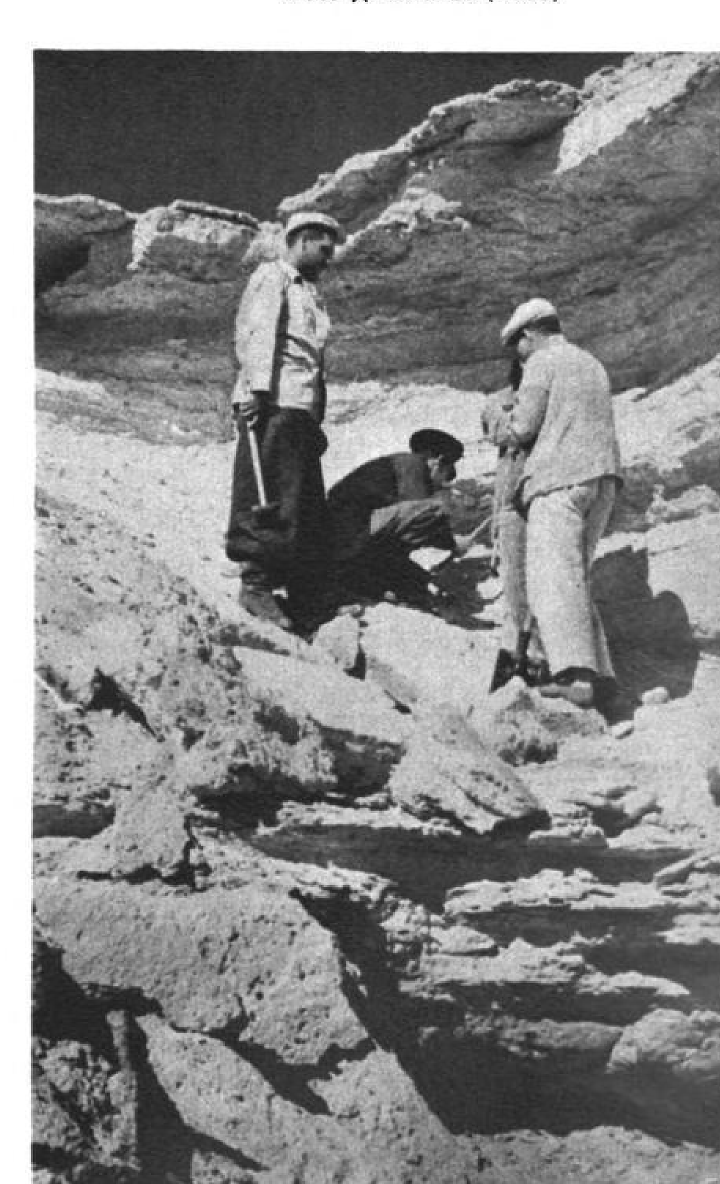
— Первый землесос на трассе Большой воды! — восторженно говорит инженер Легков, вслушиваясь в пение гудков.— Накапливает Тахиа-Таш технику, готовит силы для наступления на пустыню.

— Скоро, скоро она двинется на эти земли! — говорит Кадырбай.

Наша машина, минуя древний Ургенч, идет на Тахиа-Таш, туда, где над широкой Аму-Дарьей поют первые гудки великой кара-кумской стройки.

Куртыш на Узбое,
Ша-Сенем, Ходжейли.

Геологи исследуют грунт во впадине Акча-кая.
Фото Д. Козлова (ТАСС)

Чемпион мира по скоростному бегу на коньках Лидия Селихова со своим сыном Мишей на «совместной» тренировке.

Мастера ГОТОВЯТСЯ к зиме

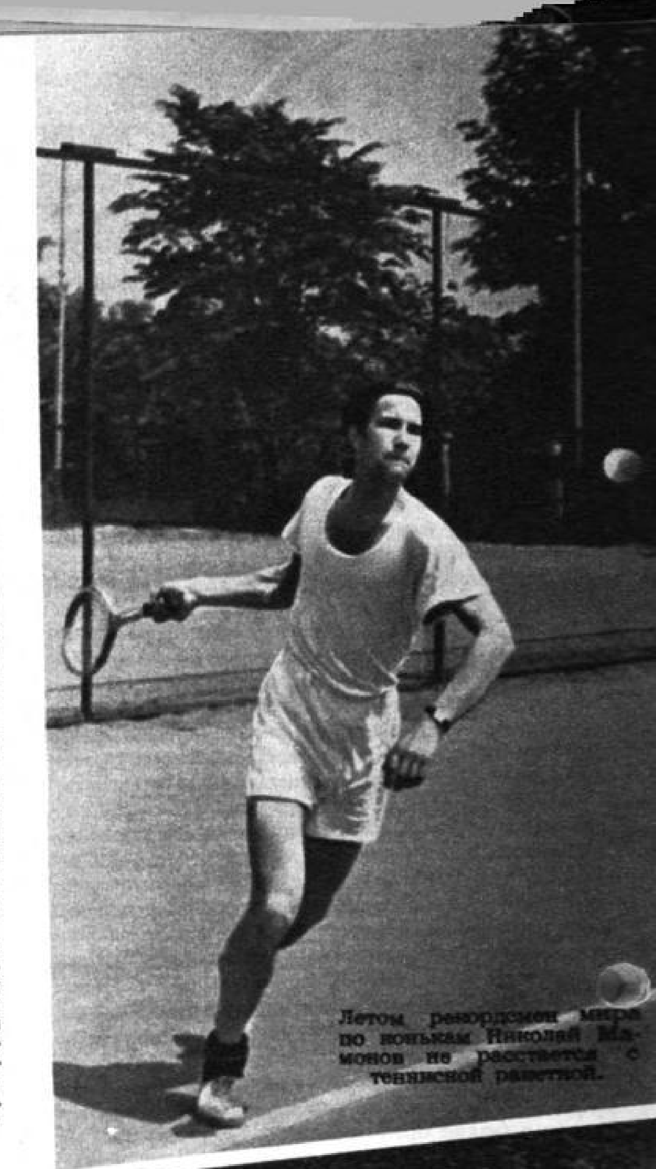
Водная станция «Динамо». На просторах Химкинского водохранилища много лодок. Тут и скифы, и учебные восьмерки, и байдарки, и обыкновенные шлюпки. От плота отходит байдарка. Дружные взмахи веслами — и вот она уже далеко от берега. На байдарке неоднократные чемпионы Советского Союза по лыжам Валентин Матюшенков и Владимир Оляшев. Потом они вместе с другими мастерами — Зоей Болотовой, Юрием Скворцовым, Александром Филатовым — играют в ручной мяч, бегают по пересеченной местности. Занятия проходят весело, оживленно.

В нескольких километрах от водной станции, на стадионе «Динамо», мы застали рекордсмена мира конькобежца Николая Мамонова. Он играл в теннис с тренером Григорием Кушиным.

Кушин посылает мячи то на заднюю линию, то на середину корта, то к самой сетке. Мамонову приходится «доставать» их, много двигаться по площадке. Помимо тенниса, Мамонов занимается легкой атлетикой: толкает ядро, бегает.

В этот же день в одном из ленинградских парков тренировалась на велосипеде чемпионка мира по конькам Лидия Селихова; на баскетбольной площадке Смоленского института физкультуры играл конькобежец Валентин Приставкин, хоккеист московской команды «Крылья Советов» А. Кучевский выступал за заводскую волейбольную команду.

Но есть и такие, для которых лето — время не только тренировок, но и серьезных спортивных испытаний. Капитан хоккейной команды ВВС — победительницы «Кубка СССР» и чемпионата страны — Всеволод Бобров сменил громоздкий костюм хоккеиста на легкую майку и трусы футболиста. Известный лыжник Федор Терентьев — непременный участник всех крупнейших шоссейных велогонок, а конькобежец Евгений Гришин выступает на треке.

Летом рекордсмен мира по конькам Николай Мамонов не расстается с теннисной ракеткой.

В это время лыжник, оттолкнувшись палками, стремительно мчится вниз. Он делает самые неожиданные, резкие повороты, оставляя позади себя столб снежной пыли. Менее чем через минуту лыжник уже далеко внизу...

Постойте, скажете вы, что это за запоздалое сообщение о лыжных состязаниях?

Нет, не запоздалое сообщение: эти состязания состоялись в самый разгар спортивного лета.

В горах, в районе Домбайской долины, на высоте 2 250 метров над уровнем моря, был разбит палаточный лагерь. Здесь проводили свои каникулы и отпуска молодые рабочие, студенты, учащиеся: токарь московского станкозавода имени Орджоникидзе Виктор Тальянов, надсмотрщик вологодской телефонной станции Валентин Мохов, студент Горьковского медицинского института, чемпион страны по скоростному спуску Аверкий Тюрин, лаборант из заполярного города Кировска Валентин Рогозин и другие. Все они совершенствовали свою технику горнолыжного спорта. Их учили знатоки дела во главе с неоднократным чемпионом страны Дмитрием Ростовцевым.

Место для тренировок оказалось удачным: крутые склоны и глубокий снег. А рядом в каких-нибудь ста метрах зеленели пышные альпийские луга, росли цветы. После занятий, воткнув палки и лыжи в снег, спортсмены купались в небольших горных озерах.

Кончились каникулы и отпуска, возвратились в свои учебные заведения, на работу мастера спорта. Но и здесь они будут с не меньшей настойчивостью продолжать готовиться к спортивной зиме.

Неплохо поиграть летом в снежки перед началом лыжной тренировки высоко в горах.

Фото Н. Волкова, И. Фетисова и мастера спорта Д. Ростовцева

Неоднократные чемпионы страны по лыжам Валентин Матюшенков (на первом плане) и Владимир Оляшев летом становятся заправскими гребцами.

Шазам Сафин ПОБЕЖДАЕТ Густава Фрея

О шведском борце Густаве Фрее в Хельсинки на олимпийских играх рассказывали разное. Его многочисленные выступления на крупнейших чемпионатах по борьбе и столь же многочисленные победы заставляли даже людей скептического склада говорить о нем с уважением. Не молчала и спортивная печать, окрестившая Фрея «стальным человеком». Среди легковесов он, бесспорно, не имел себе равных. К тому же Фрей ревностно поддерживал спортивную форму и все свои схватки проводил сильно, в хорошем стиле.

Единственное поражение, которое ему нанес венгерский чемпион Иожеф Гал два года назад, нисколько не отразилось на репутации Фрея. Тогда перед финальной схваткой шведский борец повредил себе ногу и должен был выбыть из соревнования, а следовательно, лишиться приза, в то время как простой проигрыш оставлял за ним второе место. Фрей все это рассудил и решил выступить. К борцовскому ковру его подвели под руки, и так как из-за сильной боли Фрей не мог принять боевую стойку, он лег в партер. Громадный опыт и редкая сила шведа позволили ему продержаться до конца схватки и парировать все приемы венгерского атлета. Проиграв с соотношением очков 2 : 1, Фрей получил серебряную медаль. Это было на первенстве мира 1950 года.

Так вышло, что 20-летний советский борец Шазам Сафин, прежде чем встретиться с Густавом Фреем, провел схватку с чемпионом мира Галом весной этого года в Софии. Это была ответственная встреча для молодого спортсмена. За спиной Сафина был сравнительно небольшой опыт — четыре года занятий в борцовской секции спортивного общества «Трудовые резервы».

Но, несмотря на свою молодость, Шазам уже был зрелым мастером, в его активе были победы не только на юношеских первенствах, но и почетное третье место на всесоюзном чемпионате.

Но вернемся к турниру борцов в Софии.

Уже самая стойка Сафина поражает Иожефа Гала. Ни у кого нет такой низкой стойки; сильные руки Сафина выставлены далеко вперед; сам он неуязвим, а соперник уже стеснен этой агрессивной позицией.

Гал весьма искусно оборонялся от идущего напролом противника, он избегал сближения с Сафиным, сковывал его руки, но в конце концов должен был признать себя побежденным. Чемпион мира пошел провожать молодого победителя в раздевалку, он не мог скрыть своего искреннего восхищения и в кругу спортсменов и тренеров предсказал Сафину большую будущность.

И вот Сафин в Хельсинки.

С интересом он наблюдает за схватками Фрея, о котором он так много слышал.

Но, прежде чем встретиться с ним, надо было в предварительных схватках победить многих соперников. Каждый из них жаждал победы, был храбр и настойчив.

Момент борьбы Шазама Сафина с Густавом Фреем на олимпийских играх в Хельсинки.

Крепыш Акбулат, турецкий легковес, наверняка превосходил Сафина силой, но к концу схватки Акбулат еле держался на ногах: 15 минут приходилось сдерживать натиск противника, выбираться из труднейших положений.

Второго сильнейшего соперника, темпераментного чехословацкого борца Атанасова, Сафин бросил на лопатки за 4 минуты.

Не избежали поражения и другие соперники: чемпион Румынии, смелый и горячий Кук, датчанин Петерсон и тушированный в начале схватки представитель Норвегии.

Вместе с Сафиным уверенно продвигался к финалу и Фрей.

В шведской команде, не раз выигрывавшей первенство мира, было немало первоклассных борцов. Фрей же был борцом экстра-класса, трехкратным чемпионом мира. Сухой, резкий, с неутомимым сердцем, он не уступал инициативы в схватке, заставлял принимать свой темп. Часто шел на обманные маневры, так что иногда трудно было предугадать, что предпримет швед, и в этом крылась уже большая опасность...

На пьедестале почета XV олимпийских игр. В центре — победитель Шазам Сафин.

Фото А. Гостева

Наступил час, когда судья свистком вызвал на середину ковра Сафина и Фрея. Это была финальная схватка на звание чемпиона олимпийских игр.

Советский борец и швед обмениваются рукопожатиями. Это и приветствие и вызов одновременно.

Сафин не собирался приспосабливаться к тактике Фрея: в схватке с таким сильным противником выжидание выгодного момента равносильно проигрышу; шведу надо навязать свою тактику, ошеломить стремительным нападением, так, как учил Сафина тренер Андрей Антонович Гордиенко.

Это был захватывающий поединок. Судье не приходилось вызывать борцов на середину: ни тот, ни другой не прибегали к спасительному уходу за край ковра. Вел схватку гибкий, весь как бы прилипавший к противнику Сафин, Фрей только «гасил» энергию напористого противника. Несколько раз швед пытался неожиданным рывком вывести Сафина из равновесия, заставить «раскрыться», но тот искусной игрой ног расстраивал планы чемпиона и снова наступал. На любое движение Фрея он отвечал молниеносно. «Зрячие мышцы», как говорят спортсмены; такой борец, казалось бы, может вести схватку с закрытыми глазами и все равно не упустит противника. И, странное дело, обороняющийся швед больше уставал. Сафин обладал замечательным качеством — умением экономить силу, во-время расслабляться. Ведь расслабленная мышца, известно, быстрее сокращается, и надо уметь перед проведением приема расслабить мышцы. Так действует Сафин.

Говорят: «Борец с возрастом опускается вниз», то есть вместе с опытом приходит и мастерство ведения борьбы в партере — самой острой и драматической фазе борьбы на ковре. Фрей рассчитывал, что в партере он запутает своего молодого противника, возьмет на «ключ», перевернет. Но Сафин оказался «твердым орешком»: не давался на прием, утомлял противника. В свою очередь, Сафин, борясь сверху, заставлял его то и дело ложиться на живот.

После борьбы в партере победа русского атлета уже не вызывала сомнений.

«Никакой робости перед чемпионом», — высказался по поводу этой встречи один из огорченных поклонников Фрея. Этот господин в общем правильно уловил «настроение» схватки, но основного он не понял: победил не дерзкий юноша, а более искусный мастер, воспитанник советской школы борьбы. И тот, кто испытал на себе силу этого мастера, сам Густав Фрей, был более объективен в своей оценке: «Сафин является наилучшим из борцов, с которыми мне приходилось встречаться...»

Шазаму Сафину присвоено звание заслуженного мастера спорта.

И. БОРИСОВ

Из монгольского фольклора

РАССКАЗЫ О БИЛИН-СЭНГЕ

Рисунки Г. Валька

Нет в Монголии человека, который не улыбнулся бы при упоминании имени Билин-Сэнге.

Билин-Сэнге — популярный герой монгольского фольклора. Он предстает перед нами веселым и неунывающим, ловким и хитрым, мудрым и справедливым. Народная фантазия воплотила в нем яркие черты национального характера — жизнерадостность, веру в свои силы, неугасающую энергию, здоровый юмор.

ЖАДНОСТЬ — САМЫЙ ТЯЖЕЛЫЙ ГРУЗ

Билин-Сэнге встретил на улице богача Баяна. Скупее этого старца трудно было сыскать человека во всем городе. Согнувшись так, что борода касалась колен, и обливаясь пóтом, Баян тащил на себе мешок соли.

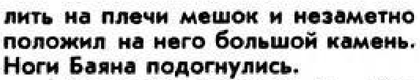
Билин-Сэнге схватил его за полу и остановил.

— Ты богатый человек, а надрываешься от тяжести. Найми себе носильщика.

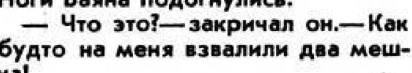
Баян опустил мешок на землю и уселся на него. Он еле переводил дыхание от усталости.

— Если бы я знал, что думает носильщик, взваливая на плечи мой товар! Может быть, он думает о том, как бы унести его не ко мне, а к себе домой. Дурные помыслы человека, как когти кошки, скрыты. До поры до времени. Ну-ка, молодец, помоги мне поднять мешок!

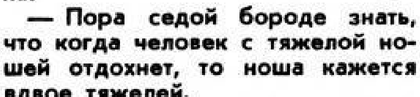
Билин-Сэнге помог скупцу взвалить на плечи мешок и незаметно положил на него большой камень. Ноги Баяна подогнулись.

— Что это?— закричал он.— Как будто на меня взвалили два мешка!

— Пора седой бороде знать, что когда человек с тяжелой ношей отдохнет, то ноша кажется вдвое тяжелей.

Сказав эти слова, Билин-Сэнге незаметно положил на мешок второй камень.

— Да, ты прав. Теперь я сам вижу, что придется взять носильщика.

Билин-Сэнге тотчас же подозвал молодого, богатырского сложения парня. Тот взял мешок соли подмышку и зашагал по улице. За ним, уцепившись рукой за уголок мешка, семенил Баян.

Билин-Сэнге смотрел им вслед и радовался тому, что дал возможность бедняку заработать на суп.

ПОПРОШАЙКА

Как только Билин-Сэнге появлялся на шумном базаре, к нему бросались нищие с протянутыми руками. Часто им перепадало от щедрого Билин-Сэнге. Но нередко, когда у него за пазухой гулял степной ветер, дело кончалось лишь веселым разговором. Билин-Сэнге любил вертеться среди нищего люда, где встречалось немало балагуров, у которых на языке всегда было наготове острое словцо.

Однажды Билин-Сэнге долго не мог отвязаться от одного назойливого попрошайки.

— Дай мне еще денег!

— Я тебе уже дал! Теперь отстань.

— Ты положил только в одну руку, а у меня есть и другая. Зачем же ей оставаться пустой?

— Я рад, что у тебя две руки, а не десять. Тогда бы ты не отвязался от меня до захода солнца.

— Я тоже рад, что у тебя две руки, а не одна. Дав одной, ты имеешь возможность повторить то же самое другой. Но будь справедлив: не давай левой рукой меньше, чем дал правой, иначе ты обидишь левую...

— Это не страшно, левая рука у меня чином поменьше, чем правая.

— Чином поменьше, но не щедростью и длиной.

— Однако под твоими лохмотьями бьется живое сердце. Держи левую руку. Но знай, что я даю тебе не за твой жалкий вид, а за твой острый ум. И еще помни: я не люблю попрошаек, поэтому прошу тебя — старайся больше не попадаться мне на глаза.

— Как у нас сходятся мысли! Я тоже не люблю попрошаек. Сказав мне: «Прошу тебя не попадаться мне на глаза»,— ты сам превратился в попрошайку. Скорей откажись от своих слов!

— Ну, ловкий ты человек! Опять меня обыграл!

Пока нищий радовался похвале, Билин-Сэнге юркнул вправо и скрылся в толпе.

КТО СКОРЕЕ ПЬЯНЕЕТ!

Шли два монаха и на дороге нашли бурдюк, наполнeнный вином. Каждый стал уверять, что он первый увидел бурдюк и что находка должна принадлежать ему. Спор зашел так далеко, что монахи, перестав бросаться словами, начали действовать пинками. В это время к ним подошел Билин-Сэнге. Когда ему стала ясна причина потасовки, разыгравшейся между монахами, он предложил им:

— Давайте так решим спор. Пусть вино достанется тому, кто скорее всех пьянеет.

— Я,— поспешил сказать первый монах,— пьянею только от одного глотка!

— А я,— выкрикнул другой,— пьянею только от одного запаха вина!

— А я только подумаю о вине, как уже пьян! — сказал Билин-Сэнге и забрал себе бурдюк.

ПОГОВОРКИ И ПРИБАУТКИ БИЛИН-СЭНГЕ

Коня потеряешь — можешь найти, слово вымолвишь — не вернешь.

Сильный телом победит одного, сильный умом — тысячи.

Собака собаку величает львом.

Смелый по горам взберется до туч, трусливый и по широкой лестнице не поднимется выше юрты.

Хочешь, чтобы залаял щенок,— покажи ему палку.

Сапожнику, шьющему узкие гутулы, невдомек, что земля достаточно широка.

В юрте матери всегда теплее, чем в чужом доме.

Двое дружных имеют силу двадцати, действующих врозь.

У кого болтливый рот, у того тело в синяках.

Кто подбросил вверх камень, тот рискует своей собственной головой.

Ладонью солнце не заслонишь.

Лягушка всю жизнь скачет, но никак не может удалиться от болота.

Полноводная река спокойна, умный человек не заносчив.

Черную душу и золотой язык не скроет.

УПАВШЕЕ МЯСО

Билин-Сэнге нанялся слугой к нойону. Тупой и бессердечный, прожорливый и грязный хозяин быстро надоел Билин-Сэнге, и он искал удобного случая, чтобы уйти от него.

Билин-Сэнге сопровождал нойона, когда тот объезжал свой хошун. В жаркий день они сделали остановку около речки. Билин-Сэнге развел костер и начал готовить суп. Уронив кусок мяса на землю, Билин-Сэнге хотел поднять его, но хозяин схватил его за руку:

— Ты забыл обычай своего народа: мясо, упавшее после полудня на землю, не поднимают.

После отдыха нойон и Билин-Сэнге двинулись дальше. От избытка съеденной пищи и выпитой молочной водки нойон еле держался в седле. Наконец на одном перевале он потерял равновесие и свалился с лошади. Билин-Сэнге спокойно смотрел, как барахтается на земле грузный нойон.

— Что же ты не поднимаешь меня? — закричал нойон.

— Ты забыл обычай своего народа: мясо, упавшее после полудня на землю, не поднимают.

Весело рассмеявшись, Билин-Сэнге приподнялся на стременах, свистнул коню и скрылся за горой.

ПОРЦИЯ ОСЛУ

Рано утром проезжал мимо речки нойон и увидел на берегу Билин-Сэнге, который, присев на корточки, сосредоточенно пил чай. Вечером, возвращаясь домой, нойон снова увидел Билин-Сэнге, сидящего на том же месте и шумно втягивающего в себя из пиалы горячий чай.

Нойон решил поиздеваться над Билин-Сэнге.

— Скажи, осталось ли в реке хоть немного воды? — смеясь, спросил он.— Я тоже хочу пить.

— Могу тебя успокоить,— отвечал Билин-Сэнге.— Я с утра без передышки пью, верблюд приходил, пил, сарлык пил, коза пила, баран пил... и еще ослу немного осталось.

Перевел Я. РЫЖАКИН

ЧЕМПИОН ЭФИРА

В то утро на коротковолновом радиодиапазоне, обозначенном цифрой 40, царила полнейшая тишина. Только иногда стремительно проскакивали точки и тире телеграфной азбуки, словно торопясь поскорее миновать эту пустынную зону эфира. А в это время сотни радиолюбителей, отделенные друг от друга тысячами километров, участники Всесоюзных соревнований ДОСААФа, надев наушники, уже сидели у своих станций.

Для того, чтобы принять участие в радиосоревновании, им, жителям самых различных уголков Союза, не надо было съезжаться в какой-нибудь определенный пункт страны и даже покидать свои квартиры. И когда ровно в девять ноль-ноль главный судья объявил о начале борьбы, тишина мгновенно была нарушена целым шквалом радиосигналов, бешеной скороговорной позывных.

Непосвященный радиослушатель, случайно попав в этот звуковой водоворот, не мог бы разобраться в его причудливом кипении, но молодой человек, сидящий у своего письменного стола в тихой комнате, находящейся в Сущевском тупике — одной из укромных улиц Москвы,— чувствовал себя совершенно спокойным. Положив правую руку на полуавтоматический ключ, он то и дело посылал в эфир позывные своей коротковолновой станции.

— Уатрицеэр, уатрицеэр,— выстукивали его быстрые пальцы, покуда левая рука неторопливо вращала рычажок приемника.

Первая буква этого бессмысленного на первый взгляд слова, У, говорила о том, что владелец станции — советский радист; вторая буква, А, значила, что его станция расположена в пределах РСФСР, цифра три обозначала центральный район страны (у коротковолновиков своя, особая география); и, наконец, две последние буквы, ЦР, являлись личными позывными радиста. Эти позывные были известны многим участникам соревнований, и, услышав буквы ЦР, они знали, что в эфире Леонид Лабутин.

«Радиофамилия» ЦР очень популярна среди коротковолновиков, хотя появилась она в эфире совсем недавно. Личные позывные Лабутина впервые прозвучали на Всесоюзных досаафовских соревнованиях 1949 года. Молодой радиолюбитель как раз накануне этих соревнований впервые опробовал свою станцию третьей категории.

Ныне в комнате Лабутина стоит радиостанция второй категории мощностью в пятьдесят ватт, сконструированная им по своей оригинальной схеме и дающая возможность устанавливать радиосвязь на всех любительских диапазонах. Особый интерес представляет двадцатиметровый диапазон, «столбовая дорога» радиолюбителей. Работая на двадцати метрах, можно разговаривать с коротковолновиками, живущими в самых отдаленных уголках страны.

В прошлом году, выступая на Всесоюзных соревнованиях ДОСААФа, Леонид Лабутин завоевал абсолютное первенство, показав лучшие результаты не только по своей второй категории, но и по высшей категории станций — мощностью до ста ватт. И вот теперь, снова вступив в борьбу с лучшими коротковолновиками страны, Лабутин решил во что бы то ни стало защитить свое звание чемпиона.

Он хорошо подготовился, тщательно изучил условия эфира, прохождение волн в зависимости от времени суток и погоды, определил, когда выгодно работать на том или другом диапазоне, улучшил возбудитель — сердце передатчика. Заранее в точно обусловленное время он назначил встречу в эфире нескольким постоянным своим корреспондентам. Услышав сигнал о начале соревнования, Лабутин сразу же стал вызывать радиостанцию УБ5БП. Это позывные радиолюбителя Погребняка из города Сталино. И уже через минуту на листе бумаги, лежащем перед Лабутиным, появилась запись, зафиксировавшая первую связь.

Любительская радиосвязь основывается не на бесцельных разговорах на любые темы, а на точном перечне вопросов. Установив связь с какой-нибудь станцией, радиолюбитель дает оценку разбираемости ее сигналов, громкости, качества тона. Все эти данные выражены по международному коду в цифрах пяти- и девятибалльной оценки. Таким образом, первая запись Лабутина выглядела так: 589 001. Это значило: разбираемость полная, громкость хорошая, отличное качество тона, связь первая. И тут же Лабутин стал вызывать второго своего корреспондента, настойчиво выбирая ключом его позывные — УБ5КУА. Так именовалась в переводе на язык радиокода коллективная радиостанция одесских любителей.

Осуществляя одну связь за другой, Лабутин каким-то вторым слухом все время пытался разыскать позывные главного своего противника — саратовского коротковолновика Чернова. Наконец ему удалось связаться с ним, и, сверив контрольные номера, он убедился, что пока все в порядке: Чернов вперед не ушел.

По условиям первого тура, за двенадцать часов работы надо было осуществить наибольшее количество радиосвязей, а во втором туре установить наибольшее количество связей с областями страны и союзными республиками.

К полудню прохождение радиоволн ухудшилось. Все хуже становились слышны ближние станции. И когда в 11 часов 13 минут Лабутину снова удалось связаться с Черновым, он узнал, что у того уже проведена 51 связь, в то время как у Лабутина состоялось всего 39.

Надо было срочно переходить на другой диапазон, и Лабутин переключил на возбудителе, стоящем справа от него, рычажок. Видимо, его примеру, стремясь вырваться из мертвой зоны, последовали и другие радисты центрального района, потому что двадцатиметровый диапазон сразу оживился. В первые минуты Лабутин еще слышал позывные иностранных коротковолновиков, а затем они были отброшены в сторону. На «столбовой дороге» действовали советские радисты...

Проходил час за часом, а Лабутин все сидел за столом, ни разу не сняв наушников. Слева от него стоял радиоприемник, справа, на тумбочке, передатчик, под столом находился выпрямитель, которым он управлял с помощью педали. С каждым часом острота слуха увеличивалась, и вместе с тем росло число дальних, трудных связей. Когда в 7 часов 45 минут вечера, перейдя на восьмидесятиметровый диапазон, Лабутин связался с пензенцем Желновым, у того было 165 связей, в то время как у Лабутина 207. Но каковы успехи Чернова? Вот о чем думал Лабутин, продолжая исписывать лист за листом...

Чернова обогнать ему не удалось. Когда ровно в 9 часов вечера был дан отбой и на любительских диапазонах снова наступили тишина и покой, стало известно, что Юрий Чернов установил 226 связей, в то время как Лабутин — только 219.

Но Лабутин знал, что главная борьба еще впереди. Когда через две недели участники соревнований снова встретились в эфире, Леонид Лабутин следовал заранее разработанной тактике. Прежде всего он постарался добиться самого трудного — связи с теми районами, которые были в тот день плохо слышны в Москве. Ему удалось установить связь с Киргизией, Узбекистаном, Туркменией, с коротковолновиками Благовещенска, Владивостока, Улан-Удэ, Южно-Сахалинска. Со всех сторон он слышал позывные своей станции, и бывали минуты, когда с ним хотели разговаривать сразу несколько корреспондентов. Так, все увеличивая и увеличивая число своих связей, Лабутин шел к финишу. И все же до самой последней минуты трудно было определить, кто выйдет победителем в этой упорной борьбе.

Наибольшее число областей сумел набрать Желнов. Он связался с 69 коротковолновиками. Лабутин занял только пятое место. Но по последнему условию соревнований никто не мог его опередить. Леонид Лабутин за 6 часов 10 минут сумел связаться с коротковолновиками четырнадцати советских республик, в то время как Желнову на это потребовалось 8 часов 48 минут. Чернов связался с тринадцатью республиками. Это и определило победителя. Московский коротковолновик мастер радиолюбительского спорта Леонид Лабутин вторично завоевал звание чемпиона ДОСААФа по радиосвязи.

Леонид Лабутин.

Фото А. Фирсова

В. ВИКТОРОВ

ШАХМАТЫ

Смыслов атакует

В партиях советских шахматистов обычно много ярких, запоминающихся ходов, остроумных комбинаций, острых положений. На турнире наций в Хельсинки великолепно играл гроссмейстер Смыслов. В чисто чигоринском стиле провел он партию против польского мастера Пытляковского.

ПРИНЯТЫЙ ФЕРЗЕВЫЙ ГАМБИТ

БЕЛЫЕ: Пытляковский (Польша).

ЧЕРНЫЕ: Смыслов (СССР).

1.	d2—d4	d7—d5
2.	c2—c4	d5 : c4
3.	Kg1—f3	Kg8—f6
4.	Фd1—a4+	c7—c6
5.	Фa4 : c4	Cc8—g4
6.	Kf3—e5	Cg4—e6
7.	Фc4—d3	Kb8—d7
8.	Ke5 : d7	. . .

Теория шахмат не рекомендует менять фигуру развитую на неразвитую. Пытляковский, несомненно, знает это правило. Но психологически такие ошибки понятны: многие шахматисты чувствуют себя неуверенно, когда против них сидит такой грозный противник, как Смыслов. Чем меньше фигур, тем меньше врагов — таков иногда их девиз,— давай меняться!

8.	. . .	Ce6 : d7
9.	Kb1—c3	Фd8—b6
10.	Cc1—d2	. . .

Более естественно было, конечно, 10. e3 и затем рокировка. Самое важное в любой партии не забывать про короля. Но нельзя упрекать мастера Пытляковского, что он недооценил следующий ход Смыслова.

10.	. . .	e7—e5!

Сильный и красивый удар в чигоринско-алехинском стиле.

11.	d4 : e5	Kf6—g4
12.	Фd3—g3	0—0—0
13.	h2—h3	. . .

Интересно, что после этого на первый взгляд очевидного хода белые чуть ли не форсированным путем проигрывают. Необходимо было 13. e3. Вместо этого Пытляковский нападает на коня в надежде, что Смыслов его отведет на пассивную позицию: h6.

13.	. . .	Cd7—e6!

Настоящий гроссмейстерский ход! Очень неприятный сюрприз для польского мастера. Если теперь 14. h : g, то Л : d2 с немедленной катастрофой.

14.	Лa1—d1	Фb6 : b2!

Смысслов снова жертвует коня. Что делать белым? Надо взять, иначе нет компенсации за материальный ущерб.

15.	h3 : g4	Cf8—b4
16.	Лh1—h3	Лd8—d4!

Этот тихий ход является завершением комбинации Смыслова. Белый король застрял в центре. Против угроз черных нет защиты.

После 16-го хода черных

17.	Фg3—e3	Лh8—d8
18.	f2—f4	Ce6 : g4
19.	Лh3—g3	Cg4—f5
20.	Лg3—f3	. . .

Забавная позиция! В ранней стадии партии, после 20 ходов, при полной доске фигур белые в цугцванге: у них нет ни одного полезного хода.

20.	. . .	Cb4—a5

Выигрывало и 20... Л : d2, а также 20... Cc2.

21.	g2—g4	Cf5 — c2
22.	e5—e6	f7 : e6
23.	Фe3 : e6 +	Крc8 — b8
24.	Лf3—d3	Cc2 : d3
25.	e2 : d3	Ca5 : c3
26.	Фe6 — e5 +	. . .

Перед капитуляцией хочется хотя бы шахнуть гроссмейстера!

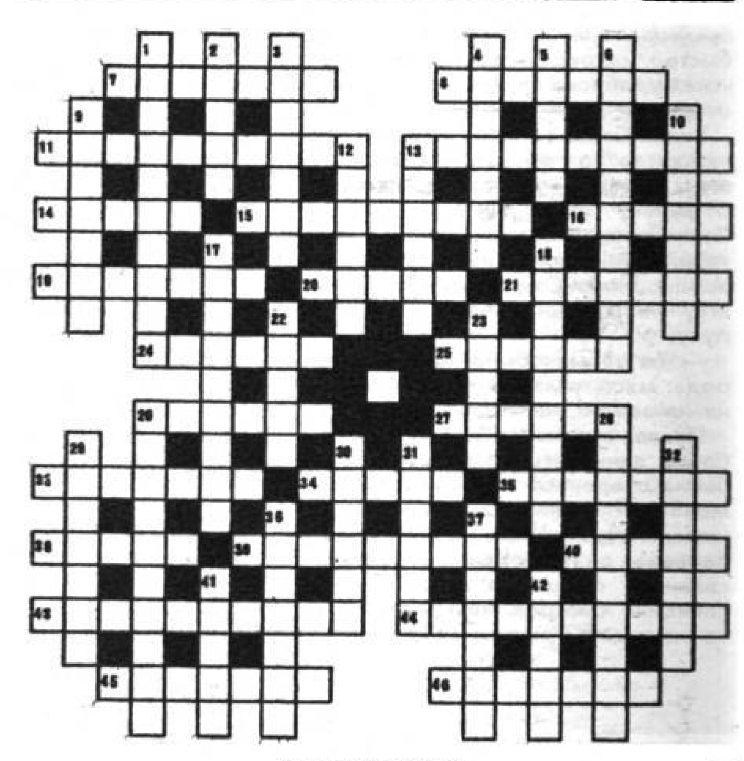
26.	. . .	Крb8—a8

Белые сдались.

Эта короткая партия — одна из лучших в полуфинальных играх.

Примечания С. ФЛОРА

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Пояснение автора к тексту пьесы. 8. Разновидность цвета. 11. Вид дороги. 13. Военачальник. 14. Растение из семейства тыквенных. 15. Автор картины «Отдых после боя». 16. Стихотворение А. С. Пушкина. 19. Безлистное среднеазиатское дерево. 20. Топографический инструмент. 21. Механизм для подъема тяжестей. 24. Государство в Азии. 25. Русский ученый-физиолог. 26. Минерал. 27. Горная порода. 33. Род сушеного винограда. 34. Химический элемент. 35. Античный философ и математик. 38. Буква греческого алфавита, в математике обозначающая знак суммы. 39. Участник восстания 1825 года. 40. Сильный внезапный порыв ветра. 43. Наука о строе языка. 44. Военный корабль. 45. Жировое вещество. 46. Органическое вещество, необходимое для нормальной деятельности организма.

По вертикали:

1. Союзная советская республика. 2. Второй по величине из Больших Антильских островов. 3. Проверочное испытание. 4. Ряд коротких строк, образующих колонку текста. 5. Главное действующее лицо. 6. Руководитель крестьянской войны начала XVII века. 9. Часть года. 10. Управление факультета. 12. Материк. 13. Пружинные щипчики. 17. Птица. 18. Оригинал. 22. Луковичное растение с цветком. 23. Остров, где некоторое время жил А. М. Горький. 26. Вычислительный прибор. 28. Линия полета пули или снаряда. 29. Маленькая птичка. 30. Род загадки. 31. Мельчайший организм. 32. Советский конструктор оружия. 36. Обследование, проверка. 37. Специальность ученого. 41. Поручение. 42. Стальной инструмент.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 36

По горизонтали:

5. Купорос. 8. «Варвары». 9. Медиана. 10. Кантеле. 11. Георгин. 12. Торонто. 13. Аванс. 18. Мотор. 21. Пугачев. 22. Атлетика. 23. Горбатов. 25. Виртуоз. 26. Угорь. 28. Жатва. 33. Руденко. 34. Глюкоза. 35. Трамвай. 36. Городки. 37. Ящерица. 38. Калория.

По вертикали:

1. Кубанка. 2. Контора. 3. «Квартет». 4. Ординар. 6. Смета. 7. Виноград. 8. Вагон. 14. Восторг. 15. Нивелир. 16. Пунктир. 17. Федоров. 19. Окраина. 20. «Обломов». 24. «Птицелов». 26. Училище. 27. Осокорь. 29. Тромбон. 30. Авиация. 31. Прага. 32. Котик.

Летающие гусеницы

«Разве гусеницы могут летать? — подумают многие, прочитав заглавие.— У гусениц ведь нет крыльев!»

Да, конечно, все гусеницы бескрылые, но среди великого многообразия природы встречаются такие парадоксы: крылатые бабочки не летают, а их бескрылые гусеницы совершают воздушные перелеты иногда на 20—30 километров.

Сказанное относится к опасному вредителю плодовых садов и лесов — непарному шелкопряду. Его самки, выходящие из куколок с брюшком, наполненным уже зрелыми яйцами, настолько тяжелы, что действительно не летают. Они откладывают все свои яйца в кучку там, где вывелась сама бабочка.

Весной следующего года из яиц вылупляются гусенички. На боках их маленьких телец имеются горизонтальные пучки длинных волосков. Они образуют как бы боковые плоскости и выполняют роль крыльев планера. Но маленькие гусенички шелкопряда обладают не только боковыми плоскостями, они имеют еще одно замечательное приспособление: среди длинных боковых волосков находятся сотни коротких, с небольшими вздутиями, наполненными воздухом. Согретый солнечным теплом, воздух в этих вздутиях расширяется, облегчая полет.

Новорожденные гусенички очень подвижны. Они взбираются на самые вершины деревьев и выпускают шелковинки. Ветер может оборвать шелковинку, и, планируя при помощи боковых волосков, гусеничка, поддерживаемая в воздухе миниатюрными «воздушными шариками» — вздутиями,— начинает полет.

В горных районах Крыма порывистый ветер сдувает с зараженных шелкопрядом деревьев множество маленьких гусеничек и бросает такие «воздушные десанты» на плодовые сады, расположенные в долинах.

О таких полетах непарного шелкопряда мы узнали давно, а два года назад специалисты Воронежской станции защиты растений выявили еще одну любопытную летающую гусеницу, совершающую групповые полеты.

Это гусеницы маленькой стеблевой моли — вредителя озимой пшеницы, ржи и кормовых злаков. Бабочки этой моли откладывают осенью яйца массами, преимущественно на соломенные крыши домов. Весной гусенички моли оплетают крыши сплошными шелковистыми тканями, которые свисают до окон. Ветер отрывает куски этой своеобразной ткани, и на самодельном ковре-самолете тысячи гусеничек улетают туда, куда их несут воздушные течения.

Они гибнут, если приземлятся там, где нет необходимых для их жизни злаков. А те, которых ветер принесет на озими, вгрызутся в стебельки и нормально разовьются. Летом выведутся бабочки и улетят под осень к колхозным строениям и ометам соломы, чтобы там пристроить свое потомство — будущих летающих гусениц.

Н. СЕРГЕЕВ

В этом номере помещены репродукции картин И. Е. Репина «Мужичок из робких», В. Е. Маковского «Не припомню», В. Г. Перова «Гитарист-бобыль», В. И. Сурикова «Портрет балерины Н. Ф. Матвеевой» и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

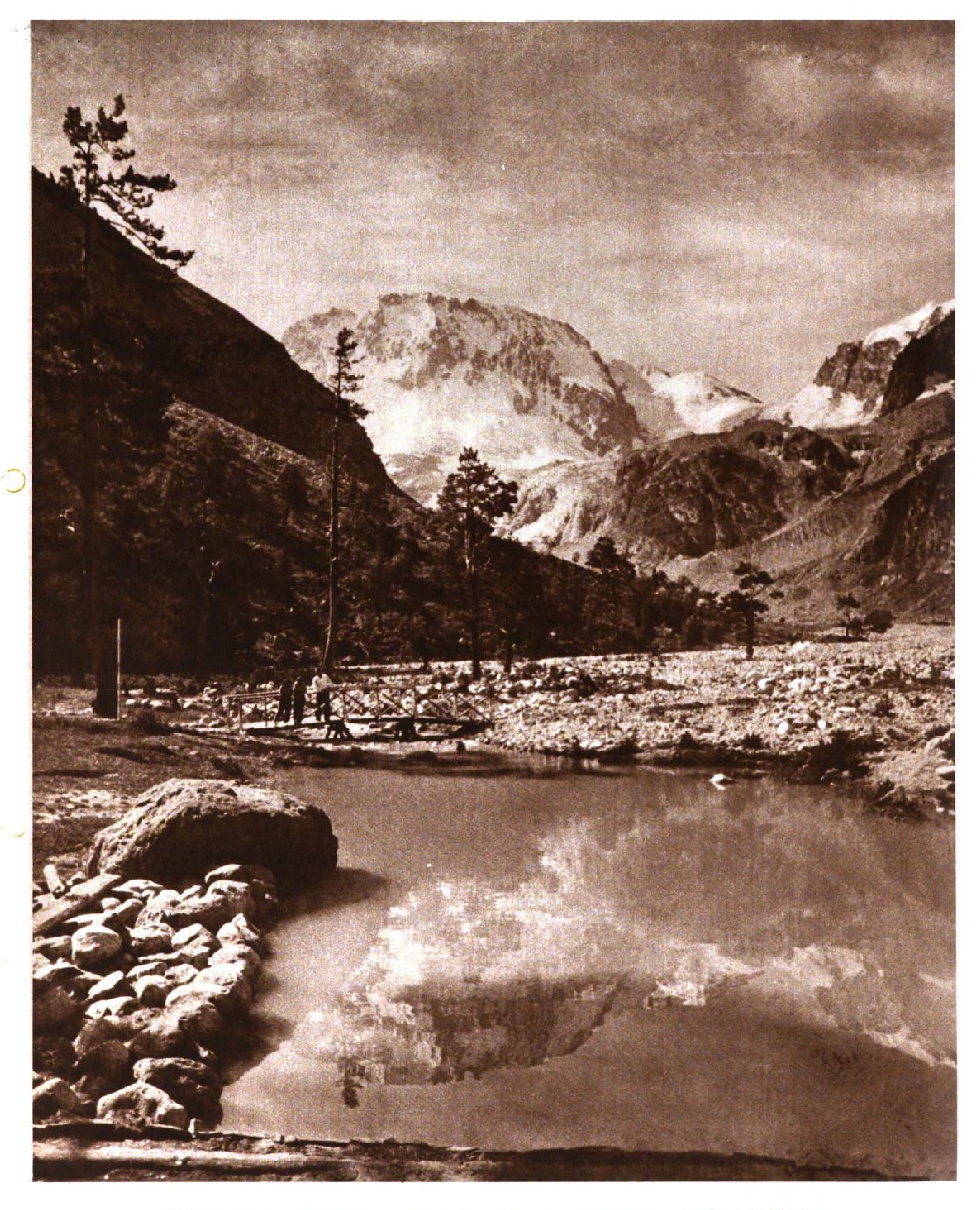
Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, К. В. СМИРНОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление Л. Шумана.

А 04487. Подп. к печ. 2/IX 1952 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 500 000. Изд. № 744. Заказ № 210. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Искусственное горное озеро в ущелье Адыр-Су, созданное у лагеря альпинистов общества «Химик».

Фото мастера спорта М. Ануфрикова

Цена номера 3 руб.